

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER THREE

MAY – JUNE

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2019

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 3

МАЙ – ИЮНЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Методия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинкский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Валдим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérenchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Макеев М.С.</i> Царь и поэт: рассказ «Не те» (1874) и культ Николая I у А.А. Фета	9
<i>Дечева С.В., Копанева А.В.</i> Особенности фразового выделения в английской художественной прозе	24
<i>Mukhortov D., Malyavina Ya.</i> Communication Styles of Female Politicians: Theresa May and Nicola Sturgeon	36
<i>Бойкова С.Е.</i> Опыт анализа особенностей детской билингвальной речи в сопоставлении с взрослой билингвальной речью на примере русского и французского языков	54
<i>Potapova R., Potapov V.</i> Some Elaboration Methods for Written and Spoken Multilingual Databases	71
<i>Абаева Е.С.</i> Когнитивное поле переводчика при работе с отрывками текста с юмористическим эффектом	92
<i>Немкова В.А.</i> Функции форм настоящего времени в текстах современных русских писателей и их интерпретации в английских переводах	105
<i>Степина М.Ю.</i> Тургенев и ранний Некрасов: «поворот к правде» ...	113
<i>Бороздина М.А.</i> Итальянская тема в творчестве Н.А. Чаева: К вопросу об эпитафии к поэме «Надя»	126
<i>Левицкая Т.В.</i> «Женский вопрос» в освещении Н.А. Лухмановой ...	134
<i>Голубицкая Н.В.</i> «Центурии» Мишеля Нострадамуса как интертекст «Двадцати пяти и одного стихотворения» Тристана Цара	145
<i>Шелкович М.В.</i> «Геронтион» Т.С. Элиота: «распад восприимчивости»	156
<i>Tempest R.</i> (Illinois). Emmets and Emotions: Reflections on the First Cycle of A. Solzhenitsyn's Miniatures	166

К 250-летию Франсуа Рене де Шатобриана

<i>Литвиненко Н.А.</i> Шатобриан и романтический канон	175

Из архива

<i>Журавлева А.И., Некрасов В.Н.</i> (1938–2009) Звучащее слово: проблемы его сценической актуализации	191

Рецензии

<i>Кульпина В.Г.</i> Рецензия на кн.: Ермакова О.П. Местоимения в русском языке: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2018	195
<i>Изотов А.И.</i> Рецензия на кн.: S k a l i ě k a V. Opavština pro samouky. Štěbořice: Matica slezská, 2017	203

Научная жизнь

<i>Яковец А.</i> Когнитивная поэтика в лингвистической перспективе (Институт языкознания РАН, 16 октября 2018 г.)	210

<i>Ремнёва М.Л., Кузьминова Е.А., Пентковская Т.В., Уржа А.В.</i> «Максимова грамматика» от раннего Нового времени до современности: Итоги конференции «Максим Грек и развитие грамматической традиции в России»	220
<i>Жолудева Л.И., Егизарян П.Э.</i> VIII и IX Международные научные конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности»	228
<i>Зевахина Т.С., Роцектаева Т.Г.</i> Круглый стол (научная конференция) «Диалекты в современном языковом пространстве»	232
Юбилей	
<i>Михайлова М.В., Шевчук Ю.В.</i> Духовная жажда Лидии Андреевны Колобаевой	237

CONTENTS

Articles

<i>Makeev M. The Poet and the Tsar: A. Fet's Not Wanted and the Cult of Nicholas I</i>	9
<i>Decheva S., Kopaneva A. The Peculiarities of Phrase Accent in English Artistic Prose</i>	24
<i>Mukhortov D., Malyavina Ya. Communication Styles of Female Politicians: Theresa May and Nicola Sturgeon</i>	36
<i>Boykova S. Russian and French Bilingualism in Children and Adults</i>	54
<i>Potapova R., Potapov V. Some Elaboration Methods for Written and Spoken Multilingual Databases</i>	71
<i>Abaeva E. The Translator's Cognitive Field and Extracts with a Humorous Effect</i>	92
<i>Nemkova V. Functions of the Present Tense in Works of Modern Russian Authors and Their Interpretations in English Translations</i>	105
<i>Stepina M. Turgenev and Early Nekrasov: "A Turn to the Truth"</i>	113
<i>Borozdina M. Italy in the Works of Nikolai Chaev: About the Epigraph to the Poem Nadia</i>	126
<i>Levitskaia T. Nadezhda Lukhmanova's Interpretation of the 'Women's Issue'</i>	134
<i>Golubitskaya N. Nostradamus' Centuries as an Intertext of Tristan Tzara's Twenty-Five and One Poems</i>	145
<i>Shelkovich M. T.S. Eliot's Gerontion: 'Dissociation of Sensibility'</i>	156
<i>Tempest R. Emmets and Emotions: Reflections on the First Cycle of A. Solzhenitsyn's Miniatures</i>	166

Celebrating the 250th Anniversary of François-René de Chateaubriand

<i>Litvinenko N. Chateaubriand and Romantic Canon</i>	175

Archives

<i>Zhuravleva A., Nekrasov V. A Word that Sounds: Problems of the Onstage Actualization of the Word</i>	191

Book Reviews

<i>Kulpina V. Book Review: Yermakova Olga P. Russian Pronouns. Moscow: Flinta, Nauka, 2016</i>	195
<i>Izotov A. Book Review: V. Skalička. Opavština Pro Samouky. Štěbořice: Matica slezská, 2017</i>	203

Scientific Life

<i>Yakovets A. Book Review: Cognitive Poetics in Linguistic Perspective. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences</i>	210
<i>Remneva M., Kuzminova E., Pentkovskaja T., Urzha A. Maksimova Grammatika from the Early Modern Times to the Present: About the Conference 'Maximus the Greek and the Development of the Grammatical Tradition in Russia'</i>	220

<i>Zholudeva L., Egizaryan P.</i> VIII and IX International Conferences on Romance Languages and Cultures: From Antiquity to Modernity	228
<i>Zevakhina T., Roshchektaeva T.</i> Round Table (Scientific Conference) Dialects in Contemporary Linguistic Space	232
Anniversaries	
<i>Mikhailova M., Shevchuk J.</i> Spiritual Thirst of Lydia Kolobaeva	237

СТАТЬИ

М.С. Макеев

ЦАРЬ И ПОЭТ: РАССКАЗ «НЕ ТЕ» (1874) И КУЛЬТ НИКОЛАЯ I У А.А. ФЕТА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Во второй половине жизни Фет постоянно чрезвычайно апологетически высказывался о личности и правлении царя Николая I, которого он регулярно объявлял не только великим монархом, но и покровителем искусства, утверждая, что его царствование создавало особенно благоприятную атмосферу для труда поэтов. Такие утверждения вызывали удивление у знакомых Фета и продолжают приводить в недоумение исследователей его биографии и творчества. Одни в них видели в них эпатаж (Полонский), другие — следствие чрезмерной пылкости «монархиста-неофита», разночинца, получившего свое звание по монаршей милости (Бухштаб). В статье доказывается, что такой «культ» крайне спорной фигуры императора Николая I у Фета имеет под собой определенную концепцию гармонии, согласно которой патологическая любовь этого царя к парадам, смотрам, к строю и показной стройности представляет собой воплощение любви к Порядку в высшем смысле. Истоки этой концепции обнаруживаются в автобиографическом рассказе Фета «Не те» (1874). В статье уточняется «реальный комментарий» к этому произведению, исправляются в комментариях к полному собранию сочинений Фета ошибки, а также проясняется суть недоразумения, изображенного в нем. В статье также демонстрируется, как поэт, рассказывая о курьезных случаях из собственной военной службы, подводит читателя к мысли о том, что любовь императора Николая I к «фронту», строю, есть внешнее выражение присущего этому государю понимания высшего значения красоты и гармонии, необходимых по-настоящему в «благоустроенном» государстве.

Ключевые слова: Афанасий Фет; Николай I; рассказ «Не те»; русская литература XIX века; автобиографическая проза.

1.

Хорошо известен своеобразный культ императора Николая I, сложившийся у Фета в 1870—1890-х годах. Чрезвычайно апологетические

Макеев Михаил Сергеевич — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mmakeev@icloud.com).

высказывания об этом царе изобилуют прежде всего в письмах внуку покойного государя, Великому Князю Константину Константиновичу (поэту К.Р.), в которых престарелый поэт, например, сообщает о «том отрадном волненье, каким исполняет» его «одно имя Николая Первого» [Литературное наследство, 2011: 762]. Эти панегирики, видимо, только отчасти были вызваны спецификой адресата, которому они обращены¹. Похвалы «красавцу императору» рассыпаны и по третьему тому воспоминаний поэта, вышедшему уже после смерти Фета. В письме А.В. Олсуфьеву от 22 мая 1888 поэт заявлял: «Я объявил уже жене, что завещаю значительную премию за наилучший документальный панегирик мудрому, геройскому и великодушному Николаю Павловичу» [Письма А.А. Фета к А.В. Олсуфьеву, 1995: 241]. Близких Фету людей изумляла, например, его готовность объявить покойного государя каким-то исключительным покровителем наук и искусств: «Я не был бы так предан памяти императора Николая, если бы не знал его глубокого сочувствия всем свободным искусствам вообще...» — писал он Великому Князю 30 декабря 1887 г. [Литературное наследство, 2011: 657]. Подобные же утверждения встречаются и в письмах Фета 1880-х годов к Я.П. Полонскому, на осторожные возражения которого поэт отвечал: «Поэты и философы окружали царей не потому, что последние их драли, а потому что при твердом течении дел можно думать и о поэзии» в письме от 12 июля 1888 г. [Литературное наследство, 2008: 659].

Эта «любовь» выглядит отчасти нарочитой, эпатажной и традиционно рассматривалась либо как элемент «автостилизации», присущей поведению Фета стремившегося быть большим католиком, чем Папа Римский — большим помещиком, чем настоящий помещик, либо в рамках разговоров о «раздвоенности» Фета, противоречиях между тонким лириком, чувствительным поэтом и крепким и безжалостным хозяином и крайне реакционным публицистом. В настоящей работе мы хотим показать, что эта симпатия к «высочайшему фельдфебелю» (как его метко окрестил Герцен) была у Фета, если не абсолютно искренней, то совершенно осознанной, и понимание причин и характера этой любви дает возможность сделать еще один шаг к пересмотру бытующих в отношении великого поэта шаблонных представлений о его двуликости (см. об этом, в частности: [Кошелев, 2006])². Материалом послужит напечатанный в

¹ Мы полагаем, что представления о «раболепстве» поэта перед юношей из царской семьи преувеличены. Во многих случаях Фет высказывает суждения вполне независимо, например, нередко хвалит Александра III, к этой ветви своей семьи весьма не благоволившего и встречавшего в ней ответную антипатию.

² «Имперское воображение» как составляющая часть литературного воображения стало не так давно объектом пристального внимания исследователей русской литературы и культуры второй половины XIX в. См. прежде всего подборку материалов, опубликованную в «Новом литературном обозрении» № 144 за 2017 г. Наиболее близок к нашему подходу, предложенный в [Соловьев, 2017].

№ 4 «Русского вестника» за 1874 г. автобиографический рассказ «Не те». Именно в этом произведении Фет впервые вывел Николая I как персонажа автобиографической художественной прозы.

2.

У исследователей этот маленький рассказ имеет репутацию исключительно «фактографического»: уже Б.И. Садовской писал, что «оба эти рассказа из военной жизни <«Не те» и «Семейство Гольц». — М.М.> наименее интересны. Сухое изложение фактов не освещено в них оригинально фетовскими теориями» [Садовской, 1916: 72]. К такой точке зрения присоединяется и автор единственного развернутого обсуждения рассказа в научной литературе Л.И. Черемисинова: «Отставной офицер в рассказе “Не те” стал своего рода “рапсодом” событий двадцатилетней давности. Подобно древним исполнителям эпических поэм, не импровизировавшим, а декламировавшим уже закрепленный в устной или письменной традиции текст, Фет ничего не придумывал. Автор поведал исторический эпизод, участником которого он был сам, вставив его в общую летопись полка. Отсутствие в повествовании “оригинальных фетовских теорий” компенсировалось лирической проникновенностью и исповедальностью тона» [Черемисинова, 2008: 224]. По мнению исследователя, содержание рассказа сводится к изображению «неизбежной “изнаночной” стороны» [Черемисинова, 2008: 232] военных учений, мораль же рассказа в том, что их (учений) «успех определялся чем-то другим, в первую очередь — опытностью и мудростью командования, умением не терять себя в экстремальных ситуациях, чтобы не позволить какой-нибудь мельчайшей оплошности расстроить все впечатление» [Черемисинова, 2008: 233]. Другие исследователи (см., например: [Строганов, 2005; Капырина, 2006], обращавшиеся к анализу фетовской прозы, о рассказе «Не те» в лучшем случае только упоминают. Мы покажем, что содержание этого произведения выходит далеко за пределы «просто истории» и намерение Фета было более серьезным, чем просто выступить в качестве «рапсода» полка, поющего то, что видит. На самом деле, в этой миниатюре как в капле воды содержится весь будущий его фетовский «культ».

«Не те» представляет собой случай очень «герметичного» текста не только потому, что рассказ насыщен специфической терминологией, но и потому, что буквальное понимание того, что в нем происходит, зависит от специфических знаний, касающихся военного устава и армейских реалий николаевской эпохи. К сожалению, единственный относительно подробный комментарий к рассказу, содержащийся в третьем томе продолжающегося двадцатитомного собрания сочинений и писем Фета [Фет, 2006: 394–398], не только не проясняет его

содержание, но скорее дезориентирует читателя. В связи с этим мы вынуждены начать с объяснения ключевых событий в сюжете произведения. В основе рассказа — случай, произошедший в 1852 г. на смотре 1-го Резервного Кавалерийского корпуса, в котором служил тогда Фет в качестве полкового адъютанта Кирасирского Военного Ордена полка. К этому центральному случаю (давшему название всему рассказу) «присоединен» эпизод, произошедший во время другого смотра. Оба этих случая служат для автора «примерами» того, какой должна быть и в чем заключается военная служба. В качестве причины, по которой Фет обратился к такому воспоминанию, авторы упомянутого комментария указывают следующее обстоятельство: «Возможно, поводом для написания рассказа о царском смотре 1852 г. были учения и Высочайший смотр 13 Драгунского Военного Ордена полка (бывшего Кирасирского), проходившие в Петербурге весной 1873 г.» [Фет, 2006: 395]. «Это событие не могло не подействовать на Фета и не вызвать в памяти те высочайшие смотры, участником которых был он сам. О значении и смысле царских смотров он рассуждает в рассказе “Не те”. Это своего рода “последняя песнь” об Орденском полку, выучка, дисциплина и красота которого в течение многих лет приводили в восторг Николая I» [Фет, 2006: 353]. Не отрицая того, что ближайшим поводом для создания рассказа, действительно, мог послужить указанный случай, мы полагаем, что контекст произведения необходимо расширить, введя в него события более масштабные и значительные, чем полковой смотр.

«Рассказ из военной жизни» Фета был напечатан (и, вероятно, написан) спустя короткое время после того, как 1 января 1874 г. вышли Манифест о всеобщей воинской повинности и Устав о воинской повинности, ставшие началом военной реформы. Ни после начала, ни во время ее подготовки Фет прямо не высказывался по конкретным вопросам, связанным с реформой. Тем не менее ни уже довольно давно шедшие процессы трансформации армии, ни ожесточенные полемики вокруг нее, ведшиеся в печати, не могли совершенно пройти мимо его внимания. Не стремясь описывать еще раз хорошо описанное и изученное, коснемся только того, что имеет прямое отношение к находящемуся в центре нашего внимания тексту. Военная реформа была направлена на снижение численности армии, стоимости ее содержания в мирное время и повышение эффективности действий — в военное. Исходя из опыта поражения в Восточной войне, реформаторы во главе с Д.А. Милютиним полагали, что для новой, по-настоящему «эффективной» армии, способной успешно воевать в стрелковой цепи, требовалось не умение солдат двигаться строем по линиям, но их способность самостоятельно ориентироваться и действовать во время сражения. Такая цель по-

требовала не только упразднения постоянных резервных частей, годами занимавшихся военной подготовкой в мирное время (т.е. именно таких частей, в которых служил Фет), и замены их службой в резерве или в запасе (по современной терминологии). Предполагалось изменить само содержание и характер этой подготовки. Тип смотра, который изображен в рассказе «Не те», представляет собой то, что считалось реформаторами (и современными историками российской армии) одним из самых больших зол старой армии — так называемое линейное учение, требовавшее именно тех навыков, которые представлялись архаичными³. Более того, такие смотры у прогрессивной части военных и общества в целом во многом ассоциировались с самим николаевским режимом, с характерными для него показухой, лицемерием, фасадом, «фронтом», за которыми скрывалась не только полная неэффективность армейского управления, но и гнилость самого николаевского режима.

Именно в таком линейном смотре, больше похожем на парад, чем на реальную подготовку к действиям против неприятеля, Фет видит своего рода идеальную модель войсковых учений. Умение «блеснуть» на таком смотре для него является кульминацией военного искусства, воплощением самой военной службы. «Если бы в мое время спросили офицера, для чего он служит, то каждый, по чистой совести, должен бы был ответить: чтоб отличиться. — Чем? Строгим знанием своего дела, вниманием к нему, умением, обратившимся в привычку, во всяком данном случае воспользоваться своим знанием, ловкостью, — словом, молодечеством» [Фет, 2006: 121]. Отличиться молодечеством означает фактически правильно выполнить команду, совершить точно маневр, прийти в намеченное место в назначенное время. В рассказе «Не те» авторское представление о службе разделяет Николай I: «Покойный император глубоко понимал это, когда, на последнем своем смотре в Елисаветграде, на прощаньи, вызвал к себе всех офицеров 2-й кирасирской дивизии и сказал: “Благодарю вас, гг., вы показали себя истинными молодцами. Вы славно мне служили, и я уверен, что вы так же славно будете служить моему сыну, моему внуку”» [Фет, 2006: 121]. Так же понимают службу и слушатели, чьи глаза «вспыхнули восторгом» от царской благодарности. Этот мотив молодчества пронизывает весь рассказ: «Начальник дивизии просил выехать *молодцами, женихами*» [Фет, 2006: 124]; «“Володаренко! не заносись!” — окрикнул я правого флангового, который, увлекаясь чувством молодчества, пустил во весь мах своего богатырского коня и выносился из линии равнения»

³ Заметим, что борьба именно с такими учениями реформаторам давалась особенно трудно из-за унаследованного Александром II от отца вкуса к красивому военному строю.

[Фет, 2006: 125]; «Между тем линейные молодцами осадили коней и выровнялись в струнку» [Фет, 2006: 126].

Это «парадное» искусство, молодечество, проявляемое на смотре, в рассказе ставится выше героических действий во время войны: «Самые лучшие войска могут и на смотру, как в сражении, показаться несостоятельными. Правда, в другой раз они возьмут свое. Но где взять этого другого раза на армейском царском смотре?» [Фет, 2006: 121] Несомненный положительный герой, выбранный Фетом на роль одного из «резонеров» в рассказе, его полковой командир барон Карл Федорович Бюлер, «этот примерный хозяин и специалист и во фронте, и в кабинете», как пишет автор, «глаз-на-глаз со мною, не скрывал страха потерять в один час всю трудовую карьеру и заслуженную известность. Сколько раз, во время царских смотров, я слышал от него: “Скажите, что в сравнении с этим значит броситься в атаку? Чем я там рискую? Жизнью, и только! а тут все может рухнуть, начиная с чести!”» [Фет, 2006: 122–123] Почему так? Очевидно, потому что смотр происходит на глазах самого царя. По условиям смотра, по его требованиям, ошибка одного человека, например, выбившегося из строя, означает ошибку всего полка, а то и корпуса, она здесь будет моментально замечена самим императором. Это подобно тому, как балет отличается от сражения: в бою пропущенный выпад противника может быть в следующую минуту компенсирован собственным ударом, в спектакле неверное движение безнадежно портит всю сцену, а то и все представление в глазах недовольной публики. Смотри требует особых качеств, по мнению Фета, высших по сравнению с простой яростью атаки или мужеством и ловкостью в штыковом бою.

Это высшее напряжение смотра как квинтэссенции службы чревато и ошибками, вызванными, говоря сегодняшним языком, гиперответственностью, ложащейся на плечи каждого участника (поскольку в линейном смотре по самой его природе не бывает главных и второстепенных персонажей — все должны действовать одинаково слаженно): «Как воздержаться от желания приложить все силы, словом, отличиться, когда человек полагает в этом цель жизни? Как в данную минуту определить границы должного? Надо в один миг, на собственный страх, решиться на то или другое, и чуть перепустил усердия — вышла каша. Это излишнее усердие и бывает постоянным источником того столбняка, который в критическую минуту находит на самых дельных и спокойных начальников или ставит их в те, со стороны комические, положения, которые всякому старослуживому хорошо известны» [Фет, 2006: 122]. Центральный эпизод в рассказе и подается Фетом как «пример» этого излишнего усердия, послужившего причиной «столбняка», паники и неверно-

го решения, едва не приведшего к тому, что смотр был испорчен. Именно в этом случае читателю требуется довольно тонкое знание военного устава для того, чтобы понять «соль» рассказа, суть того трагикомического недоразумения, на котором он основан.

В чем заключается суть этой ошибки? По описанию Фета, в смотре участвует 1-й Резервный Кавалерийский корпус, точнее, первая и вторая кирасирские дивизии, состоящие каждая из двух бригад. Соответственно, каждая бригада состояла из двух полков (об участии Резервной Уланской дивизии, также входившей в состав 1-го Резервного Кавалерийского корпуса, в рассказе ничего не говорится). Построение производится «в резервном порядке в общую колонну, тылом к городу <то есть Елизаветграду. — М.М.>, так чтобы в промежутках между правым и левыми полками приходилась самая дорога» [Фет, 2006: 123]. Иными словами, две дивизии выстраиваются позэскадронно с двух сторон дороги длинными колоннами. Бригады и полки строятся по номерам: соответственно, Кирасирский Военного Ордена полк, бывший первым номером в первой бригаде второй дивизии, располагался в голове своей колонны, а шестой эскадрон Фета был первым в своем полку и, значит, первым в своей колонне (чтобы лучше себе представить картину, можно сказать, что сразу за Орденским полком должен был быть расположен полк Е.И.В. Принца Петра Ольденбургского, а слева через дорогу — полк Е.И.В. Вел. Кн. Марии Николаевны). Таким образом, эскадрон Фета должен был играть роль чрезвычайно важную — ему приходилось возглавлять движение, в случае если бы оно было приказано в том направлении, в котором были поставлены войска, по нему должны были ориентироваться в своем движении все остальные «линии» дивизии. В свою очередь, в самом эскадроне такая ответственность ложилась на самого командира и линейных унтер-офицеров: «Стоя на левом фланге 6-го эскадрона, я выдвинулся вперед на пол-лошади, чтоб обратить на себя внимание моих линейных унтер-офицеров, и убедился, что они не спускают с меня глаз» [Фет, 2006: 124]⁴. Войска стоят на изготовку в прекрасном порядке (все обмундирование сверкает) и готовы начать движение в любом порядке и в любом направлении (вовсе не обязательно в ту сторону, в какую они обращены в этот момент).

⁴ К сожалению, именно объяснение того, кто такой «линейный унтер-офицер», в комментариях к рассказу является ошибочным и дезинформирующим: «... *линейные унтер-офицеры*... — Звание младшего командного состава из солдат; первый военный чин после звания рядового или ефрейтора, линейные войска составляли основу армии, относясь к группе регулярных войск» [Фет, 2006: 397]. Линейные унтер-офицеры в данном случае те, которые должны выдвинуться вперед, обозначить те позиции, к которым должны двигаться подразделения. См. в том же рассказе: «В 2 часа утра офицеры генерального штаба разбили места полкам, а высланные к ним линейные унтер-офицеры воткнули на отмеренных местах пики» [Фет, 2006: 123].

Следующий эпизод также требует внимательного чтения, поскольку вводит важную для понимания «соли» рассказа деталь: Николай I со свитой выехал из Елизаветграда и по дороге проехал между дивизиями от задних рядов к передним (как по «славной аллее») — они сначала слышат топот копыт, а уже затем видят самого императора и его свиту. Государь приветствует полки необычно: «Здорово, кирасиры, гренадеры! Здорово, стародубовцы! здорово, новороссийцы и малороссийцы!» [Фет, 2006: 124] Комментарий к этому месту в третьем томе Собрания сочинений совершенно ничего не проясняет («стародубовцы! новороссийцы и малороссийцы!» — 12-й Драгунский Стародубовский полк; 3-й Драгунский Новороссийский Е.И. Высочества Вел. Кн. Елены Павловны полк; 14-й Драгунский Малороссийский Наследного Принца Германского и Прусского полк» [Фет, 2006: 398]. Из него совершенно непонятно, причем здесь драгунские полки, если речь идет исключительно о кирасирских. Между тем точность важна, поскольку Фет хочет показать прекрасную память императора, отлично помнившего не только все текущие, но и прежние названия частей: «Целая буря: ура! покрыла последние слова государя, назвавшего полки их старыми именами» [Фет, 2006: 124]. Действительно, из участвовавших в маневрах Кирасирский Принца Альберта Прусского полк носил первоначально название Малороссийского гренадерского, Кирасирский Е. Имп. Выс. Вел. Кн. Елены Павловны полк был составлен из Новороссийских и Малороссийских частей, Кирасирский Е. Имп. Выс. Принца Петра Ольденбургского полк назывался Стародубовским конным (потом Карабинерным, потом Кирасирским) полком. Полк, в котором служил Фет, когда-то имел название Драгунского Гренадерского Роппа полка [Хроника российской императорской армии, составленная по высочайшему повелению, 1852].

Правильное понимание того, кто такие «линейные унтер-офицеры», дает ключ и к пониманию дальнейших событий и их трагикомическому характеру, едва не испортившему безнадежно смотр. После того, как государь со свитой проехал, «минут через десять, в промежутках между полками, в пыли, нигде не задерживаясь и погоняя нагайками лошадей, пронеслись флигель-адъютанты, громко повторяя команду: “линейные унтер-офицеры к государю императору”. Разумеется, команда с треском была повторена всеми главноначальствующими, исключая моего барона, который и рта не разинул. “Какие линейные? Куда к государю императору?” Вслед за тем новые флигель-адъютанты не менее стремительно разносят ту же команду. На этот раз, в повторительной команде начальников уже слышно раздражение, как бы обвиняющее кого-то в неисполнительности» [Фет, 2006: 125]. Источником замешательства и даже паники

становится не просто непонимание того, каких унтер-офицеров хочет видеть государь, но и того, означает ли это собственно начать движение по направлению к нему. То решение, которое принимает корпусный командир генерал И.Ф. Оффенберг — послать Фета с его эскадронными линейными унтер-офицерами к императору — фактически исходит из того, что сделать что-нибудь менее опасно, чем не сделать ничего.

Фет, вынужденный выполнить уже приказание непосредственного начальства, понимает его так, что ему вместе тремя линейными унтер-офицерами (в эскадроне четыре взвода) нужно выдвинуться к объекту (которым является в данном случае сам император) и обозначить линии и пункты, к которым должен выдвинуться полк, а за ним, очевидно, бригада, а затем вся дивизия. Задача осложнялась тем, что было непонятно, где государь находится (напомним, он ускакал куда-то вперед): «Приблизительно в версте расстояния, влево от дороги, мы заметили одинокого всадника и угадали в нем государя. Дело упрощалось. Оставалось всем нам четверем, не теряя интервалов и равнения, проскакать как можно скорее это пространство, правильно с марш-марша осадить лошадей шагов за шестнадцать до государя, выслушать приказание, выравняться и неподвижно остаться до прибытия полка» [Фет, 2006: 125]. В этот момент абсурдность ситуации усиливается: «Между нами и государем желтою змеею извивается глубокий, непрерывный овраг» [Фет, 2006: 126]. В сущности, это обстоятельство не является большой проблемой для линейных и самого Фета — они «молодечески» его перескакивают и останавливаются линией: «Между тем линейные молодцами осадили коней и выровнялись в струнку» [Фет, 2006: 126]. Проблема, которую должен заметить внимательный читатель, заключается в том, что этот овраг должна будет перепрыгнуть добрая часть полка. Однако ситуацию исправляет сам Николай Павлович: «— Какого полка? — спросил государь, милостиво глядя мне прямо в глаза.

— Кирасирского Военного Ордена, ваше императорское величество.

— Не те. На свои места!

Взяв на подвысь, я правильно, как на манеже, повернул лошадей направо-кругом и с места в карьер, тем же следом, поскакал с линейными к полку. С половины дороги мы, шадя лошадей, поехали большим галопом [Фет, 2006: 126]. Нелепая ошибка, грозившая превратить священнодействие в посмешище, предотвращена.

Мы видим, таким образом, что государь исправил ошибку и предотвратил целую катастрофу. Однако кто, собственно, ошибку допустил? Сам рассказчик просто выполнял конкретное приказа-

ние, совершив ошибку поневоле (и так пошло прахом его и унтер-офицеров «молодечество», проявленное перед лицом императора). Очевидно, что ошибку допустил корпусной командир, решив сделать что-нибудь, пусть нелепое, но все же менее «страшное», чем взять на себя ответственность за игнорирование распоряжения государя. А как император? Лежит ли на нем вина за едва не сорванный смотр? Прямого ответа в рассказе, конечно, нет: чего на самом деле хотел царь, почему переданное от его имени распоряжение было неясным и вводящим в опасное заблуждение подчиненных, остается неизвестным. Косвенный, не прямой ответ, однако, в рассказе присутствует. Ключ к нему дает тот вопрос, с которым обратился Николай к стоящему на небольшом отделении Фету: «какого полка?» Сам поэт, поместив этот эпизод в свои позднейшие воспоминания почти без изменения, дополнил его таким финальным рассуждением (которое опущено в рассказе): «Для меня осталось необъяснимым, каким образом провидец император, смотря в пятнадцати шагах на единственную во всей армии георгиевскую звезду на каске, мог спросить, какого полка линейные» [Фет, 1893: 535]. То, что государь, прекрасно помнящий старые названия полков, не опознал такого знака, да и вообще просто не узнал полк по мундиру, говорит, видимо, о каком-то особом состоянии императора, оторванного от происходящего, может быть, думающего о чем-то таком, что отвлекло его от текущих событий, от всего, так сказать, земного.

Прав в этом эпизоде не император, а Бюлер, который во время паники, охватившей командный состав дивизии, несомненно, слыша приказы лучше других («Внимателен он был, невзирая на болезненный шум в ушах, неумоимо. Если в общем гуле он не слышал команды, значит, никто ее не слышал» [Фет, 2006: 123], «и рта не разинул» и сохранял спокойствие, очевидно, понимая, что происходит какая-то нелепая ошибка, которая сама собой исправится (и он с самого начала был описан в рассказе как человек хладнокровный: «Между тем не помню случая, чтоб очевидная беда или невзгода произвели в нем торопливость и суету» [Фет, 2006: 123]). Бюлеру поручается произнести последнее слово в рассказе: « — Ну что? — спросил барон, когда на отдувающейся лошади я стал около него.

— Известно: не те. Только лошадей измучили напрасною суетой. У нас все так, — прибавил я невольно.

— Черти! — лаконически заключил барон» [Фет, 2006: 126]. В сущности, правота командира полка заключается в том, что он фактически саботировал приказ, исходивший от самого императора, поскольку считал его нелепым и вредным.

Идея, что государь может ошибаться, еще более сильно выражена в «присоединенном» к центральному эпизоду, в котором главным действующим лицом является другой любимый Фетом начальник —

командир 1-го резервного кавалерийского корпуса барон Дмитрий Ерофеевич фон Остен-Сакен (обозначен криптонимом «С.»): «После двух дней неудачного царского смотра, я вошел в кабинет нашего корпусного командира, барона, ныне графа, С., человека не только примерной храбрости, но высокого духа. Стоя в обычном своем положении, с закинутым правым носком за левую ступню, барон встретил меня словами, произносимыми нараспев: “Государь нами недоволен. Но я совершенно покоен. Войска в примерном состоянии”. На следующий день слова эти оправдались. Прощальные маневры были исполнены с такою отчетливостью и изумительною точностью, что государь засиял восторгом. “Недостает одного, чтобы С. подоспел с своим корпусом”. Не успел государь окончить этих слов, как один из свиты доложил: “С. идет”, и в тот же миг не замеченные до того густые колонны всадников стали на полных рысях стройно вырываться из глубокой балки, сухим руслом которой они пронеслись на огромном расстоянии» ([Фет, 2006: 121–122]). И в данном случае оказался прав подчиненный, а неудовольствие императора было результатом его неверного, ошибочного понимания ситуации. Государь может ошибаться, но может (и ощущает себя должным) признавать и исправлять ошибки, поскольку, как и все другие участники маневров и смотров, «службы» вообще, от унтер-офицера до корпусного командира, ставит законы и правила «фронта», «службы» выше своего самолюбия. Он требует от других и от себя не исполнения его «воли», а точного, желательного, идеального, исполнения их законов и правил.

3.

Государь может ошибиться, но так, как может ошибиться величайший знаток чего-либо в отношении своего предмета, не переставая быть знатоком. В этом смысле знание законов и правил «службы» и самое главное готовность подчинить себя и свою деятельность этим законам вполне может быть сродни знанию законов другой деятельности, для которой важны правила и законы, в том числе художественному творчеству, в частности, поэзии. И такое сравнение Фет будет вполне смело проводить. Цитированный эпизод с Остен-Сакеном поэт воспроизвел не только в позднейших мемуарах. В письме Великому Князю Константину Константиновичу 28 октября 1888 г. в ответ на недоумение августейшего корреспондента по поводу того, что такие знатоки, как Фет и Гончаров, расходятся в оценке его стихотворений, высказывая о них прямо противоположные мнения, поэт проводит смелую аналогию: «Вспоминаю минуту, когда, исправляя должность старшего адъютанта в Штабе, я, во время царского смотра в Елизаветграде, застал в гостиной одного

Дмитрия Ерофеевича Сакена, прислонившимся спиной к столу и раскачивавшимся вправо и влево с заложенной ногою за ногу (это была его обычная поза). При моем появлении Сакен сказал: “Государь (Николай Павлович) недоволен войсками, но я уверен, что он сам убедится в превосходном их состоянии”. — На другой день Государь был в восторге и надел на Сакена Владимирскую ленту — Если два несомненных знатока могут быть не согласны в оценке такого очевидного дела, как фронт, то что же говорить об оценке художественных произведений?» [Литературное наследство, 2011: 732].

Такое сопоставление допустимо только в том случае, если уподобляемые роды деятельности представляются в чем-то однотипными. Оба они подчиняются законам, строгим правилам, которые имеют, однако, бесконечные возможности воплощения. Для того чтобы быть знатоками, нужно знать досконально эти законы и ставить их выше всего. Для того чтобы между знатоками могли тем не менее возникать споры по конкретным поводам, эти законы должны претворяться в бесконечно разнообразных явлениях. Подобно Гончарову и Фету по отношению к стихам К.Р., Николай I и барон Остен-Сакен по отношению к «состоянию войск» сходятся в понимании законов фронта, но расходятся в том, насколько нынешняя ситуация им соответствует. Сами эти законы представляются Фету выражениями одного и того же универсального закона порядка и гармонии. Еще в первом очерке цикла «Из деревни» мы встречаем неожиданное рассуждение: «Кто не понимает наслаждения: стройностью, в чем бы она ни проявлялась, в движениях хорошо выдержанного и обученного войска, в совокупных ли усилиях бурлаков, тянущих бечеву под рассчитанно-однообразные звуки “ивушки”, тот не поймет и значения Амфиона, создавшего Фивы звуками лиры» [Фет, 2007: 137]. «Гармония также истина. Там, где разрушается гармония — разрушается и бытие, а с ним и его истина», — говорится в статье «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» [Фет, 2006: 281]. Со временем именно «фронт» и «служба» для этого совершенно чуждого настоящему милитаризму человека (Фет, что на самом деле совсем не удивительно, скептически отнесся к двум самым тяжелым войнам, выпавшим стране за годы его жизни, — восточной⁵ и русско-турецкой) стали даже ближе к этим законам, чем сама поэзия.

Отсюда и утверждение в письме от 18 июня 1887 г. тому же К.Р. необходимости военной, а на самом деле «фронтальной», службы для молодых людей: «Нет жизненной школы выше фронтальной жизни, которая в наше время заменяет палестру древних Греков. Тут мало того, чтобы ходить скоро и продолжительно под оружием, командо-

⁵ Впрочем, оборона Севастополя задним числом вызвала у него вполне сочувственный отклик после посещения Крыма в позднем возрасте.

вать вовремя и внятно: надо все это делать изящно. В какой другой среде так необходимо считаться с убеждениями и даже предрассудками? Разве, например, для меня в настоящее время может быть обязательно мнение моих городских или деревенских соседей? Как бы безобразна ни была моя жизнь, дворянское сословие не может ко мне прикасаться до совершения мною явного преступления. Могли я стоять с теми же убеждениями во фронте?» [Литературное наследство, 2011: 626] По Фету, такая мирная псевдо-военная служба, «фронт», приучает человека к порядку в каком-то более высоком смысле, чем просто к дисциплине и способности выполнять приказания, — к осознанию порядка и красоты как сущности жизни, как высшего правила поведения. «Фронт» в конечном счете дает ключ к пониманию сущности всех вещей. Этим стремлением к какому-то настоящему знанию о жизни и правильному самовоспитанию Фет будет объяснять свое стремление к военной карьере: «Когда со школьной скамьи я, по производстве в офицеры, попал в Корпусный Штаб, эскадронный командир, старый гусар Гайли, оттягивая книзу бесконечный ус свой, не переставал повторять мне: “fug einen jungen Menschen giebt es nichts nobleres, als die Fronte”. И, быть может, благодаря отчасти этим словам, я через год уже, в качестве полкового адъютанта, носился стремглав с линейным и поневоле должен был изучить фронт до малейших подробностей, так как многократно приходилось начистоту отбывать службу перед всезрящими глазами Вашего Великого Деда, от которого наше сразу разнuzданное и одичавшее, общественное мнение внезапно отвернулось, а теперь наравне с целым светом все более и более перед ним преклоняется» [Литературное наследство, 2011: 625]. Потому Фет сочувственно цитирует того же Бюлера, говорившего, что «командир отдельной части всегда будет хорошим хозяином» [Литературное наследство, 2011: 626], утверждая почти прямо, что и своими хозяйственными результатами он обязан школе «фронта». И Николай I для Фета был великим государем не потому, что был деспотом, пошло любившим «парады», а потому что, по мнению поэта, гениально понимал и любил высший Порядок и стремился охранять и улучшать его в доставшемся ему государстве. Требуя его от других, он сам себя ему подчинял как офицер, помещик или поэт, свободно творивший и одновременно подчинивший себя требованиям гармонии.

Список литературы

1. Капырина Т.А. Поэтика прозы А.А. Фета: Сюжет и повествование: Дисс. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006.
2. Кошелев В.А. Афанасий Фет. Преодоление мифов. Курск, 2006.

3. Литературное наследство. Т. 103: А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. М., 2008.
4. Литературное наследство. Кн. 2. М., 2011.
5. Письма А.А. Фета к А.В. Олсуфьеву 1995 // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 50. М., 1995.
6. Садовской Б.И. Ледоход: Статьи и заметки. Пг, 1916.
7. Соловьев К. Бюрократия versus бюрократия: парадоксы государственной службы в России в конце XIX — начале XX веков // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144).
8. Струганов М.В. «Мир от красоты»: проза и поэзия Афанасия Фета. Курск, 2005.
9. Фет А.А. Ранние годы моей жизни. М., 1893.
10. Фет А.А. Сочинения и письма: В 20 т. Т. 3: Повести и рассказы. Критические статьи. СПб, 2006.
11. Фет А.А. Сочинения и письма: В 20 т. Т. 4: Очерки: Из-за границы. Из деревни. СПб, 2007.
12. Хроника российской императорской армии, составленная по высочайшему повелению. Ч. 5. СПб, 1852.
13. Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета. Саратов, 2008.

Mikhail Makeev

**THE POET AND THE TSAR:
A. FET'S *NOT WANTED* AND THE CULT OF NICHOLAS I**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the second half of his life, the Russian poet Afanasy Fet constantly demonstrated great respect and almost adoration for the personality and rule of Tsar Nicholas I, whom he regularly declared not only a great monarch, but also a patron of art, arguing that his reign created a particularly favorable atmosphere for the work of poets. Such declarations were surprising to Fet's acquaintances and they still continue to perplex the researchers of his biography and work. Some of them (for example, Polonsky) saw them as intended to tease his correspondents, others (like Buchshtab) as a consequence of the excessive ardor of the "monarchist-neophyte", *raznochinets*, who received his title at the mercy of the monarch. The article proves that the "cult" of such an extremely controversial figure as Emperor Nicholas I was based on a certain concept of harmony, according to which the pathological love of this king for parades, shows, false order and ostentatious harmony is the embodiment of love for Order in a high sense of the word. The origins of this concept are found in Fet's autobiographical story *Not Wanted* (1874). The present article clarifies the "real comment" on this work, corrects the mistakes made in the comments to *The Complete Works of Afanasy Fet*, and clarifies the essence of the misunderstanding depicted in this story. The article also shows how

a poet, speaking of curious cases from his own military service, leads the reader to the idea that Emperor Nicholas's love for the "front", the system, is an outward expression of the sovereign's understanding of the highest meaning of beauty and harmony required in a truly "well-maintained" state.

Key words: Afanasy Fet; Nikolas I; 19th-century Russian literature; autobiographical prose.

About the author: *Mikhail Makeev* — Prof. Dr., Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mmakeev@icloud.com).

References

1. Cheremisina L.I. Prosa A.A. Feta [A.A. Fet's prose]. Saratov. *Izdatelstvo Saratovskogo universiteta*, 2008. 376 p.
2. Chronika rossiyskoy imperatorskoy armii [A Chronicle of the Russian Emperor's Army]. Vol. 5. Saint-Petersburg, *Voennaya Tipografiya*, 1852. 533 p.
3. Fet A.A. Ranniye gody moyey zhisni [Early Years of My Life]. Moscow, *Tovarischestvo tipografii A.I. Mamontova*, 1893. 469 p.
4. Fet A.A. Sochineniya i pisma v 20 t.T. 3. Povesti i rasskazy. Kriticheskiye statii [Works and Letters. Vol. 3. Stories and novels. Critical works]. Saint-Petersburg, *Folio-Press*. 2006. 518 p.
5. Fet A.A. Sochineniya i pisma v 20 t.T. 4. Ocherki: Iz-za granizy. Iz derevni [Works and Letters. Vol. 3. Essays: From Abroad. From Country]. Saint-Petersburg, *Folio-Press — Aton*. 2007. 560 p.
6. Kapyrina T.A. Poetica prozy A.A. Feta: suzet i povestvovaniye [Poetics of A.A. Fet's prose: plot and narration]. Kolomna, 2006. 151 p.
7. Koshelev V.A. Afanasy Fet. Preodoleniye mifov [Afanasy Fet. Overcoming myths]. Kursk, *Kursky Gosudarstvennyy Universitet Publ.*, 2006. 336 p.
8. Literaturnoye Nasledstvo. A.A. Fet i ego literaturnoye okruzeniye [Literary Heritage. A.A. Fet and his literary circle] Vol. 1. Moscow, *IMLI RAN Publ.*, 2008. 992 p.
9. Literaturnoye Nasledstvo. A.A. Fet i ego literaturnoye okruzeniye [Literary Heritage. A.A. Fet and his literary circle] Vol. 2. Moscow, *IMLI RAN Publ.*, 2011. 1040 p.
10. Pisma A.A. Feta k A.V. Olsufyevu [A.A. Fet's Letters to A.V. Olsufyev]. *Zapiski Otdela rukopisey RGB*. Vol. 50. Moscow, *RGB Publ.*, 1995.
11. Sadovskoy B.I. Ledohod: statyi i zametki [Floating of Ice: Articles and Notes. Petrograd, *published by author*, 1916. 206 p.
12. Solovyov K. Byurokratiya vs. byurokratiya.: paradoxy gosudarstvennoy sluzby v Rossii v konze XIX — nachale XX vekov [Bureaucracy vs. Bureaucracy: Paradoxes of Government Service in the Late 19th-century / Early 20th-century Russia]. *Novoe Literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. 2017. № 2 (144), pp. 113–121.
13. Stroganov M.V. "Mir ot krasoty": prosa i poesiya Afanasiya Feta [World from beauty: prose and poetry of Afanasy Foeth]. Kursk, *Kursky Gosudarstvennyy Universitet Publ.*, 2005. 162 p.

С.В. Дечева, А.В. Копанева

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗОВОГО ВЫДЕЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

О фразовом выделении в английском языке сказано и написано немало. Тем не менее целый ряд вопросов, связанных с его реальным использованием, остаются открытыми. Прежде всего это определение точного местоположения сильноударенных (дополнительно выделенных) элементов высказывания. Кроме того, это и то, за счет каких фонетических средств возникает эффект выделенности. В этой связи предлагается рассмотреть особенности функционирования фразового выделения в художественном тексте с позиций английской силлабики, поскольку слог как предельная психолингвистическая единица позволяет передать заключенное в нем метасодержание, которое иными средствами выразить невозможно. Материал убеждает нас в том, что фонетическое своеобразие и расположение фразового акцента в английской художественной прозе подлежат усвоению только с учетом его силлабических составляющих, а также других предпосылок явления ударенности.

Ключевые слова: силлабика; когнитивная обработка; филологическое чтение; внутренняя речь; содержание-намерение; эффект выделенности.

В настоящей статье рассматриваются особенности расположения фразового акцента (*phrase accent*) в английской художественной прозе. На первый план выходят принципы английской силлабики [Дечева, 1995], а также представление о том, что слоги по своей природе являются психолингвистическими единицами [Жинкин, 1958]. Для нас это положение представляет особую значимость, поскольку эффект выделенности в тексте всегда **онтологически** связан со слогом. Иными словами, в процессе кодирования и декодирования сообщения именно слог является той глобальной, далее неделимой единицей, благодаря которой осуществляется переход к слову, как единице более высокого порядка, имеющей собственное значение.

Дечева Светлана Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dechevasv@gmail.com).

Копанева Анастасия Валерьевна — аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anastasiya25n@mail.ru).

Необходимо отметить в этой связи, что в английском языке роль слога в процессе живого человеческого общения невозможно переоценить. Известно, например, что практически любой слог, независимо от того, является ли он ингерентно сильным или слабым (ударным или безударным), может как приобретать в высказывании дополнительный коммуникативный вес и максимальную степень выделенности (*prominence*), так и, наоборот, оказываться фонетически ослабленным исключительно в зависимости от интенции говорящего.

Этим же объясняется и присущая англофонам исключительная восприимчивость к всевозможным слоговым модификациям, сопровождающим эффект выделенности. Их использование отличается огромным разнообразием, и благодаря им передается такое метасодержание, которое невозможно выразить иными средствами [Пономарева, 2013; Дечева, Ильина, 2018]. Неслучайно поэтому явление игры слов — часть именно английской языковой культуры.

Следует также заметить, что слоговые особенности английского языка во многом позволяют интерпретировать авторский замысел, или более общее содержание-намерение, заключенное в жанре “*belles lettres*”¹. Об этом свидетельствует слоговая фонетика аффектов, характеризующаяся сверхсильным или сверхдолгим выделением слогов, ясностью и четкостью слогостыков (*syllable junctures*). Однако приходится констатировать, что никакие графические средства неспособны отразить реальное звучание всевозможных слоговых слияний и переходов².

Таким образом, каждый раз требуется когнитивная обработка (*cognitive processing*) материала и специальное знание не только социокультурно-исторических и психологических, но и собственно фонетических предпосылок разбивки на слоги. Это означает, что чтение и понимание эстетически организованного художественного целого предполагает обращение к положениям когнитивной силлабики, т.е. к вопросу о том, кем, как и с какой целью используется и специально обыгрывается заложенное в самой структуре английского языка деление слов на слоги, которые либо выделяются в потоке речи, либо растворяются в фонетическом окружении.

¹ При анализе художественной прозы в многочисленных исследованиях ученых кафедры английского языкознания, посвященных филологическому чтению, обычно используется словосочетание “*artistic prose*” [Akhmanova, Zadornova, 1988; Maguidova, Mikhailovskaya, 1999; Назарова, 2017].

² Н.И. Жинкин подчеркивает, что при минимальной графической разметке угадывание особенностей звучания письменного текста зависит от читающего, который при чтении вслух должен выделять в нем слоги в соответствии со стереотипами слогаобразования в том языке, на котором написано произведение. Эти стереотипы способствуют пониманию сложного текста при прочтении его во внутренней речи [Жинкин, 1958].

Из сказанного следует, что слог — это такая живая реальность художественного текста, что его дополнительное выделение при помощи тех или иных просодических средств является залогом истинной диалогичности общения³ и способности читателя к декодированию авторского замысла, на котором основывается процесс **филологического** чтения⁴. Иными словами, определение местоположения фразового выделения в художественном произведении связано с воспроизведением текста во внутренней речи читателя, что и позволяет ему приблизиться к всестороннему пониманию прочитанного. При этом и адекватная расстановка акцентов, и степень выделенности каждого из слогов зависит от общей филологической и языковой грамотности читающего⁵.

Заметим, несмотря на то, что понятию “accent” в английском языке посвящена огромная литература [Jones, 1960; Crystal, 1969; Gimson, 1989; Боянус, 1926; Торсуев, 1975; и др.], вопрос о том, каким образом то или иное слово в потоке речи обозначается особой (не свойственной ему на эмиическом уровне) степенью выделенности, до сих пор во многом остается открытым. Иными словами, считается, что определенную степень выделенности в речи получают только те слова, которые обладают для говорящего особой значимостью.

Что касается других аспектов фразового выделения в английском языке, а также тех когнитивных механизмов, которые скрываются за явлением акцентуации как совокупности всех средств, выделяющих слог [Трахтеров, 1962], то в университетском курсе английской фонетики о них было заявлено относительно недавно. Так, благодаря **прагмафоностилистическому** анализу роли и места фразового акцента в различных регистрах речи⁶ были обозначены некоторые синтактико-стилистические позиции, которые обычно сопровождаются эмфатическим выделением.

Было показано, например, что в произведениях словесно-художественного творчества слова, имеющие экспрессивно-эмоционально-оценочные коннотации (метафоры, цветообозначения, сравнения), нередко оказываются выделенными при помощи резкого изменения мелодической кривой, которое сопровождается разнообразными модификациями темпа, громкости и диапазона

³ См. об этом более подробно [Бахтин, 2002; Гвишиани, 2018].

⁴ О методе филологической герменевтики и двусторонней связи между текстом и знаниями читателя о мире, культуре, социально-исторических особенностях эпохи и т.д. см. более подробно [Akhmanova, Zadornova, 1988; Maguidova, Mikhailovskaya, 1999; Назарова, 2017].

⁵ Л.В. Щерба утверждал, что текст может быть прочитан по-разному, поскольку многое в нем остается необозначенным, и читателю необходимо хорошее знание языка, чтобы приблизиться к раскрытию авторского замысла [Щерба, 1957].

⁶ Об особенностях эффекта выделенности в американской и британской публичной речи см. [Лебедева, 2009; Шиханцов, 2012].

[Мельникова, 2013; Алексюк, 2016; Тренина, 2018; Koraneva, 2018]. Кроме того, ставится вопрос о просодическом моделировании наиболее частотных типов фразовых акцентов в ситуациях синонимической конденсации и фонестемической аттракции⁷ в художественном тексте. При этом основное внимание уделяется только внезапному изменению мелодической кривой. Остальные же, не менее важные и способствующие эффекту выделенности фонетические средства не получают специального разъяснения. В результате остается ряд недостаточно изученных вопросов, касающихся роли и места дополнительной выделенности слов и слогов в художественном тексте.

В связи с этим в настоящем исследовании за исходные принимаются положения когнитивной силлабики, позволяющие заострить внимание на до сих пор не раскрытых аспектах явления акцентного выделения. Большое значение приобретает психолингвистический аспект проблемы и характерный для английского языка слоговой стереотип, согласно которому фонемы соединяются в слоги, а слоги в слова и более протяженные лексические последовательности.

Так, для британского варианта характерен сильный тип примыкания согласных к предшествующим гласным и так называемый усеченный (checked) слог, который произносится с сильным отступом (off-glide) и двумя пиками артикуляционной напряженности — в стадии слоговой экскурсии и рекурсии. Незнание этих особенностей фонации иногда приводит к тому, что привычные для читателей артикуляционные механизмы автоматически переносятся на английский язык, что находит свое отражение как на сегментном, так и на сверхсегментном уровне.

Это объясняется тем, что слог выступает в речи как единица, одновременно воплощающая акустические и артикуляционные, фонетические и фонологические начала, т.е. малейшие изменения, которые происходят в звучащей речи, неизбежно воспроизводятся в произнесении отдельных слогов. То же относится и к фразовому акценту, который всецело зависит от присущей каждому говорящему модели когниции (или того, что профессор Боянус называет **фонетическим мирозерцанием** [Боянус, 1926]).

Иными словами, привычка слышать и выстраивать собственную речь по аналогии с фонетическими особенностями родного языка распространяется также и на явление слоговой и словесной выделенности. Специально проведенное исследование свидетельствует о том, что трехсложное слово, произнесенное с одинаковым ударением на каждом из слогов, может подвергаться дальнейшему препарированию в речи пользующихся английским языком как *lingua franca* с учетом присущих им речедвигательных стереотипов. Реальное

⁷ Фонестемическая аттракция — это намеренное сближение и обыгрывание фонетически созвучных слов в речи [Назарова, 2017].

звучание как бы перестраивается с опорой на более знакомое и утвердившееся в их сознании акцентное строение слова (accentual pattern) [Lado, 1964; Cutler, 2015].

В связи с этим уже на этой стадии нашего исследования можно предположить, что при восприятии фразового выделения будут задействованы те же словесные механизмы [Крейчи, Кривнова, Тихонова, 2018]. Отсюда необходимость когнитивного осмысления эффекта выделенности в английской художественной прозе и всесторонней обработки материала с учетом всех языковых реалий, связанных с культурно-историческим и звучащим своеобразием современной английской речи. На первый план выходят реально наблюдаемые явления фонации, которыми продиктован выбор наиболее значимых элементов языка, позволяющих раскрыть изначальный замысел автора и проследить подразумеваемую им акцентуацию текста⁸.

Следует упомянуть в связи с этим и явление контрастного функционирования слогов, характерное для современной английской речи в целом и для произведений словесно-художественного творчества в частности. Основная роль отводится способности говорящего придавать отдельным частям высказывания дополнительный вес, причем желаемый эффект достигается благодаря отдельным слогам, образующим своеобразный фон (background), на котором осуществляются всевозможные явления силлабики. Большое значение имеет постепенное распределение артикуляторной энергии и установление акцентуационной градации между слогами (gradient accenting). Иными словами, слоги противопоставляются между собой по силе и длительности произнесения и функционируют *контрастно* [Bolinger, 1961].

Это означает, что обычно при выделении слова дополнительную степень ударенности⁹ приобретает тот слог, который несет на себе главное словесное ударение (lexical stress). Однако сверхсильным и сверхдолгим может оказаться и изначально слабый или даже полностью безударный слог, т.е. происходит перестройка ингерентно присутствующих слову слоговых параметров, и оно оказывается дополнительно выделенным исключительно благодаря контрасту слоговому. Знание такого рода служит источником передачи заключенных в живом человеческом общении экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотаций, которые никоим образом не сводятся только к идее

⁸ Ср. с положениями английского речеведения, в центре внимания которого всегда оказывался вопрос о наиболее эффективном использовании языка и особенностях экспрессивной коммуникации [Берсенева, Гвишиани, 2018].

⁹ Во избежание тавтологии мы используем слово «ударенность», которое, согласно словарю лингвистических терминов О.С. Ахмановой, а также Словарю-справочнику лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, означает то же, что «ударность» [Розенталь, Теленкова, 1985; Ахманова, 2004].

противопоставления. В сознании каждого англофона представление о существовании этих принципиальных различий является определяющим в процессе акцентуации речи и потому может послужить отправной точкой в понимании тех механизмов, которые регулируют степень и средства словесной выделенности, а также расстановку фразового акцента в речи.

Чтобы проиллюстрировать это положение, обратимся, например, к роману Дафны дю Морье «Ребекка», который в плане контрастного функционирования явления ударенности представляет собой исключительно интересный материал. Идея противопоставления временных и пространственных пластов текста и его персонажей буквально насквозь пронизывает это произведение и служит лингвопоэтическим приемом. Вся литературная манера Дафны дю Морье строится на основе двойственности повествования, за которой скрывается внутренний конфликт самого автора. Так, две главные героини романа оказываются полными противоположностями. Одна, Ребекка, чьим именем и назван роман, представляет собой воплощение порока. Вторая, от лица которой ведется повествование, наоборот, может считаться олицетворением добродетели. Тем не менее в романе ее имя ни разу не упоминается.

Этот прием служит отражением противоречий во взглядах самого создателя произведения, причем контраст между основными персонажами иногда приобретает более отчетливый характер, а иногда как будто стирается и нивелируется, требуя от читателя более глубокого осмысления. В результате безымянная героиня романа, подобно самой Дафне дю Морье, которая в жизни вынуждена была играть не свойственную ей роль, становится своеобразным *альтер эго* Ребекки.

К сказанному необходимо добавить, что отношение автора к своим персонажам практически не прослеживается, и для постижения изначального замысла читателю необходимо не раз возвращаться к прочитанному, чтобы понять, каким образом в этом художественном тексте расставляются акценты. Иными словами, услышать или адекватно воспроизвести голос автора, опираясь исключительно на синтаксические, лексические и графические средства организации текста [Александрова, 2015; Мухортов, 2015; Александрова, Ремнева, Стрелец, 2018: 245], далеко не просто, и вопрос о расстановке фразового акцента становится ключевым с точки зрения всестороннего понимания рассматриваемого художественного произведения.

Обратимся к материалу¹⁰:

*She had/beauty | that en\dured, | and a\smile | that was ↑not for\gotten.
|| 'Somewhere | her\voice | still lingered, | and the memory of her\words. ||*

¹⁰ Разметка текста осуществляется с опорой как на прочтение опытного филолога-англиста, так и на аудиоверсии в исполнении британских актеров.

There were\places she had\visited, | and\things | that she had\touched. || Perhaps in cupboards¹ there were/clothes | that she had\worn, | with the\scent about them¹\still. || In my\bedroom, | under my\pillow, | 'I¹ had a\book | that\she had taken in her\hands, | and I could see her\turning to that first white page, |\smiling as she\wrote, | and\shaking the bent nib.

Настоящий отрывок представляет собой одну из «опорных» и эстетически значимых частей романа. На первый план выходит конфликт между событиями, реально имеющими место в этом произведении, и тем, как они представляются главной героине. Эффект дополнительной выделенности наиболее значимых слов, которые служат для передачи этого несоответствия, достигается разными способами.

Например, в одном не слишком протяженном высказывании *'I¹ had a book that\she had taken in her\hands* односложные личные местоимения *I* и *she*, которые обычно остаются безударными, функционируют контрастно. Оба, хотя и в разной степени, оказываются дополнительно выделенными. Фразовое выделение, приходящееся на моносиллаб [ji:], реализуется за счет всех трех основных фонетических средств, способствующих эффекту выделенности, — используется высокий нисходящий тон, значительное повышение интенсивности и увеличение длительности произнесения. Что касается местоимения *I*, то его суммарный коммуникативный вес не так четко обозначен, и его несколько напряженная и протянутая артикуляция явно уступает той степени ударенности, которая приходится на *she*.

Кроме того, явление слогового контраста в этом отрывке сопровождается созвучиями сопологаемых сильных слогов. Так, слоги [smaɪl] в *smile*, [sʌm-] в *somewhere*, [sti:l] в *still*, [sent] в *scent* с сильным фрикативным [s] сближаются с ударными слогами со слабым фрикативным [z]: [wɜ:dz] в *words*, [vɪz-] в *visited*, [θɪŋz] в *things* и [kləʊðz] в *clothes*. Моносиллаб [θɪŋz] с сильным фрикативным [θ] выделяется по контрасту с [kləʊðz] со слабым фрикативным [ð]. Эффект дополнительной выделенности достигается и за счет фонетического сходства слов с сонорными [l], [m], [n], [ŋ]: *smile, not forgotten, somewhere, still, memory, things*, и т.д., причем фонологические несоответствия в выделенных словах способствуют ощущению противоречия между тем, что лежит на поверхности, и тем, что искусно скрывается автором в соответствии с более общим содержанием-намерением романа. Кроме того, приписываемое в рамках фоносемантики каждому из этих созвучных элементов содержание получает своеобразное преломление в сознании читающего, поскольку, постигая замысел автора и озвучивая его в нашей внутренней речи, мы прежде всего учитываем всевозможные экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны, которые сопровождают отдельные слоги, характеризующиеся сверхсильной или сверхдолгой артикуляцией.

В заключение необходимо ещё раз подчеркнуть, что без знания особенностей английской силлабики и когнитивной обработки художественной прозы любые наши попытки предугадать местоположение в ней фразового акцента оказываются несостоятельными. Только благодаря слогам, получающим дополнительную (акцентную) выделенность, можно проследить заложенную в тексте коннотативность и воспроизвести прочитанное в соответствии с авторской интенцией и тем метасодержанием, которое иначе не воспринимается и не поддается осмыслению.

Список литературы

1. *Александрова О.В.* Когнитивно-прагматические основы построения художественного текста // Когнитивные исследования языка. Т. 22. 2015. С. 313–315.
2. *Александрова О.В., Ремнева М.Л., Стрелец И.Э.* Ломоносовские чтения — 2018 на филологическом факультете Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 6. С. 237–251.
3. *Алексюк М.В.* Ритмико-просодические особенности изображения литературного героя в прагмалингвистическом освещении (на материале английской художественной литературы): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016.
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 2004.
5. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч. Т. 6: Работы 1960-х — 1970-х гг. М., 2002. С. 159–206.
6. *Берсенева Н.С., Гвишиани Н.Б.* Дискурсивные особенности словообразовательных стратегий в переводе терминологических единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 5. С. 65–75.
7. *Боянус С.К.* Постановка английского произношения. Вып. I. Л., 1926.
8. *Гвишиани Н.Б.* Текст «сообщение» в составе научного дискурса // Язык и дискурс науки. М., 2018. С. 276–312.
9. *Дечева С.В.* Слогоделение в английской речи (когнитивная силлабика): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1995.
10. *Дечева С.В., Ильина К.А.* Фонетическая интерференция в дикторской речи ВВС: Монография. М., 2018.
11. *Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М., 1958.
12. *Крейчи С.А., Кривнова О.Ф., Тихонова Е.А.* Слоговые контрасты как фактор помехоустойчивости и разборчивости речи в шуме // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 1. С. 9–22.
13. *Лебедева Т.О.* Прагмафонетическое изучение словесного ударения в американском варианте английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

14. *Мельникова Н.В.* Цветообозначения в художественном тексте как предмет прагмафоностилистики (на материале современной британской литературы второй половины XX века): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
15. *Мухортов Д.С.* Практика когнитивно-дискурсивного анализа языковой личности политика (опыт прочтения публичных выступлений Билла Клинтона) // Коммуникативные исследования. 2015. № 2 (4). С. 86–95.
16. *Назарова Т.Б.* Современная английская филология. Семиотические проблемы. М., 2017.
17. *Пономарева М.А.* Слоговое своеобразие фонетики аффектов (на материале американской художественной прозы): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
18. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
19. *Торсуев Г.П.* Строение слога и аллофоны в английском языке. М., 1975.
20. *Трахтеров А.Л.* Английская фонетическая терминология. М., 1962.
21. *Тренина Н.Г.* Филологическое чтение американской художественной литературы в прагмафонетическом освещении // Английский язык и литература в прагмалингвистическом освещении: Сборник научных статей памяти заслуженного профессора МГУ, доктора филологических наук И.М. Магидовой. М., 2018, С. 76–96.
22. *Шиханцов А.С.* Особенности словесного ударения в английской публичной речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
23. *Akhmanova O., Zadornova V.* Cross-cultural Communication and Translation of World Classics // Literature in Translation. From Cultural Transference to Metonymic Displacement. Bombay, 1988. P. 81–91.
24. *Bolinger D.* Contrastive Accent and Contrastive Stress // Language Journal of the Linguistic Society of America. 1961. 37/1. P. 83–97.
25. *Crystal D.* Prosodic Systems and Intonation in English. Cambridge, 1969.
26. *Cutler A.* Lexical stress in English pronunciation // Handbook of English Pronunciation. Wiley & Sons, 2015. P. 106–124.
27. *Gimson A.S.* An Introduction to the Pronunciation of English. Cambridge, 1989.
28. *Jones D.* An Outline of English Phonetics. Cambridge, 1960.
29. *Kopaneva A.V.* Accent in Reading Artistic Text: The Pragmaphonostylistic Study (based on Rebecca by Daphne du Maurier) // Английский язык и литература в прагмалингвистическом освещении: Сборник научных статей памяти заслуженного профессора МГУ, доктора филологических наук И.М. Магидовой. М., 2018, С. 185–203.
30. *Lado R.* Language Teaching. A Scientific Approach. L., 1964.
31. *Maguidova I.M., Mikhailovskaya E.V.* The ABC of Reading. М., 1999.

Svetlana Decheva, Anastasia Kopaneva

THE PECULIARITIES OF PHRASE ACCENT IN ENGLISH ARTISTIC PROSE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The phenomenon of accent in the English language is an extremely prolific subject. Nevertheless, quite a few questions concerning the way it is actually used are still open to interpretation. First and foremost, it is the place of accented elements in works of verbal art. Besides, it is the question of the phonetic means that make for the effect of syllable and word prominence. In this article the effect of accentuation in artistic prose is studied with respect to cognitive syllabics. We come from the premise that the syllable as the ultimate psycholinguistic unit of English speech enables the speaker to impart the metacontent which otherwise is impossible to convey. Our material makes us believe that the phonetic specificities and the place of phrase accent in artistic text can become part of Russian anglicists' philological proficiency only if all its syllabic and socio-cultural-psychological antecedents are taken into account.

Key words: syllabics; cognitive processing; philological reading; inner speech; purport; the effect of additional prominence.

About the authors: *Svetlana Decheva* — Prof. Dr., Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dechevasv@gmail.com); *Anastasia Kopaneva* — PhD Student, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anastasiya25n@mail.ru).

References

1. Akhmanova O.S. Slovar lingvisticheskikh terminov. [Dictionary of Linguistic Terms] 2nd ed., Moscow: *Editorial URSS*, 2004.
2. Akhmanova O., Zadornova V., Cross-cultural Communication and Translation of World Classics. *Literature in Translation. From Cultural Transference to Metonymic Displacement*. Bombay, 1988, pp. 81–91.
3. Aleksandrova O.V. Kognitivno-pragmatischekiye osnovy postroyeniya khudozhestvennogo teksta. [The Cognitive-Pragmatic Basis of Building an Artistic Text] *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. V. 22, 2015, pp. 313–315.
4. Aleksandrova O.V., Remneva M.L., Strelets I.E. Lomonosovskiyeh chteniya — 2018 na filologicheskom fakultete Moskovskogo universiteta. [Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology] *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2018. № 6, pp. 237–251.
5. Aleksyuk M.V. Ritmiko-prosodicheskiye osobennosti izobrazheniya literaturnogo geroya v pragmalingvisticheskom osveshchenii (na materiale

- angliyskoy khudozhestvennoy literatury). [The Rhythmic-Prosodic Peculiarities of the Descriptions of Literary Characters in Pragmalinguistic Lighting (on the Material of English Prose)]: *dis. kand. filol. nauk.* Moscow, 2016.
6. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoyevskogo [The Problems of Dostoyevsky's Linguopoetics]. *Sobr. soch.*, tom 6. Raboty 1960kh–1970kh gg. *Yazyki slavyanskikh kultur.* Moscow, 2002, pp. 159–206.
 7. Berseneva N.S., Gvishiani N.B. Diskursivnyye osobennosti slovoobrazovatelnykh strategiy v perevode terminologicheskikh yedinit [Discursive Peculiarities of Word-building Strategies in Terminology Translation]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology.* 2018. № 5, pp. 65–75.
 8. Bolinger D. Contrastive Accent and Contrastive Stress. *Language Journal of the Linguistic Society of America.* 1961. 37/1, pp. 83–97.
 9. Boyanus S.K. *Postanovka angliyskogo proiznosheniya* [English Pronunciation and its Teaching-Learning Process] Leningrad, 1926. № 1.
 10. Crystal D. *Prosodic Systems and Intonation in English.* Cambridge, 1969.
 11. Cutler A. Lexical stress in English pronunciation. *Handbook of English Pronunciation,* Wiley & Sons, 2015, pp. 106–124.
 12. Decheva S.V. Slogodeleniye v angliyskoy rechi (kognitivnaya sillabika) [Syllabification in English Speech (Cognitive Syllabics)]: *dis. doc. philol. sciences.* Moscow, 1995.
 13. Decheva S.V., Ilyina K.A. Foneticheskaya interferentsiya v diktorskoy rechi BBC: monografiya [Phonetic Interference in the Speech of BBC Announcers: a Study]. Moscow: *ID Mezhdunarodnyye otnosheniya,* 2018.
 14. Gimson A.S. *An Introduction to the Pronunciation of English.* Cambridge, 1989.
 15. Gvishiani N.B. Tekst “soobshcheniye” v sostave nauchnogo diskursa [“Intellective” Text as Part of Academic Discourse]. *Yazyk i diskurs nauki.* Moscow: *LENAND, URSS,* 2018, pp. 276–312.
 16. Jones D. *An Outline of English Phonetics.* Cambridge, 1960.
 17. Kopaneva A.V. Accent in Reading Artistic Text: The Pragmaphonostylistic Study (based on Rebecca by Daphne du Maurier). *Angliyskiy yazyk i literatura v pragmalingvisticheskom osveshchenii: sbornik nauchnykh statey pamyati zaslužennogo professora MGU, doktora filologicheskikh nauk I.M. Maguidovoy.* Moscow: *ID Mezhdunarodnyye otnosheniya,* 2018, pp. 185–203.
 18. Kreychi S.A., Krivnova O.F., Tikhonova Y.A. Slogovyye kontrasty kak faktor pomekhoustoychivosti i razborchivosti rechi v shume [Syllabic Contrasts as a Factor of Speech Immunity during Perception in Noise]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology.* 2018. № 1, pp. 9–22.
 19. Lado R. *Language Teaching. A Scientific Approach.* London, 1964.
 20. Lebedeva T.O. Pragmafoneticheskoye izucheniye slovesnogo udareniya v amerikanskom variante angliyskogo yazyka [The Pragmaphonetic Study of Accent in American English]: *dis. doc. philol. sciences.* Moscow, 2009.
 21. Maguidova I.M., Mikhailovskaya E.V. *The ABC of Reading.* Moscow, 1999.

22. Melnikova N.V. Tsvetooboznacheniya v khudozhestvennom tekste kak predmet pragmafonomostilistiki (na materiale sovremennoy britanskoy literatury vtoroy poloviny XX veka). [The Pragmaphonostylistic Study of Colour Terms in Artistic Prose (on the Basis of Modern British Literature of the 2nd Half of the 20th Century)]: *dis. doc. philol. sciences*. Moscow, 2013.
23. Mukhortov D.S. Praktika kognitivno-diskursivnogo analiza yazykovoy lichnosti politika (opyt prochteniya publichnykh vystupleniy Billa Klintonna) [The Cognitive-Discursive Analysis of a Politician's Linguistic Identity (reading experience of Bill Clinton's public speeches)]. *Kommunikativnyye issledovaniya*. 2015. № 2 (4), pp. 86–95.
24. Nazarova T.B. Sovremennaya angliyskaya filologiya. Semioticheskiye problemy [Modern English Philology. Semiotic Problems]. Moscow, URSS, 2017.
25. Ponomareva M.A. Slogovoye svoyeobraziye fonetiki affektov (na materiale amerikanskoy khudozhestvennoy prozy) [The Syllable Specificities of Affective Phonetics (on the Material of American Artistic Prose)]. *dis. doc. philol. sciences*, M., 2013.
26. Rozental D.E., Telenkova M.A. Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary-directory of linguistic terms]. Moscow, *Prosveshcheniye*, 1985.
27. Shikhantsov A.S. Osobennosti slovesnogo udareniya v angliyskoy publichnoy rechi [The Peculiarities of Accent in English Public Speaking]: *dis. doc. philol. sciences*. Moscow, 2012.
28. Torsuyev G.P. *Stroyeniye sloga i allofony v angliyskom yazyke*. [The Syllable Structure and the Allophones in the English Language]. Moscow, 1975.
29. Trakhterov A.L. Angliyskaya foneticheskaya terminologiya [English Phonetic Terminology]. Moscow: *Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh*, 1962.
30. Trenina N.G. Filologicheskoye chteniye amerikanskoy khudozhestvennoy literatury v pragmafoneticheskom osveshchenii. [The Philological Reading of American Artistic Prose in Terms of Pragmaphonetics] Angliyskiy yazyk i literatura v pragmalingvisticheskom osveshchenii: sbornik nauchnykh statey pamyati zaslužennogo professora MGU, doktora filologicheskikh nauk I.M. Maguidovoy. Moscow: *ID Mezhdunarodnyye ot-nosheniya*, 2018, pp. 76–96.
31. Zhinkin N.I. *Mekhanizmy rechi*. [Mechanisms of Speech] Moscow, 1958.

Denis Mukhortov, Yana Malyavina

**COMMUNICATION STYLES OF FEMALE POLITICIANS:
THERESA MAY AND NICOLA STURGEON**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article seeks to study political discourses of Theresa May, the current Prime Minister of the UK and leader of the Conservative Party, and Nicola Sturgeon, the First Minister of Scotland and leader of the Scottish National Party. Different in age, ethnicity, political views, educational and social backgrounds, the two female British politicians reveal that in order to succeed in the political arena, women are bound to hide their female personality and use more classical, or male, rhetoric. This tendency particularly occurs in Theresa May. The paper revisits the topic of gender-marked discourse, which has long been a matter of argument with international researchers. It abstains from discussing typical, conventional, female discourse markers in May and Sturgeon, like hesitation, use of standard speech, cognitive, social words, and hedges, and highlights male figures of speech in the rhetoric of the female politicians in question, like rhetorical questions, logical order of arguments, conceptual metaphors of war, sports, and hunting. The example of Theresa May shows that female politicians can switch between male-marked and female-marked discourses in order to achieve certain goals and preserve their current status. It is argued that male political discourse is still a speech norm which politicians, irrespective of their sex, tend to stick to.

Key words: political discourse; communicative behavior; gender-marked discourse; male rhetoric; Theresa May; Nicola Sturgeon.

Introduction

It is a widely shared opinion that woman is playing an increasingly important role in politics. Quite a few women have made it to the top positions over the past two decades. Angela Merkel (Chancellor of Germany since 2005 and leader of the center-right Christian Democratic Union (CDU) since 2000), Hillary Clinton (junior U.S. Senator from New York from 2001 to 2009, 67th United States Secretary of State from 2009 to 2013, the Democratic Party's nominee for President of the United States in the

Denis Mukhortov — PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dennismoukhortov@mail.ru).

Yana Malyavina — BA in Philology, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: yana_m3@mail.ru).

2016 election), Marine Le Pen (President of the National Front in France), Yulia Tymoshenko (the first woman appointed Prime Minister of Ukraine), Valentina Matviyenko (Governor of Saint Petersburg from 2003 to 2011 and Chairwoman of the Federation Council since 2011).

Potapov [1997], Arustamyan [2016], Polyakova [2011], Danilova [2009], Vagenlyaytner [2011], Kendall and Tannen [2001], Wodak [1997], Brouner [1982], Fracchiolla [2011], McConnell-Ginet [2012], Ferrary [2010] claim that female strategies and tactics are in a way different from male. Domestic and international researchers have largely focused on the main differences between male and female linguistic behavior [Goroshko, 1999; Goroshko, 1994], phonetic differences of gender [Potapov, 1997], lexical differences [Kolesnikova, 2000], markers of female linguistic behavior [Polyakova, 2007; Talina, 2003], [Kunitsina, 2011; Wodak, 1997], interplay between gender and politeness [Johnson, 1983; Brouner, 1982], gender psycholinguistics [Fomin, 2004; Edwards, 2009], language in the history of feminism [Christie, 2000; Cuellar, 2006], connection between language and power [Yvonne Galligan, Kathleen Knight, 2011; Ross, 2017].

Recent events in the British political arena unexpectedly have brought about two women politicians — Theresa May and Nicola Sturgeon. Their presence is not confined only to mere debating and politicking, they define national strategies and geopolitical turns. Theresa May has been Prime Minister of the United Kingdom and leader of the Conservative Party since 2016. She served as Home Secretary from 2010 to 2016. May began her way in politics in 1997. She identifies herself as a conservative. Nicola Sturgeon is a Scottish politician who is the current First Minister of Scotland and leader of the Scottish National Party (SNP) since 2014. She is the first woman to hold this position.

It wouldn't be an exaggeration to say that discourses of Theresa May and Nicola Sturgeon have rarely, if ever, been studied either in contrast or individually. For instance, the well-known scientific information sources *dissectcat.com* and *sciencedirect.com* provided no results, with access date April 05, 2019. This paper makes a contribution to female discourse studies, focusing on Theresa May and Nicola Sturgeon as high-profile politicians whose role in today's geopolitical arena can hardly be debated.

The method is qualitative analysis of lexical, syntactical and stylistic patterns in selected speeches by Theresa May and Nicola Sturgeon.

The speeches under analysis are:

Nicola Sturgeon's speech to the SNP conference, October 10th, 2017;

Nicola Sturgeon's speech on Scotland's referendum, March 13th, 2017;

Nicola Sturgeon's post-Brexit speech to the IPPR, July 25th, 2016;

Theresa May's speech to the Conservative Party Conference in Manchester, October 6th, 2015;

Theresa May's Tory leadership launch statement, June 30th, 2016;
Theresa May's first statement as Prime Minister, July 13th, 2016;
Theresa May's Brexit speech, January 17th, 2017.

The speeches for analysis were selected on similar topics. The first three speeches — two by May and one by Sturgeon — were given during party meetings. Nicola Sturgeon made her speech at the SNP (Scottish National Party) meeting, 2017. She spoke about the SNP's achievements in the previous year. Theresa May gave her first speech at the Conservative Party conference, 2015 serving as Home Secretary and her second speech was when she was announced Prime Minister. She admitted all mistakes that were made by her predecessors and mapped out aims and objectives for the future. The second pair of speeches is dedicated to Brexit. Theresa May delivered her speech at London's Lancaster House in January 2017 where she mapped out a plan for the UK after leaving the EU. Nicola Sturgeon gave her speech at Bute House in March, 2017 and gave her post-Brexit speech, 2016 to the Institute for Public Policy Research on Scotland's future within the borders of the UK which is no longer part of the EU. The third set of speeches covers political ambitions of the politicians. There are examples of discourse markers from yet another speech by Theresa May in the article, which were needed as an additional proof of the conclusions.

Gender Studies in Political Communication

Gender is a popular but underinvestigated topic in political communication. Researchers are still uncertain as to whether male discourse differs from female discourse. Robin Lakoff [1975] started this dispute when she published her *Language and Woman's Place* underlining differences in gender-marked language. And later in *The Handbook of Language Socialization* [Lakoff & Ochs, 2011] it grew into genderlect theory. Griffin, an adherent of the theory, claimed that “masculine and feminine styles of discourse are best viewed as two distinct cultural dialects” [Griffin, 2011]. Lakoff argues that men use the language of power and rudeness, while women's speech tends to be quieter, more passive, and more polite. Cutting across phonology, prosody, lexicon, and syntax, Lakoff notes that women's speech in English is characterized by hesitations. Women tend to make use of standard speech. This style is derived from a sense of inferiority. Trudgill [1972] came to this conclusion even earlier when he examined sex differentiation in speakers of urban British English. He claimed that “women informants use forms associated with the prestige standard more frequently than men” because it is “more necessary for women to secure their social status linguistically”, while men are rated socially according to their actions [Trudgill, 1972: 182–183].

According to Oliveira [2010], mixed-sex dialogues are inherently steered by two paradigms: “that of dominance and that of difference”, “dominance can be attributed to the fact that [...] men are more likely to interrupt than women” [Oliveira, 2010: 3]. Difference theory means that men and women use language in a series of contrasts, for example “independence vs intimacy”, “conflict vs compromise”, etc.

James Pennebaker in *The Secret Life of Pronouns* confirmed that gender affects the way we use words. He claims that “women use first-person singular, cognitive, and social words more; men use articles more; and there are no meaningful differences between men and women for first-person plural or positive emotion words” [Pennebaker, 2011: 40].

According to Pennebaker [2011], males categorize their world by counting, naming, and organizing the objects they confront. Women, in addition to personalizing their topics, talk in a more dynamic way focusing on how their topics change. This is to suggest that discussions of change imply use of more verbs.

Researchers increasingly pay attention to gender differences between politicians [Nurseitova, Zharkynbekova, Bokayev & Bokayeva, 2012; Grebelsky & Lichtman, 2017]. The important component of communicative behavior is a theatrical nature of political communication.

A politician’s communicative patterns can be observed with the help of gender-marked metaphors. Some linguists argue that metaphors might not really be gender-marked and differences or similarities in the choices depend on a party’s policy, its objectives, and the target audience of communication [Koller & Semino, 2009]. In today’s political communication women mostly use the conceptual spheres of ‘nature’, alongside with ‘production’ and ‘physiology’, third come the metaphors of ‘journey’ and ‘military’. Gender specific are metaphors of ‘household’, ‘family’ and ‘fairy tales characters’ (men do not use them at all). The fact that conceptual spheres in men and women coincide shows redistribution of social power in society between sexes and integration of women into politics [Nurseitova, 2013].

Totbadze [2017] in her *Most Frequently Used Gendered Metaphors in British Political Discourse* quoting Friedman [1987] and Philip [2009] argues that “so-called feminine metaphors connote the ideas that are primarily connected to the function of a woman in a domestic space/family or a society, such as a child bearer, mother, or a homemaker. Consequently, feminine metaphors include NURTURING (cooking, feeding, etc.) and other notions that as a cliché are associated with femininity”. On the other hand, masculine metaphors are comprised of notions denoting historic roles of men, among which are HUNTING and WAR and, now SPORT, OPERATING MACHINERY, and USING TOOLS [Flannery, 2001].

These particular metaphors show a high tendency to discriminate and exclude women [Mio, 1997].

It can be assumed that **politics is a male-driven sphere and when part of it, women subconsciously or consciously use metaphors that are associated with power and winning, rather than maternity and nurturing**. Stalsburg and Kleinberg [2015] believe that female politicians “de-emphasize their children compared to their male colleagues, who are more likely to showcase their families”. This is how female politicians avoid placing an emphasis on an empathetic side of feminine character and stress a strong, even manlike side in order to gain political power.

As was stated above, men and women have different discourses as for centuries they have been brought up differently and segregated socially. According to Lakoff and Sutton [2017], female statements are often ignored because women were taught to speak like ‘ladies’.

Ladyspeak presupposes

hedges: phrases like “sort of”, “kind of”, “it seems like”;

empty adjectives: “divine”, “adorable”, “gorgeous”;

super-polite forms: “Would you mind...”, “... if it’s not too much to ask”, “Is it O.K. if...?”;

apologizing more: “I’m sorry, but I think that...”;

speaking less frequently;

avoiding curse language or expletives;

tag questions: “You don’t mind eating this, do you?”;

hyper-correct grammar and pronunciation: use of prestige grammar and clear articulation;

indirect requests: “Wow, I’m so thirsty” — in fact, it is asking for a drink;

speaking in italics: use tone to emphasize certain words, e.g., “so”, “very”, “quite”.

All these ‘markers of politeness’ express uncertainty more than political push. Here a dilemma arises, avoiding these markers a woman might be blamed for being unladylike, but using them she is certain to fail to succeed in politics.

Lakoff’s observations nonetheless were repeatedly argued. For instance, Liberman [2004] expressed doubt as to the connection between using tag questions and female uncertainty: “<...> Lakoff was wrong: men are actually more insecure about their opinions (whence men’s greater usage of modal tags), and less interested in controlling the conversational actions of others (whence powerful men’s lower usage of affective tags).”

Now we are going to subject several speeches by Theresa May and Nicola Sturgeon to analysis with the intent to find key rhetorical devices of both of the politicians, find out how divergent political views influence idiosyncratic features of their discourses, apply Lakoff’s theory to female

politicians' discourse, and finally, contrast the two British politicians in terms of communication patterns.

Rhetoric of Theresa May

Theresa May (61) is the British conservative party politician who is the current Prime Minister of the UK since 2016. May is the second female Prime Minister of United Kingdom after Margaret Thatcher.

Theresa May entered upon the office on 13 July, 2016. Her first speech as Prime Minister indubitably deserves special attention. Despite lasting only a few minutes, May's speech managed to cover a lot of ground.

To reiterate, male discourse is usually more logical and male statements tend to break down to clauses and sub-clauses. This is a typical syntactic figure which is widely used by May and Sturgeon. In her election statement, Theresa May did it three times. This communication pattern makes her sound more confident, systematized, and disciplined.

"First, following last week's referendum, our country needs..."

"Second, we need leadership that can unite our party and our country."

"And third, we need a bold, new, positive vision for the future of our country." [Theresa May's Tory leadership launch statement, June 30th, 2016]

1) *"First, Brexit means Brexit."*

"Second, there should be no general election until 2020."

"Third, we should make clear that, for the foreseeable future, there is absolutely no change in Britain's trading relationships..." [Theresa May's Tory leadership launch statement, June 30th, 2016]

2) *"First, nobody should fool themselves that this process will be brief or straightforward."*

"The second point is while the ability to trade with EU member states is vital to our prosperity..." [Theresa May's Tory leadership launch statement, June 30th, 2016]

Theresa May delivered her first statement as Prime Minister in Downing Street and mapped out her future goals as Prime Minister — to care about interests of many rather than the privileged minority. The contexts below show that Theresa May pursues the strategy of a fighter with social injustice:

"If you're black, you're treated more harshly by the criminal justice system than if you are white. If you're a white, working-class boy, you're less likely than anyone else in Britain to go to university..." [Theresa May's first statement as Prime Minister, July 13th, 2016]

"If you're from an ordinary working-class family, life is much harder than many people in Westminster realize." [Theresa May's first statement as Prime Minister, July 13th, 2016]

Theresa May skillfully maneuvers with deixis. She seeks contact with socially vulnerable groups of people: “*If you’re one of those families. If you’re just managing, I want to address you directly*” [Theresa May’s first statement as Prime Minister, July 13th, 2016]. “You” is an ordinary British person or an underprivileged group, “I” — Theresa May, the new Prime Minister. Later she changes her personal self to “we” — “the government I lead”: “*We will do everything we can to give you more control over your lives. When we take the big calls, we’ll think not of the powerful but you. When we pass new laws, we’ll listen not to the mighty, but you. When it comes to taxes we’ll prioritize not the wealthy, but you*” [Theresa May’s first statement as Prime Minister, July 13th, 2016].

Credit must go to Theresa May for making sure to abstain from addressing “them”, be it the former government, ex-prime minister or potential opponents. This is usually the case with political rivals and fresh national leaders. With Theresa May, it looks as though around her are just British citizens and her irreproachable government. They are together. She intensifies this thought with the help of an important reminder: “*... not everybody knows this, but the full title of my party is the Conservative and Unionist Party. And that word Unionist is very important to me. It means we believe in the Union. That precious, precious bond between England, Scotland, Wales and Northern Ireland*” [Theresa May’s first statement as Prime Minister, July 13th, 2016].

However *we* does not appear to be May’s favourite word. It is *I* and *my* that May tends to put forward in most contexts.

“*As Prime Minister, I take that responsibility seriously*” [Theresa May’s Brexit speech, January, 17th, 2017].

“*I have also been determined from the start that the devolved administrations should be fully engaged in this process*” [Theresa May’s Brexit speech, January, 17th, 2017].

“*And those ends are clear: I want to remove as many barriers to trade as possible*” [Theresa May’s Brexit speech, January, 17th, 2017].

“*I have just been to Buckingham Palace where Her Majesty the Queen has asked me to form a new government, and I accepted.*” [Theresa May’s first statement as Prime Minister, July 13th, 2016].

“*David Cameron has led a one nation government, and it is in that spirit that I also plan to lead.*” [Theresa May’s first statement as Prime Minister, July 13th, 2016].

“*... not everybody knows this, but the full title of my party is the Conservative and Unionist Party. And that word Unionist is very important to me.*” [Theresa May’s first statement as Prime Minister, July 13th, 2016].

On the one hand, it looks as if May is a strong experienced politician who assumes responsibility for her government but on the other hand, it is

striking that no sooner had she started to act as Prime Minister than she is already determined to act alone. She sounds self-assured and even arrogant, showing that no member of her government is too dear to her, provided they are up to her mark, she may easily accept their resignation and then have no regrets about it. Conservative though she may be, corporate spirit is alien to her, she does have some ideals but teamwork is not the biggest of them. And even *we* sounds as if it were the royal *we*.

Despite being non-metaphorical like Sturgeon, May's language includes flashy statements which sound like mottos. This compact phrasing helps her hammer in the listener her crucial thoughts. Examples in question are

"I am equally clear that no deal for Britain is better than a bad deal for Britain" [Theresa May's Brexit speech, January, 17th, 2017];

"For the people who need our help and protection the most, let Britain be a beacon of hope" [Theresa May's speech to the Conservative Party Conference in Manchester, October 6th, 2015];

"An approach that combines hard-headed common sense with warm-hearted compassion" [Theresa May's speech to the Conservative Party Conference in Manchester, October 6th, 2015].

By the end of her talk Theresa May uses a conceptual metaphor of construction: *"That will be the mission of the government I lead, and together, we will build a better Britain"* [Theresa May's Brexit speech, January, 17th, 2017]. This kind of metaphors is typical of May's discourse. Take, for instance, *"We will build a stronger economy..."*, *"[Britain is] a country that gets out into the world to build relationships with old friends and new allies alike"*, *"We chose to build a truly Global Britain..."* [Theresa May's Brexit speech, January, 17th, 2017].

The calls to build a 'stronger economy', a 'global Britain', a 'better Britain' are hackneyed phrases but they are the kind of wording people are used to and expect in political communications. Theresa May's imagery is not very much different from her male counterparts in the USA, Canada, or Australia [see Mukhortov, 2015]. Besides the CONSTRUCTION metaphor May incorporates JOURNEY and BATTLE.

We can come to the conclusion that in her talks she tends to use male discourse: with male logical sub-divisions and conceptual metaphors. The most often occurring metaphors are: "construction", "journey", "money" and sometimes "war". May applies the first two kinds of conceptual metaphors in order to unite four British nations after Brexit. She tries to avoid female metaphors, for example "health": *"After the United States, Britain is the biggest donor country in the region"* [Theresa May, October 26th, 2016]. Also, she strives to create an image of strong independent man-like politician with the help of overusing the pronoun "I". To conclude, in Theresa May's speeches we can hardly see any hints of traditional female political discourse.

Rhetoric of Nicola Sturgeon

The first speech under analysis is the speech called “Scotland in EU” of 23 July, 2016. Nicola Sturgeon made it right after the EU Referendum which — naturally — affected Scotland. While across Britain 51% of the citizens voted to leave the EU, in Scotland 62% of the voters wanted to remain within the borders of the EU. The First Minister of Scotland outlined the main reasons why the English wanted to leave the EU and pinpointed possible repercussions of this choice for Scotland.

This speech is remarkable for the number of rhetorical figures. Popular idioms, phrasal verbs make the speech lively and relatable. Unlike May, Sturgeon uses short words, which makes her speech colloquial and understandable:

“There is also, today, something of a sense of calm before the storm. The initial shock might have worn off but we don’t have to look far for warning signs of what is to come” [Nicola Sturgeon’s post-Brexit speech to the IPPR, July, 25th, 2016].

Sturgeon asks rhetorical questions:

“So why, in spite of all the warnings about the economic and financial consequences that would follow, did they choose to vote to leave the European Union?” [Nicola Sturgeon’s post-Brexit speech to the IPPR, July, 25th, 2016].

It must be noted that all rhetorical questions are consistently addressed to the UK, English people, and the new Prime Minister. Rhetorical questions help Sturgeon raise a wave of protest against the supporters of Brexit, this figure of speech is a weapon enabling Sturgeon create the opposition “us” (The Scottish) and “them” (The pro-Brexit English):

“[...] what are our interests and values, why do they matter and how will we seek to protect them — in a way that, as far as possible, unites us.” [Nicola Sturgeon’s post-Brexit speech to the IPPR, July, 25th, 2016].

In terms of “us” and “them” rhetorical category, “me” and “us” are inseparable in Sturgeon’s speech, she strives to sound as if she is one of many others who are against the Brexit, she is together with her supporters:

“Then I will consider where we are now and what lies ahead. I will root this firmly in Scotland’s interests.” [Nicola Sturgeon’s post-Brexit speech to the IPPR, July, 25th, 2016].

“I felt angry that Scotland faced the prospect of being taken out of the EU against our will — with all of the damaging consequences that would entail.” [Nicola Sturgeon’s post-Brexit speech to the IPPR, July, 25th, 2016].

Sturgeon uses “I” solely when she wants to refer to her own experience. It makes her closer to voters: *“I will reflect on the result — on how it felt and what some of the lessons might be. I’ll try to give you an insight into my own feelings and how my thinking developed in the early hours of 24 June”* [Nicola Sturgeon’s post-Brexit speech to the IPPR, July, 25th, 2016].

As becomes clear from these contexts, Sturgeon’s key word is *feel*, or *feeling*. It indicates that the speaker is a woman [Potapov & Potapova, 2017:

166] who takes things to heart, hoping that the listener would share her thoughts and do likewise.

The key issue of this speech is the interests of the Scots. They want to be protected. It is noteworthy that in such a relatively short narrative as this Sturgeon uses the word “protect” and its derivatives 19 times, for instance:

“I’ll look at what Scotland’s interests are and at how the Scottish Government will seek to protect them in the period ahead” [Nicola Sturgeon’s post-Brexit speech to the IPPR, July, 25th, 2016];

“Protecting Scotland’s interests is my starting point and I will explore all options to do so” [Nicola Sturgeon’s post-Brexit speech to the IPPR, July, 25th, 2016].

England and Scotland have century-long been at loggerheads and Scotland has constantly sought independence from England. Now Sturgeon takes this chance and turns the word “protect” and “protection of Scotland’s interests” into a communication tactic. She continues to pursue it in the speech on Scotland’s referendum which she gave a year after the previous. It is dedicated to a second independence referendum in Scotland, which is yet to be held if approved by the Scottish Parliament and the UK government.

At a press conference in Edinburgh Sturgeon said that May’s refusal to compromise in Brexit matters had left her with little choice but call another referendum. In this 15-minute long talk Sturgeon uses the word ‘compromise’ eight times, for instance,

“Scottish Government’s attempts to find compromise with the UK government and set out our plan to protect Scotland’s interests” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

“Our ability to protect and advance our vital day to day priorities” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

“Then it is clear that our voice and our interests can be ignored at any time and on any issue” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

“In short, it is not just our relationship with Europe that is at stake.

What is at stake is the kind of country we will become” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

There are two more reiterations made by Sturgeon, ‘implications’ and ‘at stake’. Alongside with ‘protect’ these two are designed to put the people on the alert and arouse most patriotic feelings in them. See examples.

“All of this has massive implications for Scotland.

It has implications for our economy [...]

It has implications for our society — how open, welcoming, diverse and fair we will be in future?

And it has implications for our democracy — to what extent will we be able to determine our own direction of travel, rather than having it decided for us?” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

“In short, it is not just our relationship with Europe that is at stake.

What is at stake is the kind of country we will become” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

As follows from these contexts, Sturgeon actively uses the pronoun ‘we’ and its forms to emphasize unity of the people and the government. With Sturgeon, ‘we’ does not sound like May’s royal *we*. She encourages the Scots to think like her so that the second referendum on independence can succeed.

With regard to the first person singular pronoun it may appear that Sturgeon abuses it, but close reading shows that she uses it to say candidly to the people how she has viewed the situation and what she intends to do to help it. Saying ‘I’, Sturgeon sets an example, encouraging people to follow it.

“That is what I have always done. It is what I have tried to do since the day after the EU referendum last year. And it is what I am determined to continue to do” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

“I was encouraged in this approach by the Prime Minister’s commitment” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

“By taking the steps I have set out today, I am ensuring that Scotland’s future will be decided not just by me, the Scottish Government or the SNP.

[...] And I trust the people to make that choice” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

In Sturgeon’s rhetoric there are also some uses of the conceptual metaphor CONSTRUCTION. However the verb ‘build’ collocates with ‘Scotland’, which shows that the meaning of the metaphor is different from the meaning implied by Theresa May. Sturgeon is talking about Scotland’s independence which is going to be built without England:

“[...] build a stronger and more sustainable economy and create a fairer society” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

“That cannot be a secure basis on which to build a better Scotland” [Nicola Sturgeon’s speech on Scotland’s referendum, March 13th, 2017].

“[...] to build understanding of and support for Scotland’s position.” [Nicola Sturgeon’s post-Brexit speech to the IPPR, July, 25th, 2016].

The last but not the least commentary to be made is that Nicola Sturgeon’s rhetoric is devoid of logical order elements (first, second, third...), Sturgeon is at ease with using conceptual metaphors denoting health, beauty or family, for example “The SNP is polling at a higher level today than we were at this point in the honeymoon days after our 2007 win or our landslide in 2011.” Researchers view it as a part of female discourse. She sounds more like a leader-preacher who calls on crowds to seize the day and to never hesitate, rather than a leader claiming that she is irreplaceable or unattainable and without her nothing can be achieved.

Table

Hedges	May's speech to the Conservative Party Conference (2015)	May's Brexit speech (2017)	May's Tory leadership launch statement (2016)	Sturgeon about Scotland in the EU (2016)	Sturgeon's speech on Scotland's referendum (2017)	Sturgeon's speech to the SNP conference (2017)
	N/A	N/A	N/A	I think it was wrong... In these circumstances, it may well be that... What is perhaps more urgent — and certainly more important	Before the end of this month — and very possibly as early as tomorrow... Let me be clear what I mean by that.	And as for the Tories — well , they're now back... Well , I can announce... Well , today, we put our money where our mouth is.
Questions instead of imperatives	N/A	N/A	N/A	4 question marks	2 question marks	1 question mark
Politeness signs (may, could, excuse me, I'm sorry)	N/A	That Agreement may take in elements of current Single Market... There may be some specific European programmes [...] the new arrangements may differ.	But even if we could manage all the consequences...	Some may prove impractical or undesirable... [...] imperfect though it may be.	Scottish Parliament could help protect Scotland's interests in a post Brexit landscape... We could face a lengthy period outside... That could make the task of negotiating...	It may take us a bit of time to fix Labour's mess... The UK Government may want to retreat from Europe.

Discussion

The six talks by May and Sturgeon can be regarded in terms of three female discourse markers — hedges, questions instead of imperatives and politeness signs (may, could, excuse me, I'm sorry). This table is based on Lakoff's research but most of the points are about female discourse, and these three points can be applied particularly to female politicians. When put together, this may, first, vividly show a distribution of female discourse markers between the politicians, and secondly, point at the politician having the fewest female discourse markers, which would consequently be an indication of the male mode of rhetoric. Above is a table that enables to contrast May's and Sturgeon's communications.

These are illustrations of how a woman may act in politics today. Theresa May is inclined to create an image of a gender neutral or a male politician. It may be attributable to the fact that she is the leader of the country where politics is still normally a men's job. Nicola Sturgeon behaves differently. She openly shows her gender in the discourse alongside with regional and ethnic identity (mainly with the help of the Scottish dialect). And this does not make her weaker or less admirable. While Theresa May follows the path of her male predecessor, Nicola Sturgeon widens the notion of female politician.

References

1. Arustamyan, R. The manifestation of gender peculiarities in political discourse. *Politicheskaya lingvistika*, Ekaterinburg, 2016.
2. Christie, Ch. Gender and Language: Towards a Feminist Pragmatics. Edinburgh: *Edinburgh University Press*, 2000.
3. Cuellar, S. *Women's language: a struggle to overcome inequality*. Columbian University, 2006.
4. Edwards, J. *Language and identity*. St Francis Xavier University, 2009.
5. Ferrary, F. Gender and Identification in political Discourse: The (American) Woman as and beyond a Category for Analysis. *Politicheskaya lingvistika*, Ekaterinburg, 2010, p. 188.
6. Fracchiolla, B. Politeness as a strategy of attack in a gendered political debate — The Royal — Sarkozy debate. *Journal of Pragmatics*, Vol. 43, Issue 10, August 2011, pp. 2480–2488.
7. Galligan, Y., Knight, K. *Attitudes Towards Women in Politics: Gender, Generation and Party Identification in Ireland*. 2011.
8. Gette, E. *Rechevoe povedenie v gendernom aspecte: Problemi teorii i metodiki opisaniya* [Verbal behavior in gender aspect: problems of theory and methodology of description]. pp. 2004–2048.
9. Goroshko, E. *Osobennosti muzhskogo b zhenskogo verbal'nogo pповedeniya* [Peculiarities of male and female verbal behavior]. 1996, p. 138.
10. Goroshko, E. *Pol, gender, yazik* [Sex, gender, language] 1999, pp. 98–112.

11. Goroshko, E. *Problemi izucheniya osobennosti muzhskogo i zhenskogo stilya rechi* [Issues of studying peculiarities of male and female linguistic style]. Dnepropetrovsk, 1994, pp. 160–169.
12. Goroshko, E. *Yazikovoe soznanie: gendernaya paradigm* [Linguistic consciousness: gender paradigm]. 2003, pp. 43–48.
13. Grebelsky-Lichtman, T. Female politicians: a mixed political communication model. *The Hebrew University of Jerusalem*, 2017.
14. Grebelsky-Lichtman, T. Talk like a man, walk like a woman: an advanced political communication framework for female politicians. *Journal of Legislative Studies*, 2017.
15. Griffin, Em. Genderlect Styles. *Communication: A First Look at Communication Theory*. New York, McGraw-Hill, 2011, pp. 435–446.
16. Kendall, S., Tannen, D. *Discourse and gender Text. The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford, Blackwell, 2001, pp. 46–63.
17. Kirilina, A. *Gendernie aspekti yazika I kommunikazii* [Gender aspects of language and communication]. 2000, p. 369.
18. Kirillina, A. *Gender: lingvisticheskie aspect* [Gender: linguistic aspect]. Institut sociologii, RAN 1999, p. 189.
19. Kolesnikova, M. *Leksikograficheskie aspect sovremennih gendernih issledovaniy* [Lexicographical aspect of current gender studies]. MGLU Rudomino, 2000, ss. 28–35.
20. Kunizina, E. *Gendernaya markirovannost' politicheskogo diskursa: yazikovo i rechevoi aspect* [Gender markedness of political discourse: linguistic and verbal aspect]. 2011, p. 249.
21. Lakoff, R., Sutton, L. *Context counts: papers on language, gender, and power*. New York, Oxford University Press, 2017.
22. Liberman, M. *Gender and Tags*. *Language Log*, 2004.
23. McConnell-Ginet, S. *Linguistics and Gender Studies Philosophy of Linguistics*. 2012, pp. 503–530.
24. Mukhortov, D.S. The Metaphor in Foreign Policy Discourse as a Manifestation of the Commonality of the Ideological Attitudes of Anglo-Saxon Politicians (Based on the Speeches of B. Obama, D. Cameron, T. Abbott and S. Harper in 2014–2015). *Political Linguistics: Problematics, Methodology, Aspects of Research and Prospects of Development of Scientific Direction* [International Science Conference (Ekaterinburg)], 2015, pp. 175–182.
25. *Nicola Sturgeon's speech on Scotland's referendum*, March 13th, 2017 (Access mode: https://www.youtube.com/watch?v=ReYB_ysgN_Y, Access date: June 15, 2018).
26. *Nicola Sturgeon's speech to the SNP conference*, October 10th, 2017 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=UxHGulVdFbE>, Access date: June 15, 2018).
27. *Nicola Sturgeon's post-Brexit speech to the IPPR*, July 25th, 2016 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=iMbfoJQn4gA>, Access date: June 15, 2018).
28. Nurseitova, Kh., Zharkynbekova, Sh., Bokayev, B., Bokayeva, A. Language and Gender in Political Discourse (Mass Media Interviews). *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, Vol. 70, 25 January 2013, pp. 417–422.

29. Oliveira, F. *Language and Gender: A Case Study*. USA, 2010.
30. Pennebaker, J. *The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us*. Bloomsbury Press, 2011.
31. Polyakova, L.S. *Proyavlenie gendernih strategii v yazike politika* [Demonstration of gender strategies in the language of politician]. 2007, p. 216.
32. Polyakova, L.S. The occurrences of gendered strategies in political speeches: sociolinguistic experimental research. *Politicheskaya lingvistika*, Ekaterinburg, 2011, p. 300.
33. Potapov, P. *Yazik muzhin i zhenzhin: foneticheskaya differenziatsiya* [Language of men and women: phonetic differentiation]. AN RAN, 1997, pp. 52–62.
34. Ross, K. *Gender. Politics, News: A Game of Three Sides*. Wiley-Blackwell, 2017.
35. Stalsburg, B., Kleinberg, M. “*A Mom First and a Candidate Second*”: *Gender Differences in Candidates’ Self-Presentation of Family*. 2015.
36. *Theresa May’s first statement as Prime Minister*, July 13th, 2016 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=FDyZ8trge2E>, Access date: June 15, 2018).
37. *Theresa May’s speech to the Conservative Party Conference in Manchester*, October 6th, 2015 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=hoiuCPxHk1E>, Access date: June 15, 2018).
38. *Theresa May’s Brexit speech*, January 17th, 2017 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=o0rRnTFJszU>, Access date: June 15, 2018).
39. *Theresa May’s Tory leadership launch statement*, June 30th, 2016 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=RRHjflkTRzE>, Access date: June 15, 2018).
40. Trudgill, P. *Sex, Covert Prestige and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich*. Cambridge University Press, 1972.

Д.С. Мухортов, Я.С. Малявина

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ
ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА: ПРЕМЬЕР-МИНИСТР
ВЕЛИКОБРИТАНИИ ТЕРЕЗА МЭЙ И ПЕРВЫЙ МИНИСТР
ШОТЛАНДИИ НИКОЛА СТЕРДЖЕН**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Данная статья посвящена исследованию политического дискурса Терезы Мэй — премьер-министра Великобритании и лидера Консервативной партии и Николы Стерджен — первого министра Шотландии и лидера Шотландской национальной партии. Эти две женщины отличаются друг

от друга национальностью, возрастом и политическими взглядами, у них разное образование и социальное происхождение, что безусловно влияет на их идиолекты. В ходе исследования было выявлено, что женщина вынуждена использовать классический (так называемый мужской) тип риторики, чтобы преуспеть на политическом поприще. Это особенно заметно на примере дискурса Терезы Мэй. В статье рассматривается гендерно-маркированный дискурс, бывший долгое время спорным для исследователей во всем мире. В статье получают освещение типичные маркеры женской речи: заполненные паузы, стандартная речь, когнитивная и социальная лексика, эвфемизация; а также черты мужского политического дискурса, такие как риторические вопросы, логичная структура и последовательность речи, концептуальные метафоры, связанные с войной, спортом и охотой. На примере дискурса Терезы Мэй было доказано, что женщины-политики могут с легкостью менять женский дискурс на мужской, чтобы достигнуть определенных политических целей и сохранить свой статус. Мужской политический дискурс все еще считается речевой нормой, которой должны придерживаться политики, в том числе женщины.

Ключевые слова: политический дискурс; языковая личность политика; коммуникативное поведение; гендерлект; мужская риторика; Тереза Мэй; Никола Стерджен.

Сведения об авторах: *Мухортов Денис Сергеевич* — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dennismoukhortov@mail.ru); *Малявина Яна Станиславовна* — бакалавр кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yana_m3@mail.ru).

Список литературы

1. *Гетте Е.Ю.* Речевое поведение в гендерном аспекте: Проблемы теории и методики описания. М., 2004. С. 248.
2. *Горошко Е.И.* Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ). М., 1996. С. 138.
3. *Горошко Е.И.* Пол, гендер, язык. Текст // *Женщина. Гендер. Культура.* М., 1999. С. 98–112.
4. *Горошко Е.И.* Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи Текст // *Формирование коммуникативных и интеллектуальных навыков школьников и студентов.* Днепропетровск, 1994. С. 160–169.
5. *Горошко Е.И.* Языковое сознание: тендерная парадигма. Текст. М., 2003. С. 43–48.
6. *Кирилина А.В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации. 2000. М., С. 369.
7. *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. С. 189.
8. *Колесникова М.С.* Лексикографические аспекты современных гендерных исследований Текст // *Гендер как интрига познания: Сб. научн. трудов.* М., 2000. С. 28–35.

9. *Куницына Е.В.* Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты 2011. С. 249.
10. *Полякова Л.С.* Проявление гендерных стратегий в языке политика: на материале английского и русского языков 2007. С. 216.
11. *Потанов В.В.* Язык мужчин и женщин: фонетическая дифференциация Текст // Изв. АН РАН Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 52–62.
12. *Arustamyan R.* The manifestation of gender peculiarities in political discourse. Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2016. Вып. 6 (60). С. 280.
13. *Christie, Ch.* Gender and Language: Towards a Feminist Pragmatics. Edinburgh, 2000.
14. *Cuellar, S.* Women's language: a struggle to overcome inequality. Columbian University, 2006.
15. *Edwards, J.* Language and identity. St Francis Xavier University, 2009.
16. *Ferrary, F.* Gender and Identification in political Discourse: The (American) Woman as and beyond a Category for Analysis. Politicheskaya lingvistika, Ekaterinburg, 2010, p.188.
17. *Fracchiolla, B.* Politeness as a strategy of attack in a gendered political debate — The Royal — Sarkozy debate. Journal of Pragmatics, Vol. 43, Issue 10, August 2011. P. 2480–2488.
18. *Galligan, Y., Knight, K.* Attitudes Towards Women in Politics: Gender, Generation and Party Identification in Ireland. 2011.
19. *Grebelsky-Lichtman, T.* Female politicians: a mixed political communication model. The Hebrew University of Jerusalem, 2017.
20. *Grebelsky-Lichtman, T.* Talk like a man, walk like a woman: an advanced political communication framework for female politicians. Journal of Legislative Studies, 2017.
21. *Griffin, Em.* Genderlect Styles // Communication: A First Look at Communication Theory. New York, McGraw-Hill, 2011, pp. 435–446.
22. *Kendall, S., Tannen, D.* Discourse and gender Text. The Handbook of Discourse Analysis. Oxford, Blackwell, 2001, pp. 46–63.
23. *Lakoff, R., Sutton, L.* Context counts: papers on language, gender, and power. New York, Oxford University Press, 2017.
24. *Lieberman, M.* Gender and Tags. Language Log, 2004.
25. *McConnell-Ginet, S.* Linguistics and Gender Studies Philosophy of Linguistics. 2012, pp. 503–530.
26. *Mukhortov, D.S.* The metaphor in foreign policy discourse as a manifestation of the commonality of the ideological attitudes of Anglo-Saxon politicians (based on the speeches of B. Obama, D. Cameron, T. Abbott and S. Harper in 2014–2015). Political Linguistics: Problematics, Methodology, Aspects of Research and Prospects of Development of Scientific Direction [International Science Conference (Ekaterinburg)], 2015, pp. 175–182.
27. Nicola Sturgeon's speech on Scotland's referendum, March 13th, 2017 (Access mode: https://www.youtube.com/watch?v=ReYB_ysgN_Y, Access date: June 15, 2018).

28. Nicola Sturgeon's speech to the SNP conference, October 10th, 2017 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=UxHGulVdFbE>, Access date: June 15, 2018).
29. Nicola Sturgeon's post-Brexit speech to the IPPR, July 25th, 2016 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=iMbf0JQn4gA>, Access date: June 15, 2018).
30. Nurseitova, Kh., Zharkynbekova, Sh., Bokayev, B., Bokayeva, A. Language and Gender in Political Discourse (Mass Media Interviews). *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, Volume 70, 25 January 2013, pp. 417–422.
31. Oliveira, F. *Language and gender: A case study*. USA, 2010.
32. Pennebaker, J. *The Secret life of pronouns: What our words say about us*. Bloomsbury Press, 2011.
33. Polyakova, L.S. The occurrences of gendered strategies in political speeches: sociolinguistic experimental research. *Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2011. Вып. 4 (38). С. 300.*
34. Ross, K. *Gender, Politics, News: A Game of Three Sides*. Wiley-Blackwell, 2017.
35. Stalsburg, B., Kleinberg, M. "A Mom First and a Candidate Second": Gender Differences in Candidates' Self-Presentation of Family. 2015.
36. Theresa May's first statement as Prime Minister, July 13th, 2016 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=FDyZ8trge2E>, Access date: June 15, 2018).
37. Theresa May's speech to the Conservative Party Conference in Manchester, October 6th, 2015 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=hoiuCPxHk1E>, Access date: June 15, 2018).
38. Theresa May's Brexit speech, January 17th, 2017 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=o0rRnTFJsZU>, Access date: June 15, 2018).
39. Theresa May's Tory leadership launch statement, June 30th, 2016 (Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=RRHjflkTRzE>, Access date: June 15, 2018).
40. Trudgill, P. *Sex, Covert Prestige and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich*. Cambridge, 1972.

С.Е. Бойкова

ОПЫТ АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕТСКОЙ БИЛИНГВАЛЬНОЙ РЕЧИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ВЗРОСЛОЙ БИЛИНГВАЛЬНОЙ РЕЧЬЮ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Явление билингвизма и его многоаспектное изучение представляет большой интерес для лингвистов. Предлагается сопоставить детскую билингвальную речь с речью взрослых билингвов. Цель исследования — выявить особенности, присущие русско-французскому детскому и взрослому двуязычному дискурсу. В качестве материала использован авторский корпус детской русско-французской билингвальной речи, а также корпус речи русских эмигрантов во Франции Н.И. Голубевой-Монаткиной и корпус речи взрослых квази-билингвов Т. Александровой (Т. Alexandrova).

В первой части статьи освещаются некоторые теоретические аспекты билингвизма, определяется терминология, приводятся некоторые сведения о детской речи в целом. Принято определение билингвизма Франсуа Грожана, согласно которому билингвом считается индивид, использующий два или более языков в повседневном общении.

В работе представлен анализ русской и французской детской билингвальной речи и сопоставление данных по каждому из языков с соответствующим корпусом взрослой речи. Приводится подробное описание корпуса детской речи, метода сбора материала, а также канва лингвистического портрета участников исследования в соответствии с параметрами, предложенными в работе [Hamers, Blanc, 1989]. Участники исследования группируются по доминантному языку (русский или французский соответственно), внутри каждого доминантного языка выделяется дискурс франкоязычный и русскоязычный. Приводятся особенности, характерные для каждого из типов дискурса (на уровне грамматики, лексики, синтаксиса, отчасти фонологии).

Детский франкоязычный дискурс сопоставляется с корпусом речи взрослых квази-билингвов; детский русскоязычный дискурс сопоставляется с корпусом речи русских эмигрантов.

Результаты в целом подтверждают основные характеристики детской билингвальной речи, выявленные ранее. Некоторые вопросы, поставленные в нашем исследовании, такие как становление категорий числа, рода и вида

Бойкова Стелла Ервандовна — аспирант кафедры французского языкознания филологического факультета, преподаватель кафедры медиалингвистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: boyukova_stella@rambler.ru).

в речи детей-билингвов, могут послужить темой для дальнейшего анализа в последующих работах.

Ключевые слова: билингвизм; детская речь; взрослая двуязычная речь; межъязыковая интерференция; языковая компетенция.

На сегодняшний день билингвизм является одной из актуальных тем лингвистических исследований. Это подтверждается не только возросшим количеством публикаций [Kroll, Bialystok, 2013: 498], но и всплеском массового интереса к этому явлению. Как отмечают многие специалисты в области двуязычия, большая часть земного шара является двуязычной или многоязычной [Grosjean, 2015: 13; Abdelilah — Bauer, B., 2015: 15]. В научной литературе можно встретить как очень строгие трактовки этого явления, сводящие билингвизм только к сбалансированному владению двумя языками, так и весьма широкие, включающие любое владение иностранным языком: “La littérature scientifique regorge de définitions à propos du bilinguisme, que l’on pourrait représenter sous la forme d’un continuum dont les deux extrémités seraient une définition minimale du bilinguisme, dans son sens le plus strict, et une définition maximale au sens le plus large”¹ [Dell’Armi, 2015: 247].

В нашей работе мы будем придерживаться определения французского лингвиста Франсуа Грожана, сделавшего акцент не на уровне языковой компетенции, а на частоте использования языков: “Le bilinguisme est l’utilisation régulière de deux ou plusieurs langues ou dialectes dans la vie de tous les jours”² [Grosjean, 2015: 16].

Сопоставление детской и взрослой билингвальной речи и осмысление полученных данных базируется на том, что «между процессами усвоения родного (первого) и иностранного (второго) языка существуют определенные различия, но отмечается и определенное сходство» [Воейкова, 2011: 11]. В настоящей работе мы предлагаем сопоставить детскую билингвальную речь с речью взрослых билингвов. **Цель** данного исследования — выявить сходства и различия детского и взрослого билингвального дискурса в рамках русского и французского языков. В качестве **материала** был использован собранный нами корпус детской русско-французской билингвальной речи, состоящий из двух разделов—франкоязычный дискурс и русскоязычный. В качестве контрастивного материала мы обратимся к корпусам взрослых русско-французских билингвов, а именно к корпусу расшифрованной русской речи эмигрантов во

¹ «Научная литература изобилует определениями билингвизма, которые можно было бы изобразить как шкалу, на одном конце которой было бы самое узкое определение билингвизма в самом строгом смысле, а на другом — максимально широкое определение» (пер. автора).

² «Билингвизм — это регулярное использование двух или нескольких языков в повседневной жизни».

Франции, составленный Н.И. Голубевой-Монаткиной и корпусу речи взрослых квази-билингвов³, собранный Т. Александровой (Т. Alexandrova). Материалы настоящей статьи кратко изложены и опубликованы в тезисах ежегодной международной конференции по онтолингвистике [Бойкова, 2018].

Мы отдельно проанализировали русскую и французскую детскую билингвальную речь, сопоставив данные по каждому из языков с соответствующим корпусом взрослой речи. Так, материалом для сопоставительного анализа французской части детского корпуса послужил корпус Т. Александровой, а для русскоязычного дискурса — корпус Н.И. Монаткиной. Отметим также, что корпус речи Т. Александровой франкоязычный, в то время, как корпус Н.И. Монаткиной — преимущественно русскоязычный (с естественными для билингвов вкраплениями из Я2). Заметим также, что речь испытуемых из исследования Т. Александровой являет собой пример несбалансированного билингвизма с доминирующим русским языком, в то время как в речи русских эмигрантов во Франции доминирующим языком является французский⁴. Таким образом, франкоязычный дискурс с доминантным русским языком и русскоязычный дискурс с доминантным французским языком имеет свои соответствия как в детском, так и во взрослом корпусах, рассматриваемых в нашей работе. В то же время детский дискурс на соответствующих сильных языках аналогов во взрослых корпусах не имеет. Наглядно представим отобранный нами материал на схеме 1.

Выделенными линиями соединены корпуса, сопоставленные друг с другом в исследовании: сплошной линией соединены корпуса с одинаковым доминантным языком; пунктирной линией соединены корпуса, в которых доминантный язык отличается.

Безусловно, необходимо учитывать ряд спорных параметров, возникающих при данном сопоставлении. Прежде всего обращает внимание тот факт, что, в отличие от взрослого, уже сложившегося, билингвизма, детский билингвизм находится в стадии становления: «Детская билингвальность представляет собой динамическую характеристику речевого развития ребенка, проявляющуюся в продуцировании речи и познании окружающей действительности на двух языках» [Чиршева, 2012: 76]. Мария Кильштедт добавляет: «*Chez les adultes, la langue première est déjà solidement en place, alors que, chez les enfants, elle est en cours du développement. L'apprenant*

³ Мы используем термин Т. Александровой квази-билингвы (*les quasi-bilingues*). Автор называет квази-билингвами “*des apprenants très avancés russophones du français*”, т.е. носителей русского языка, изучивших французский язык на очень высоком уровне.

⁴ Более подробно о характеристике речи разных поколений русских эмигрантов см. [Монаткина, 2004].

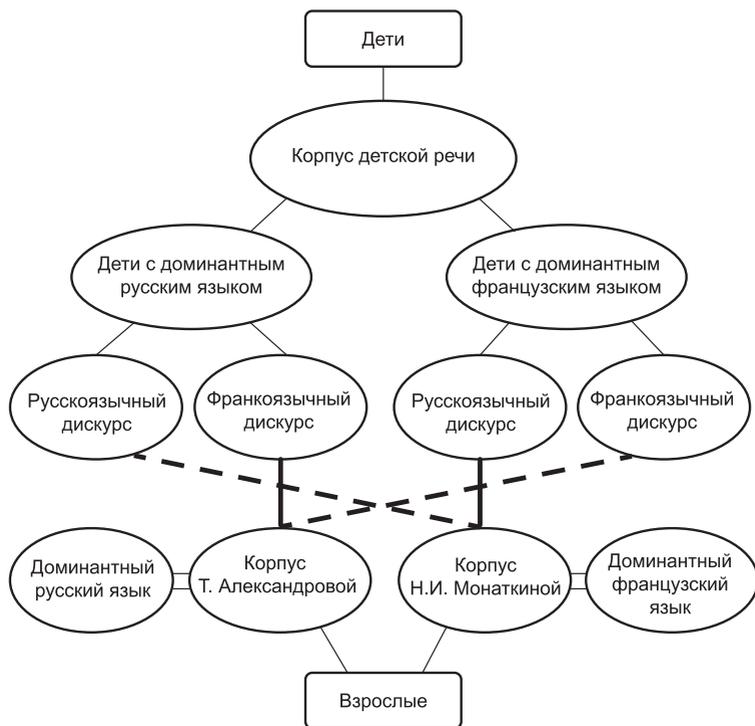

Схема 1

adulte possède un système cognitif abouti au début de l'apprentissage, alors que chez les enfants, développement cognitif et développement linguistique vont du pair"⁵ [Kihlstedt, 2013: 20]. С другой стороны, уровень языковой компетенции участников исследования является различным⁶. Кроме того, участники нашего эксперимента являются естественными билингвами,⁷ в то время как корпус, приведенный в исследовании Т. Александровой, представляет собой записи речи билингвов искусственных (квазибилингвов, согласно терминологии Т. Александровой). Однако принимая во внимание вышесказанное, мы полагаем возможным оставить все эти аспекты за скобками,

⁵ «У взрослых людей первый язык уже стабилен, в то время как у детей он находится в стадии развития. Взрослый учащийся располагает к началу изучения нового языка сложившейся когнитивной системой, тогда как у детей когнитивное и языковое развитие происходит параллельно».

⁶ Что представляется естественным, принимая во внимание многообразие типов билингвизма.

⁷ Под естественным билингвизмом понимается билингвизм, сформированный в результате естественного усвоения двух языков; под искусственным — формальное изучение иностранного языка. О разграничении терминов «естественный билингвизм» — «искусственный билингвизм» см. подробнее [Чиршева, 2012: 59–61].

поскольку все участники исследования так или иначе подходят под принятое нами определение билингвизма, а, значит, делают возможным сопоставление детского корпуса речи с двумя контрольными корпусами взрослой.

Остановимся подробнее на материале, послужившем основой данной работы. Нами был собран и транскрибирован для последующего анализа корпус диалогов с детьми-билингвами, в возрасте от 6 до 12 лет, носителями французского и русского языков. Речь детей была сгруппирована по возрасту и типу билингвизма. Корпус представляет собой расшифрованные записи детской франкоязычной и русскоязычной речи. Общение с детьми условно можно разбить на три этапа. На первом этапе детям предлагалось рассказать о школе, об их увлечениях и интересах. На втором они должны были составить рассказ по сюжетным картинкам или просто описать, что на них изображено (на французском или русском языках — по желанию). Затем им предлагалось рассказать другую историю на втором языке. Третий этап опроса — фиксация спонтанной речи общения билингвов в ситуации, максимально приближенной к естественной.

Общее количество участников исследования — 12 человек.

Для каждого участника эксперимента был составлен билингвальный портрет: 1. Возраст формирования билингвизма (*младенческий (0–1 год); детский (1–12 лет); подростковый (12–17 лет); взрослый*); 2. Языковая компетенция (*сбалансированное двуязычие; доминантный билингвизм; полубилингвизм*); 3. Порядок введения языков в общение (*одновременное двуязычие; последовательное двуязычие*); 4. Способ формирования (*естественный и искусственный билингвизм*).

При определении типа билингвизма мы во многом ориентировались на параметры, указанные в [Hamers, Blanc, 1983: 27], однако не все они были задействованы в нашей работе. Так, мы не указывали тип билингвизма на основе отношения языка и мышления, поскольку в рамках исследования не находим возможности подтвердить или опровергнуть верность данного критерия. Еще один параметр, который может показаться спорным — культурное самосознание билингва. Далекое не всегда два языка означают принадлежность к двум культурным сообществам. Кроме того, дети пока не могут идентифицировать свою культурную принадлежность.

Для определения уровня владения языками каждого ребенка мы ориентировались на зарегистрированную речь участников, а также применили схему Ф. Грожана, который предлагает учитывать факторы уровня знания языков и частоты их использования [Grosjean, 2015: 36]. Оценка частоты использования языков давалась на основе самостоятельной оценки детей, а также мнения родителей.

Представим в таблице участников, их билингвальные характеристики и время общения.

Таблица

Участник	Возраст (количество лет, месяцев, дней)	Языковая компетенция	Порядок введения языков в общение	Способ формирования билингвизма	Время общения
С.	9, 6, 8	доминантный билингвизм (русский доминирующий)	последовательное введение	естественный (семья русскоязычная, посещала франкоязычный детский сад и сейчас школу)	1 час 10 минут
А.	11, 3, 5	доминантный билингвизм (русский доминирующий)	последовательное введение	естественный (семья русскоязычная, посещал франкоязычный детский сад и сейчас школу)	1 час 10 минут
Л.	6, 2, 17	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	одновременное	естественный	35 минут
С.	6, 4, 15	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	одновременное	естественный	1 час 45 минут
Т.	7, 2, 5	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	одновременное	естественный	35 минут
R.	8, 2, 14	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	одновременное	естественный	1 час 45 минут
Е.	9, 1	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	одновременное	естественный	1 час 45 минут
V.	10, 2	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	последовательное (русский язык начала осваивать в возрасте трех лет в детском саду)	естественный (мать и отец — французы; русский язык в детском саду 3 раза в неделю).	1 час 45 минут

Участник	Возраст (количество лет, месяцев, дней)	Языковая компетенция	Порядок введения языков в общение	Способ формирования билингвизма	Время общения
Ф.	10, 5	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	одновременное	естественный	48 минут
Э.	11	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	одновременное	естественный (мама французка, папа русский)	40 минут
З.	11, 1	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	одновременное	естественный	1 час 20 минут
Д.	12, 8, 20	доминантный билингвизм (французский доминирующий)	одновременное	естественный	50 минут

Мы попытались систематизировать все языковые сдвиги из нашего корпуса речи. В русскоязычном и франкоязычном разделах корпуса мы отдельно рассматриваем дискурс детей с доминантным русским и с доминантным французским языками.

У каждой из групп есть свои характерные особенности, равно как и общие лингвистические черты. Так, во франкоязычном дискурсе испытуемыми с доминантным русским языком были допущены ошибки во французском языке на выбор вспомогательного глагола в сложных временах и на употребление субстантивированных прилагательных, не отмеченные у детей с доминантным французским языком. Примечательно также, что в речи детей-билингвов прослеживалось не только влияние сильного языка на слабый, но и обратное явление. При этом влияние может проявляться на всех языковых уровнях.

Ошибки, характерные для франкоязычного дискурса детей с доминантным русским языком

Грамматика: Род имени существительного

А., 11, 3, 5: Et après trois heures de promenade ils voient **un araigné** (cf: *une araignée*); Louis il dit: “C’est pas **un araignée** (cf: *une araignée*), c’est **un fourmi** (cf: *une fourmi*)”⁸. В данных примерах прослеживается

⁸ И после трехчасовой прогулки они видят ***науку**. Луи, он говорит: «Это не ***наука**, это ***муравья**».

влияние русского языка (в русском языке слова *паук*, *муравей* — мужского рода).

Вспомогательный глагол (употребление вспомогательных глаголов в сложных временах):

С., 9, 6, 8: Il **a descendu** (cf: il est descendu) et après quand... il **a descendu** (cf: *il est descendu*) il est tombé encore une fois...; Et... il **a monté** (cf: *il est monté*) sur... sur cet arbre⁹.

Артикль: А., 11, 3, 5: ... mais lui il connaît **pas géographie** (cf: la géographie), et il connaît pas le français¹⁰. В русском языке эта часть речи отсутствует, но, если необходимо, определённости/неопределённости выражается другими способами. Эту ошибку нельзя считать интерференционной, поскольку категория артикля отсутствует в русском языке.

Лексика:

Словообразование

С., 9, 6, 8: Après il voit **une maisonne!** (cf.: *une maison*)

Прибавление суффикса «-ne» как маркера женского рода по аналогии с bon — bonne. Данная ошибка является типичной для детей, поскольку они применяют одно, раз усвоенное, правило повсеместно, создавая свою собственную грамматику.

Калькирование словосочетаний

А., 11, 3, 5: “Il y avait un hérisson, qui a... qui **a été** très faim (cf: ... *qui avait faim*)”¹¹. Глагол avoir в устойчивом выражении «avoir faim» заменен на глагол être (*être faim), что является калькой русского выражения «быть голодным».

Ошибки, характерные для франкоязычного дискурса детей с доминантным французским языком

1. Грамматика: Изменение рода существительного под влиянием аналога из Я₂

Р., 8, 2, Г4: “Bon... Ok... C’est Noël. Le petit garçon et la petite fille veulent décorer **une sapin** (cf.: *un sapin*)”¹².

1.2 Глагол: Неверное употребление наклонения

Е., 6, 1: «En fait il y a une feuille et sur cette feuille il y a des problèmes et il faut que tout le monde les **résout**» (cf.: *il faut que tout le monde les résolve*)¹³.

2. Синтаксис: Порядок слов

С., 6, 4, 15: “Elle vole! On appuie sur un bouton, après **on met y la main** et elle va comme ça” (показывает), (cf.: *on y met la main*)¹⁴.

⁹ Он *спустился*... и после того, как он *спустился*... он упал еще раз... и потом *залез* еще раз.

¹⁰ Но он не знает *географию*, он не знает *французский*.

¹¹ Жил-был ежик, который *был* очень голоден.

¹² Ладно... хорошо... Это Рождество. Девочка и мальчик будут украшать *елку*.

¹³ В общем, есть листок, и на этом листе задачи, и нужно, чтобы все их *решали*.

¹⁴ Она летает! Нажимаешь на кнопку, *потом сюда руку* и она вот так летит.

Обратимся к особенностям во французском дискурсе, выявленным на материале корпуса речи взрослых квази-билингвов¹⁵. Сопоставив корпус речи Т. Александровой с нашим корпусом детской речи, мы обнаружили некоторые **сходства в языковых сдвигах** взрослых информантов и детей. Прежде всего это касается **трудностей с употреблением артиклей**. Встречается употребление определенного артикля вместо частичного: “Il continue à chercher *l'eau*” (cf.: *de l'eau*)¹⁶; “Pour trouver *l'eau*” (cf.: *de l'eau*)¹⁷. Встречается также употребление частичного артикля после отрицания: “Il n'y a pas *de l'eau*”¹⁸. Еще одной характерной проблемой является **родовая принадлежность существительных**. В одной и той же фразе могут сосуществовать два варианта рода слова: “*Une* pyramide de pierres — il essaie de descendre de *ce* pyramide”¹⁹. Чаще всего, такие ошибки являются прямым следствием интерференции: “Et finalement il fait un trou *aussi grande ... aussi grand*”²⁰ — информант знает правильную родовую принадлежность, но первым называет прилагательное женского рода. Можно рассматривать как подсознательную оговорку (русский аналог слова *trou* «дыра» — ж.р.). Были замечены также отклонения, не свойственные детям-билингвам. В частности, это касается **выбора прямых и косвенных местоимений-дополнений**. Например, употребление прямых местоимений-дополнений вместо косвенных: “Il y a des gouttes d'eau... il *les* cherche”²¹; “En cherchant de l'eau ... il *la* trouve”²². При этом ошибок на порядок слов, употребление наклонений и порядок слов замечено не было.

Теперь обратимся к **ошибкам русскоязычного дискурса у детей с доминантным русским языком:**

Грамматика (морфология)

Ошибочный выбор союза под влиянием интерференции:

С., 9, 6, 8: «Жил-был мальчик, который... которому мама сказала: «Иди, прогуляйся с собакой». *А* он пошёл» (cf.: И он пошёл). Противительный союз «а» вместо сочинительного союза «и». Влияние французского союза “et”, которому в русском языке соответствуют как сочинительные союзы (и, да), так и противительные (а, но) [Гак, 2004: 444].

¹⁵ Квази-билингвами (lesquasi-bilingues) автор называет русскоязычных информантов, владеющих французским языком на высоком уровне.

¹⁶ Он продолжает искать воду.

¹⁷ Чтобы найти воды.

¹⁸ Нет воды.

¹⁹ Пирамида из камней — он пытается спуститься с этой пирамиды.

²⁰ И в конце концов он делает дыру *такой же большой*... такую же большую.

²¹ Есть капли воды... он их ищет.

²² Ища воду, он ее находит.

Лексика

С., 9, 6, 8: «Жила-была мышка, которая увидела **мячик**, ну, **воздушный мячик** (ср. воздушный шарик)». Расширение употребления слова «мяч» под влиянием французского слова “ballon”, которое включает значения, эквивалентные русским словам «мяч» и «воздушный шар».

Ошибки русскоязычного дискурса у детей с доминантным французским языком

Постановка ударения:

С., 6, 4, 15: Он — прыг в *воду*; Т., 7, 2, 5: У него *ноги* красные.

Грамматика

1. Имя существительное: Неверный выбор родовой принадлежности под влиянием доминантного языка.

Т., 7, 2, 5: Она увидела **яблоку** (ср.: *яблоко*)... и... Нет! Гусеница увидела **яблоку** (ср.: *яблоко*); Л., 6, 2, 17: Нет, по-русски не умею, а вот по-французски. И **мой имень** (ср.: моё имя) могу [написать]; Л., 6, 2, 17: [...] и потом мне подарили **такой штук** (ср.: *и потом мне подарили такую штуку*). V., 10, 2: Потом у меня **два сестра** (ср.: *две сестры*).

Падежи: З., 11, 1: С этого года они сделали **группа** “Section internationale” (ср. *группу* (В.п.)); Л., 6, 2, 17: «... положили **тарелка** (ср.: *тарелку* (В.п.)), печенье и молоко и написали: «Это для **Дед Мороз**»» (ср.: для *Деда Мороза* (Р.п.)); D., 12, 8, 20: «Ну, я занимаюсь танцами... я играю на **музыкальные инструменты** (ср.: *на музыкальных инструментах* (П.п.))».

Число: А) Е., 9, 1: Играла с... **кошками** (*кошка на картинке была только одна*).

Данная ошибка связана с усвоением категории числа ребенком. Иными словами, пока ребенок находится в процессе освоения этой категории, он может, например, как в нашем случае, употреблять существительное во множественном числе, подразумевая единичный предмет. Дети-монолингвы также допускают такого рода ошибки, однако они проходят в более раннем возрасте. У монолингвальных русскоязычных детей такое явление проходит к четырем годам [Цейтлин, 2009: 136–137].

Б) Образование множественного числа: R., 8, 2, 14: Жили-были **поросёнки**, (ср. поросята) и они построили три дома. Первый дом был из соломы, второй — из дерева, а третий — из **кирпичёв** (ср.: из кирпичей). Ошибки на основе внутриязыковой аналогии типичны для детской речи.

2. Глагол

Управление глаголов: D., 12, 8, 20: ... мы готовимся **для спектакля**. (ср.: *мы готовимся к спектаклю*). Калька с франц. “*on se prépare pour*”;

Е., 9, 3: ... ils décorent le sapin *с игрушками* (ср. *они украшают ёлку игрушками*).

Т., 7, 2, 5: Вот мышка нашла воздушный шарик. Она *его подула* (ср.: *в него подула*) немножко, *и потом очень большой*. Неверное управление глагола. В русском языке глагол *подуть* требует предлога *в/во*. Возможно, мальчик перепутал его с переходным глаголом *надуть*: *подуть в шарик/надуть шарик*.

Во французском языке глаголам (*но*)*дуть* и *надуть* соответствуют *souffler* и *gonfler*. Однако глагол *souffler* также может употребляться в значении, эквивалентном *gonfler*: *insuffler de l'air dans quelque chose — Pour gonfler, façonner, former qqc.: Souffler un ballon* [TLF].

Таким образом, данную ошибку можно рассматривать так же, как интерференционную.

3. Местоимения: 3.1. Притяжательные местоимения (интерференционные ошибки)

Е., 9, 3: И кошка, когда *своя* учителя... учительница (ср.: *её учительница*) ушла.

Данная ошибка может быть связана с тем, что в русском языке существует особое местоимение *свой*, значение которого передаётся на французский язык притяжательными местоимениями *son, sa, ses* [Гак, 1983: 123]. Поскольку этим же местоимениям в русском языке соответствуют также их прямые аналоги *его, её, их*, франкоговорящим может быть трудно сделать правильный выбор. Кроме того, местоимение *свой* «не отражает категорий субъекта» [Гак, 1983: 123], а, значит, его употреблять в речи проще, чем *его, её, их*.

Э., 11: Или я приношу *мои книжки* и читаю.

Поскольку указание на лицо в предложении уже есть (личное местоимение *я*), то употребление притяжательного местоимения *мой* является избыточным. Калька с французского языка: *J'apporte mes livres*.

3.2. Род местоимений

Т., 7, 2, 5: Ну, вот это мальчик гуляет с собачкой, а пчела ужалила *его* (ср.: *ужалила её*), и у него нос вот такой стал большой, и мальчик *его* лечит. И он *поставил ему* пластырь, а собачка теперь... *ему* больше не больно.

Лексика: Глаголы движения

Расширение значения глагола «идти» по аналогии с глаголом «aller»: *прийти/приехать* ((F., 10, 5): Когда я... когда я *пришёл* в Россию (ср. *приехал*)); Э., 11: ну, группа балета, которая *приходила* из Москвы и *делали танцы* (ср.: *танцевала*), и это было здорово; *пойти/ходить* (V., 7 лет: ... Потом *пошла два года* в русскую школу, а потом во французскую сейчас (ср.: *ходила два года в русскую школу*)).

Калькирование

faire + nom/verbe (З., 11, 1: Потом я вижу *мальчик*, который с собакой... *делает прогулку* с собакой. (ср.: гуляет с собакой). Дословный перевод выражения “faire une promenade” — *делать прогулку; *Знать/уметь — Savoir* (Т., 7, 2, 5: *Он не знает плавать* (ср.: *он не умеет плавать*)).

Обратимся к корпусу речи потомков русских эмигрантов во Франции [Монаткина, 2004]. В настоящей статье мы сосредоточим внимание на некоторых особенностях, интересных с точки зрения сопоставления их с особенностями детской речи. В первую очередь в речи эмигрантов прослеживались ошибки в постановке ударения. Например, *комплексы, из семей, библиотека, принцип, мерия*. Некоторые случаи явно представляют собой пример влияния французского языка. Очень характерно, например, слово «*мэрия*» (ср. фр. La mairie). В нашем корпусе также были зафиксированы ошибки в постановке ударения (см. ранее). Однако все отмеченные нами случаи ошибок у детей относятся к акцентированию последнего слога, что соответствует французской модели.

В плане **грамматики** обращает внимание расшатывание видовой системы глагола. Как отмечает Н.И. Монаткина, это особенно заметно в речи младшего поколения: десять лет я совсем *не употребила* это (вм. — *не употребляла*); у меня всегда *осталась* (вм. *оставалась*) эта любовь к русскому языку. Иногда, в тех случаях, когда действие может рассматриваться как однократное, законченное: не вам я *рассказала*, что у меня была первая лектриса (вм. *рассказывала*). Старшее поколение ошибается преимущественно при выборе вида инфинитива: давали месяц, чтобы *ехать* сюда и *возвращаться* (вм. *поехать и возвратиться*). Дети-билингвы, напротив, редко испытывают трудности с видом глагола. В нашем исследовании только один ребенок допускал подобные ошибки (L., 6, 2, 17: *Ему было холодно и он решил ходить* домой (ср.: *он решил пойти* домой)).

Калькирование грамматических конструкций: *возьмите лифт* (= *поезжайте на лифте*); *лучше оставить русский язык русским, которые его хорошо говорят* (= *на нем*). Подобные конструкции характерны и для детской речи с доминантным французским языком. Встречаются также ошибки на употребление предлогов и союзов, замеченные нами у детей-билингвов (*ее семья от Баку* (вм. *из Баку*); *как я была одна...* (вм. *поскольку*)).

Также характерны ошибки на род существительного (*у нас тоже такая... кризис* (ср. фр. *une crise*)) и падеж (*мы живем далеко от Париж*). Подобные ошибки встречались практически у всех опрошенных нами детей-билингвов (см. ранее).

В плане лексики Н.И. Монаткина выделяет несколько «особенных групп слов», например, *слова с устаревшим значением* (госпиталь (= больница) «пришел наш знакомый священник в госпиталь»); *слова, считающиеся просторечными в СРЯ* (откуда (= откуда): «откуда они деньги берут?»); *слова, ушедшие из советской действительности* (гувернантка, гимназия). Эти группы по понятным причинам свойственны исключительно эмигрантской речи. Однако другие группы слов характерны и для детской речи: *слова СРЯ, значение которых калькировано с их французских соответствий* (радио (рентген (ография)): «мне будут делать радио»); *словотворчество* («здесь был мой дантистический кабинет»). Ранее мы указывали примеры калькирования слов и выражений, встречающихся в детской речи.

Таким образом, мы видим, что в речи взрослых билингвов и детей с доминантным двуязычием прослеживаются схожие тенденции в грамматической организации речи. Естественно, что и взрослые, и дети допускают ошибки, овладевая языковой системой. В целом языковые ошибки можно разделить на две группы — межъязыковые (интерференционные) и внутриязыковые (характерные для иностранцев, овладевающих русским языком, а также встречающиеся в речи русских детей-монолингвов) [Залевская, Медведьева, 2002: 57]. При этом, как отмечает Т.А. Круглякова, иногда бывает трудно провести границу между двумя типами ошибок [Круглякова, 2011: 192].

В нашем материале встречаются и ошибки, не отмеченные у взрослых билингвов²³. К ним относятся: образование множественного числа по аналогии, употребление множественного числа вместо единственного, ошибки с вспомогательными глаголами в сложных временах. Следует отметить, что для детей-монолингвов такого рода ошибки характерны на ранних этапах становления речи, тогда как у детей-билингвов они могут держаться существенно дольше [Чиршева, 2012: 270–271].

При этом дети-билингвы с доминантным французским языком в большинстве верно выбирают правильный вид русского глагола, в то время как взрослые билингвы испытывают с ним затруднения. Этот факт может иметь несколько объяснений. С одной стороны, можно предположить, что дети-билингвы запоминают готовые формы из речи взрослых, которые затем воспроизводят. Однако наряду с этим также к регуляризации в образовании грамматических форм [Лепская, 1997: 61]. Стивен Пинкер, рассуждая над вопросом усвоения языка ребенком, приводит убедительные доказательства того, что дети не просто воспроизводят конструкции, услышанные от взрослых, но создают сами творческие языковые инновации [Пинкер, 2016: 52–53]. Иначе говоря, имитация в речевом становлении

²³ По-видимому, такие ошибки могут встречаться у начинающих взрослых.

ребенка играет определенную роль, но это далеко не единственная и, наверное, не основная речевая стратегия ребенка.

С другой стороны, возможно также, что, подобно носителям языка, дети-билингвы интуитивно чувствуют, какой вид глагола нужно использовать в конкретном случае. По замечанию А.Н. Гвоздева, в речи детей-монолингвов практически отсутствуют нарушения в выборе видовых форм, а в речи иностранцев являются «очень стойкими» [Гвоздев, 2007: 425]. Правда, это кажется удивительным в свете того, что в некоторых других случаях дети-билингвы не проявляют «языковое чутье».

Наконец, отсутствие ошибок на вид глагола у детей-билингвов может быть также обусловлено ограниченностью собранного нами материала. Полученные результаты должны быть проверены на большем корпусе.

В плане лексических сдвигов также наблюдаются общие черты у детей и взрослых, за исключением специфических групп слов, присущих взрослым носителям языка, владеющим несколькими его диахроническими пластами.

Таким образом, нами были выявлены некоторые сходства и различия детской и взрослой русско-французской билингвальной речи. По замечанию М.Д. Воейковой, «крошечные достижения отдельных исследователей» позволяют постепенно создать концепцию, складывающую все разрозненные факты в «единую картину» [Воейкова, 2011: 30]. Результаты, полученные в нашем исследовании, иллюстрируют особенности речи билингвов различного типа и открывают перспективу для дальнейшего изучения этого явления.

Список литературы

1. *Бойкова С.Е.* Опыт сопоставления детской и взрослой билингвальной речи на примере французского и русского языков // Проблемы онтолингвистики — 2018: Материалы ежегодной Международной научной конференции. 20–23 марта 2018, Санкт-Петербург / Отв. Ред. Т.А. Круглякова. Иваново, 2018. С. 54–59.
2. *Воейкова М.Д.* Усвоение первого и второго языка // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. Сб. статей / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М., 2011. С. 11–32.
3. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983.
4. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М., 2004.
5. *Голубева-Монаткина Н.И.* Русская эмигрантская речь во Франции конца 20 века: Тексты и комментарии. М., 2004.
6. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. М., 1948–1949; 1961; СПб, 2007.

7. *Круглякова Т.А.* Конструирование системы русских притяжательных местоимений детьми-билингвами с первым романским языком // *Путь в язык: Одноязычие и двуязычие: Сб. статей / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева.* М., 2011. С. 191–202.
8. *Лепская Н.И.* Язык ребенка. Онтогенез речевой коммуникации. М., 1997.
9. *Пинкер С.* Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу. М., 2016.
10. *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
11. *Чиршева Г.Н.* Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб, 2012.
12. *Alexandrova T.* Influences translinguistiques dans les productions de quasi-bilingues russes/français. Thèse du doctorat en linguistique. Université Paris 8. Paris, 2012.
13. Dictionnaire “*Trésor de la langue française*”. [Electronic resource] URL: <http://www.cnrtl.fr>
14. *Grosjean F.* Parler plusieurs langues: Le monde des bilingues. Paris, 2015.
15. *Hagège Cl.* L'enfant aux deux langues. Paris, 1996.
16. *Hamers J., Blanc M.* Bilinguality and Bilingualism / Trans. from French. Cambridge, 1989.
17. *Kihlstedt M.* La route vers le bilinguisme: étapes et contextes. Études comparatives de l'acquisition du français entre adultes dits avancés et enfants bilingues (suédois-français). Linguistique. Université Paris Ouest Nanterre-La Défense, 2013.
18. *Kroll J.F., Bialystok E.* Understanding the Consequences of Bilingualism for Language Processing and Cognition // *Journal of Cognitive Psychology.* 2013. Vol. 25 (5). P. 497–514.

Stella Boykova

RUSSIAN AND FRENCH BILINGUALISM IN CHILDREN AND ADULTS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper makes comparisons between bilingual discourses of Russian and French children and adults, seeking to identify similarities and differences. The research focuses on samples of speech of Russian and French bilingual children collected by N. Golubeva-Monatkina, samples of quasi-bilingual adult speech collected by T. Alexandrova, and samples of child Russian-French bilingual speech collected by the authors of this paper as the base for research. In this paper we accept F. Grosjean's definition of bilingualism as routine use of two or more

languages in communication. We propose a research method which presupposes analysing bilingual children's and adults' speech in each of the two languages separately. The paper provides a detailed review of children's speech and the speech collection method, and describes common features of the linguistic portraits of the respondents in terms of Hamers and Blanc. The respondents were grouped by their predominant language (Russian or French) and then, the groups' discourses were analysed in terms of speech features (grammar, vocabulary, syntax, phonology). Children's French is contrasted with adults' quasi-bilingual speech; children's Russian speech is compared with Russian adult emigrants' speech. The results obtained confirm the main features of children's bilingual speech.

Key words: bilingualism; child language; adult bilingual language; interlingual interference; linguistic competence.

About the author: *Stella Boykova* — PhD Student, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lecturer in French, Department of Medialinguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (e-mail: boykova_stella@rambler.ru).

References

1. Boykova S.E. *Opy't sopostavleniya detskoj I vzosloj bilingvalnoj retchi na primere francuzskogo I russkogo yazy'kov*. [The comparative experiment of child and adult bilingual speech in Russian and French languages] *Problemy' ontolingvistiki — 2018. Materialy' ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferenczii, Sankt-Peterburg*. [Problems of ontolinguistics — 2018. Reports of annual international scientific conference, St Petersburg] Ivanovo, Listos Publ., 2018, pp. 54–59. (In Russ.)
2. Gak V.G. *Sravnitel'naya tipologiya francuzskogo i russkogo yazykov*. [Russian-French comparative typology] Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1983, 287 p. (In Russ.)
3. Gak V.G. *Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazy'ka*. [Theoretical grammar of the French language] Moscow, Dobrosvet Publ., 2004. 862 p. (In Russ.)
4. Golubeva-Monatkina N.I. *Russkaya emigrantskaya rech vo Francii konca 20 veka. Texty' I komentarii*. [Russian emigrant speech in France in 20th century. Texts and comments] Moscow, URSSPubl., 2004, 480 p. (In Russ.)
5. Gvozdev A.N. *Voprosy' izucheniya detskoj rechi* [Child language research questions]. Moscow, 1948–1949. Moscow, 1961; S-Petersburg, 2007. (In Russ.)
6. Kruglyakova T.A. *Konstruirovaniye sistemy russkix pritiateljnyx mestoimenij det'mi — bilngvami s pervy'm romanskim yazy'kom*. [Construction of the system of Russian adjectives pronouns by bilingual children with native roman language] *Put' v yazy'k: odnoyazy'chie I dvuyazy'chije. Sbornik statej*. [A path to language: monolingualism and bilingualism. Collected papers] Executive editors: Zeitlin S.N., Eliseeva M.B. Moscow, 2011, pp. 191–202. (In Russ.)

7. Lepsкая N.I. *Yazy'k rebyonka. Ontogenez rechevoj kommunikacii*. [Child's language. Ontogenesis of speech communication] Moscow, MSU Publ., 1997, 52 p. (In Russ.)
8. Pinker S. *Substancia my'shleniya: yazyk kak okno v chelovecheskuyu prirodu*. [The Stuff of Thought: Language as a window onto human nature] Moscow, URSS Publ., 2016, 560 p. (In Russ.)
9. Tchirsheva G.N. *Detskij bilingvism: odnovremennoe usvoenie dvux yazy'kov*. [Childhood bilingualism: the simultaneous acquisition of two languages] St-Petersburg, Zlatoust Publ., 2012, 488 p. (In Russ.)
10. Voieykova M.D. *Usvoeniye pervogo i vtorogo yazy'ka. Put' v yazy'k: odnoyazy'chie I dvuyazy'chie. Sbornik statej*. [The first and second language acquisition. A path to language: monolingualism and bilingualism. Collected papers] Executive editors: Zeitlin S.N., Eliseeva M.B. Moscow, 2011, pp. 11–32. (In Russ.)
11. Zeitlin S.N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu I formoobrazovaniyu v detskoj rechi*. [Essays on word formation and on morphogenesis in child speech] Moscow, Znak, 2009, 592 p. (In Russ.)
12. Alexandrova T. *Influences translinguistiques dans les productions de quasi-bilingues russes/français. Thèse du doctorat en linguistique*. Université Paris 8, Paris, 2012.
13. Dictionnaire “*Trésor de la langue française*”. [Electronic resource] URL: <http://www.cnrtl.fr>
14. Grosjean F. *Parler plusieurs langues: Le monde des bilingues*. Paris: Albin Michel, 2015.
15. Hagège Cl. *L'enfant aux deux langues*. Paris: Poches Odile Jacob, 1996.
16. Hamers J., Blanc M. *Bilinguality and Bilingualism*. Trans. from French. Cambridge, 1989.
17. Kihlstedt M. *La route vers le bilinguisme: étapes et contextes. Études comparatives de l'acquisition du français entre adultes dits avancés et enfants bilingues (suédois-français)*. Linguistique. Université Paris Ouest Nanterre-La Défense, 2013.
18. Kroll J.F., Bialystok E. *Understanding the Consequences of Bilingualism for Language Processing and Cognition*. *Journal of Cognitive Psychology*. 2013, Vol. 25 (5), pp. 497–514.

Rodmonga Potapova, Vsevolod Potapov

**SOME ELABORATION METHODS FOR WRITTEN
AND SPOKEN MULTILINGUAL DATABASES¹**

*Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka, Moscow, 119034*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper presents some elaboration methods for written language databases (WLDBs) and spoken language databases (SLDRs) in Russia. The paper is focused upon an area that can be referred to the development of written and spoken databases from the historical point of view with regard to new trends of techniques, themes and methods of investigation and annotation. For written language databases (WLDBs) the terminology of written text data is investigated for the Russian and English languages in the field of modern nanotechnologies. For multilingual spoken language databases (SLDBs) the authors intend to explore the application of the acoustic methods of segmentation and transcription of the speech flow. The verbal inventory of WLDBs and SLDBs includes information item s connected with Russian and English for WLDBs and for the first time some other languages of the former USSR (for SLDBs) with regard to using these databases for cloud storage technology.

Key words: written language databases (WLDB); spoken language databases (SLDB); terminology databases; nanotechnology; cloud technology.

Introduction

Written and spoken language databases (WLDBs and SLDBs, respectively) are a versatile many-sided field of applied, experimental, and mathematical linguistics, which is the resource base for creation of data arrays, collections, and bases using natural language texts. Nowadays WLDBs and SLDBs determine the development of such important areas as: recognition and understanding of texts in automated and control systems; creation of automated systems for conversion of written texts into spoken

Rodmonga Potapova — Prof. Dr., Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University (e-mail: RKPotapova@yandex.ru).

Vsevolod Potapov — Prof. Dr., Senior Researcher, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: volikpotapov@gmail.com).

¹ This research is supported by the Russian Science Foundation, Project № 18-18-00477 (head of the research project: Dr. habil., Prof. Rodmonga Potapova).

ones and vice versa; development of terminological dictionaries and computer corpora for various languages and dialects of the world, etc. Thus, WLDBs and SLDBs “serve” a number of branches in the theory and practice of verbal communication on the basis of digital technologies. WLDBs and SLDBs began to form in the second half of the 20th century. During this time, dozens of text data banks were created primarily for English and later for other European languages and language pairs; hundreds of dictionaries were created based on written text corpora. The predominant part of WLDB products of the early stages of its development in Russia covers corpora of written texts.

In Russia, the first experience of creating of a big language corpus was the Computer Fund of the Russian language. The purpose of creation of the *Computer fund of the Russian language* was formation of a representative corpus and sub-corpora of various texts of the modern Russian language, and special software to annotate them [Andryushchenko, 1989; Potapova, Bobrov, 2015]. The Fund currently serves internal tasks of the Russian Language Institute (RLI) of the Russian Academy of Sciences (RAS), such as maintenance of the Russian dialectological atlas; creation of an automatic concordance for texts of Russian folklore, political texts, texts of the Old Russian language of of 11th–17th centuries, etc. Each task requires a separate software package. The structure of the Computer Fund of the Russian language included a representative number of dictionaries [Arefyev, Panchenko, Lukanin, Lesota, Romanov, 2015; The collection “Corpus linguistics in Russia”, 2003]. These projects are focused on the modern standard of Russian with regard to its various genres and styles. The Association “*Russian National Corpus*” was established, which includes a large group of linguists from Moscow, St.-Petersburg, Novosibirsk and other scientific centers of Russia [Arefyev, Panchenko, Lukanin, Lesota, Romanov, 2015; The collection “Corpus linguistics in Russia”, 2003; Melchuk, 1999; Sharov, 2003; Russian National Corpus: www.ruscorpora.ru]. The text corpora (TC) for the above projects are formed with regard to the following annotation parameters: personalities, genre, style, source date, scientific fields, etc.

These WLDBs are provided with special linguistic information: morphological, syntactic, semantic, pragmatic, etc. [Sharov, 2003].

Spoken language databases (SLDB) of Russian with speech resources are being actively developed in Russia since the second part of the 20th century [Krivnova, Zakharov, Strokin, 2001; Potapova, Potapov, Abramov, Khitina, Bobrov, Maslov, 2011]. Creating spoken language databases is today a priority regarding the relevance of the problem of automated speech recognition and understanding, identification and verification of a speaker by voice and speech, *acmeology* profiling of personality and social groups [Bogdanova-Beglarian, Martynenko, Sherstinova, 2015; Bolshakova,

Potapova, Lobanov, 2013; Glavatskin, Platonova, Rogozhina et al., 2015; Krivnova, Zakhrov, Strokin, 2001; Popli, Kumar, 2017; Potapova, 2009; 2011; Potapova, Potapov, 2016; Potapova, Potapov. Rakhimberdiev, 2011], speech synthesis, speech communication, interpretation, etc.

In today's world of rapidly evolving information technologies, when "smart" houses with voice recognition devices have become reality, some "building material" for such systems is needed. Among these "building blocks" are big data in spoken language [Bogdanova-Beglarian, Martynenko, Sherstinova, 2015; Glavatskin, Platonova, Rogozhina et al., 2015; Juzová, Tihelka, Matoušek, 2016; Potapova, 2014; Schuller, 2017; Shirokova, Platonova, Smolina, et al., 2015; Valenta, Šmidl, 2015]. Formation of representative SLDBs is one of the conditions for successful solution of applied problems.

All above mentioned investigations focus first of all on the texts and discourses for Russian and only a part of them on *multilingual* written and spoken verbal material [Potapova, 2009; 2014]. A brief overview of existing WLDBs and SLDBs in Russia is made, which demonstrates the lack of multilingual verbal data available for modern technology applications, e.g. automatic text processing, speech analysis and synthesis, speech and language recognition, speaker verification and identification, the use of cloud services as a new organization of big data infrastructure, etc. [Bolshakova, Potapova, Lobanov, 2013; Potapova, 2011; 2012; 2014; Potapova, Andreyev, Lednov, Rogozhina, Bobrov, 2012; Potapova, Bazhenova, Potapov, Bobrov, 2015; Potapova, Bobrov, 2015; Potapova, Efremenko, 2012; Potapova, Lebedev, Bobrov, 2011; Potapova, Potapov, 2016; Potapova, Potapov, Bobrov, 2011; Potapova, Potapov, Rakhimberdiev, 2011; Potapova, Sharov, Bobrov, 2011; Shevchenko, Pozdeeva, 2017].

Elaboration of Russian — English nanotechnology WLDBs

The present investigation is based on the creation of bilingual WLDBs of terms in the sphere of nanotechnology for English and Russian languages. Using a systematic approach and recycling data a certain amount of terms was extracted from the field of nanotechnology including terms with the prefix 'nano-' [Ahlbom, Bridges, et al., 2007]. The complicated tasks of the elaboration of WLDBs are verbal semantic non-coincidence of linguistic items (semes, words, phrases, sentences, etc.) [Wen, Tan, Wang, Li, Gao, 2013]. The terms were provided with a definition and an example of usage in both languages. The first direction of the study is an attempt to systemize the collected terms by subsumption relations, to suggest a possible way of grouping nanoterms and point out the importance of the lexicographic activity of the kind. The main target is to collect terms with

the prefix ‘nano-’ in Russian and English languages and find some common grounds between this term system and other term systems extensively used in the language of modern science.

The terminology items as a base for WLDBs denote:

- the inventory of technical nano-items which designate a particular subject field (e.g., big-, medicine-, electronic-, chemical- etc. nanotechnology items);
- the linguistic categories and rules for using words and sentences in text;
- the concordances of nano-items in texts and sentences [Glaeser, 1993].

The motivation of this research, was one of the major problems of multilingual automatic text processing: Word Sense Disambiguation. This problem has causal dependence with regard to syntactic analytics and synthetics peculiarities of both languages. Nanoterms and their definitions are analyzed from the linguistic point of view to prove that they correspond to the principles of lexicology. Definitions are grouped according to the determiner used in them. It is also pointed out that the mechanisms of synonymy, homonymy and polysemy hold true within this term system. The Results of the study are presented showing that the majority of terms used in nanotechnology are broadly self-explanatory, and most of the concepts seen at very small dimensions can be described by the existing terminology used at larger scales. The research has the aim to show advantages of bilingual WLDBs of nanoterms and its irreplaceability. During the research some electronic media resources and scientific articles on the topic of nanotechnology both in English and in Russian were studied. Using a combinational approach (combining information from various sources) a certain amount of terms was extracted. The terms were provided with a definition and a contextual example of usage in both languages. It was a matter of great significance that the definitions should be accurate, full and non-contradictory, and examples provided should make the terms more transparent. It was also important to avoid ambiguities. The main result of the study is that the majority of terms used in nanotechnology are broadly *self-explanatory*. Most of the concepts seen at very small dimensions associated with nanotechnology *are not new*, and can be described by the existing terminology used at larger scales. Many of the terms used in the field of nanotechnology are based on *commonly used words* that give a name of a *science* or some *well-known device*, and they do not conflict with the general meaning of such words.

In most cases the nature of a nanoterm is determined by the word that follows and there is no need to change the meaning of any scientific term, such as metre or material just because it is pre-fixed by ‘nano-’.

After studying the given nanoterms it was observed that the definitions either give the same term without the prefix ‘nano-’ (*bomb* for *nanobomb*, *shell* for *nanoshell* etc.), its synonyms (*machine* for *nanorobot*, *weapon* for *nanobomb*) or derivations (*crystalline material* for *nanocrystal*, *optical engineering* for *nanooptics*) as a determiner, or introduce such words as *nanobject*, *nanodevice*, *nanostucture*, *molecular device*, *material*, *science*, *end item*, *development* and so on.

The following linguistic phenomena were found during the research: four terms (*nanobomb*, *nanorobot*, *nanomachine* and *nanobodies*) are polysemantic and have two meanings that usually do not drastically differ from each other; two cases of synonymy were found in the Russian language (*наноробот* — *наномашина*, *наномотор* — *нанодвигатель*). The English language provides more synonyms (e.g. *nanorobot* — *nanobot* — *nanite* — *nanomachine*, *nanoshell* — *core-shell*), which can be explained by the fact that nanotechnology is more popular abroad than in this country; a pair of homonyms (*наномашина* as *nanomachine* vs. *наномашина* as *nanocar*).

After subjecting the given nanoterms to the linguistic analysis regarding their lexicographical description cases of *synonymy*, *polysemy* and *homonymity* were revealed and analyzed. It was observed that the definitions in the field of nanoscience have some typical features that could help to systematize and classify the terms and definitions in the given area. The results demonstrate that for some nanoterms there is a logical explanation of meaning through the conventional meaning of the constituent parts of the term and in some cases a descriptive noun is used to define a term. It also turned out that the language of nanoscience is not devoid of some linguistic phenomena that are usually seen when considering any other semantic field.

The findings mentioned above indicate the advantages of bilingual WLDBs in the field of nanotechnology. It is essential for crossing disciplinary and language boundaries especially in the age of rapidly developing computer- and nanotechnologies. As for the terminology itself, it is broadly self-explanatory. Most of the concepts seen at very small dimensions associated with nanotechnology are not new, and can be described by the existing terminology used at larger scales. So it can be concluded, that in spite of the growing number of nanoterms which can be explained by the growing interest in nanotechnology itself, it is not impossible to structure and systematize the terms within this nascent term system.

This research shows the necessity of creating the nanodatabase and it suggests a number of actions and recommendations that should be discussed and considered: lexical units are to be systemized from the terminological point of view; stylistic labels are to be made; examples of linguistic compatibility are to be pointed; illustrations are to be added. The

term sometimes applies to some microscopic technology. The size scale of nanotechnology yields to quantum-based phenomena, which yields often counterintuitive results. These nanoscale phenomena include quantum size effects and molecular forces such as van der Waals forces. Furthermore, the vastly increased surface-to-volume ratio opens new possibilities in surface science, such as catalysis.

The device density of modern computer components continues to grow exponentially, but fundamental electronic limitations prevent the trend of Moore's law to continue. Current estimates predict ten to fifteen years of continued improvement before economic costs grow exponentially. Nanotechnology is seen as the next logical step for continued advances in computational architecture. The term nanotechnology is often used interchangeably with molecular nanotechnology (also known as "MNT"), a hypothetical advanced form of nanotechnology that is believed to be developed far in the future, although estimates vary. The term nanoscience is used to describe the interdisciplinary field of science devoted to the advancement of nanotechnology. Hereby the research displays the mere need in WLDBs that are now in the process of creation and replenishment.

Among the requirements for the formation of a correct terminological database there is *unambiguity* of terms, the solution to the problem of synonymy, strict definitions, determinancy of conceptions, the presence of term equivalents in other languages and so on. Terminological WLDBs being elaborated at Moscow State Linguistic University may be converted into a specific dictionary for machine translation systems. The necessary attributes of the composition of the dictionary like this are defined. Nanoelectronics are the branch of nanotechnologies, a relatively new science which is for the time being not sufficiently studied. The terminology of nanoelectronics is not yet settled because of the impetuous development of this science.

The special linguistic analysis of terms, e.g. from the field of *nanoelectronics* was carried out. *The first step* of the linguistic analysis was the formation of the so-called *data-conceptual apparatus*. The data-conceptual apparatus of any science with wide branches is formed on the base of terminologies of other directions of human activities. In its turn, the data-conceptual apparatus is closely connected with conceptual condensation of the terminology. The formation of the data-conceptual apparatus allowed determining theoretical or practical fields of nanoelectronics that are acceptable for selecting terms. As a result the terminology became already divided into several large sections and it was convenient to research the terminology within each section. *The second step* of the analysis was based on discovering basic *conceptions* which could be related to the terms. In

fact this is the first procedure towards the orderliness of data in the future database. As for *the third step* of the analysis, a specific classification of conceptions was built. *The fourth step* of the analysis may be regarded as the fundamental one. The *data-terminological system* of terms in the field of nanoelectronics was created [n=10.500]. As a result specific terminological families of words were formed with at least one basic concept. In fact after implementing this procedure the data in the data-base became well-ordered to some extent. At the *fifth step* when the terms became correlated with concepts it became possible to determine the so-called *archisemes*. *Differential semes* which make a term's meaning individual are to be subordinated to archisemes, see fragment of Table 1.

This investigation presents the fragment of the written language database (WLDB) analysis for semantic items (semes) extraction. The “word—to—word” translation regarding technologies texts would be inadequate without the differential semes analysis.

The analyses showed that the number and character of differential semes depended upon the number of extra words in a term which make it complex. Analyzing differential semes it was also possible to make the classification of terms, deriving common terms and complex specific terms. One of the tasks was to find the same differential semes in the definitions of terms to make the data in the data-base still more well-ordered and organized.

Table 1

Extraction of the linguistic differential semes for Russian and English and definition of common ones

Russian definition terms	English definition terms
НАНОАНТЕННА — УСТРОЙСТВО В ЭЛЕКТРОНИКЕ , представляющее собой нанометровые спирали, принимающие и отправляющие электромагнитные волны	NANOANTENNA — A DEVICE IN ELECTRONICS presenting nanometer helices sending and transmitting electromagnetic waves
АРМАТУРА — УСТРОЙСТВО В ЭЛЕКТРОТЕХНИКЕ , представляющее собой один из двух основных электрических компонентов электро-механического механизма — двигатель или генератор	FITTING — A DEVICE IN ELECTRICAL ENGINEERING , which is one of the two principal electrical components of an electromechanical machine — a motor or generator
АТОМНО-СИЛОВОЙ МИКРОСКОП — УСТРОЙСТВО В МОЛЕКУЛЯРНОЙ И АТОМНОЙ ФИЗИКЕ , представляющее собой сканирующий зондовый микроскоп высокого разрешения, измеряющегося в нанометрах, действие которого основано на возникновении Ван-дер-Ваальсовых сил при взаимодействии иглы зонда с поверхностью исследуемого образца	ATOMIC-FORCE MICROSCOPE — A DEVICE IN MOLECULAR AND ATOMIC PHYSICS , which is a very high-resolution type of scanning probe microscope, the resolution being measured in nanometers, the force of which is based upon the appearance of Van-der-Waals forces by the interaction between the probe needle and the surface of a researched pattern

Russian definition terms	English definition terms
НАНОСЕНСОР — НАНОУСТРОЙСТВО, представляющее собой двумерный фотонный кристалл и используемое для исследования наночастиц, а также способное детектировать отдельные вирусы	NANOSENSOR — A NANODEVICE, which is a two-dimensional photonic crystal used for the research of nanoparticles and for the detection of certain viruses
НАНОРЕПЛИКАТОР — НАНОУСТРОЙСТВО, представляющее собой молекулярный ассемблер, который из атомов окружающей среды собирает молекулы, размещающиеся так, чтобы образовалась определенная вещь	NANOREPLICATOR — A NANODEVICE presenting a molecular assembler constructing molecules from atoms of the environment, these molecules being arranged to form a certain object
НАНОТРАНЗИСТОР — ПОЛУПРОВОДНИКОВОЕ НАНОУСТРОЙСТВО переключения электрических сигналов или усилитель	NANOTRANSISTOR — A SEMI-CONDUCTING NANODEVICE that acts as an electronic signal switch or amplifier
АТОМНО-СИЛОВАЯ МИКРОСКОПИЯ — СОВОКУПНОСТЬ МЕТОДОВ изучения объектов с использованием микроскопа, основанное на возникновении Ван-дер-Ваальсовой силы притяжения между атомами, образующими острие, и атомами, расположенными на поверхности образца, к которому подводится зонд на расстоянии в несколько ангстрем	ATOMIC FORCE MICROSCOPY — A TECHNOLOGY of the research of objects with the usage of a microscope, based on the appearance of Van der Waals forces between atoms, which form an edge, and atoms, which are located on the surface of a pattern, to which a probe is brought at a distance of several angstroms
АДРОН — ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЧАСТИЦА, подверженная сильному воздействию со стороны другой такой частицы и не являющаяся истинно элементарной	HADRON — AN ELEMENTARY PARTICLE, which is subjected to a strong influence from another similar particle and which is not truly elementary
АНИОН — ОДНОАТОМНАЯ ИЛИ МНОГОАТОМНАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКИ ЗАРЯЖЕННАЯ ЧАСТИЦА, представляющая собой отрицательно заряженный ион, образующийся, когда атом приобретает электроны в результате реакции	ANION — A MONOATOMIC OR POLYATOMIC ELECTRICALLY CHARGED PARTICLE presenting a negatively charged ion formed when an atom obtains electrons in a reaction
АТОМ — МИКРОСКОПИЧЕСКАЯ ЭЛЕКТРОНЕЙТРАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА, представляющая собой наименьшую часть химического элемента, являющаяся носителем его свойств и состоящая из атомного ядра и окружающего его электронного облака, которое в свою очередь состоит из отрицательно заряженных электронов, тогда как ядро состоит из положительно заряженных протонов и электрически нейтральных нейтронов	ATOM — A MICROSCOPIC UNCHARGED PARTICLE, which is the smallest unit of a chemical element, which retains the chemical properties of this element and consists of an atomic nucleus and an electron cloud, which in its turn includes negatively charged electrons, while the nucleus includes positively charged protons and electrically neutral neutrons

Russian definition terms	English definition terms
ВАН-ДЕР-ВААЛЬСОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ — ФИЗИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ возникновения притягивающих или отталкивающих сил взаимодействия между молекулами (или между частями одной и той же молекулы), определяющие формирование пространственной структуры биологических макромолекул и отличные от тех, которые возникают благодаря ковалентным связям или электростатическому взаимодействию между ионами	VAN DER WAALS FORCES — A PHYSICAL EFFECT of the appearance of the attractive or repulsive forces between molecules (or between parts of the same molecule), determining the formation of a space structure of biological macromolecules and being other than those due to covalent bonds or to the electrostatic interaction between ions
ТУННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ — ЯВЛЕНИЕ КВАНТОВОЙ ПРИРОДЫ, при котором происходит преодоление микрочастицей потенциального барьера в случае, когда её полная энергия меньше высоты барьера	TUNNEL EFFECT — A QUANTUM EFFECT, where micro particle surmounts a potential barrier, when its full energy is less than the barrier height

A special stage of the analysis was the construction of consistent *Russian and English definitions* of each term regarding all possible contacts. That was done on the base of either common semantic information of both Russian and English definitions or through joining different semantic elements from definitions in the two languages.

To summarize the methods of the research the whole analysis may be displayed as a succession of the following procedures: formation of the data-conceptual apparatus; discovery of concepts connected with terms; formation of the classification within the system of concepts; formation of the data-terminological system; determination of archisemes and finding or formation of the same differential semes; formation of consistent definitions. This investigation reflects the width of data material regarding two languages, term and seme systems including terminology for pre- and post-editing tasks of machine translation.

Versatile SLDBs (Spoken Language Databases) is one of the priority trends of the modern speechology

The majority of automated systems constructed today for working with spoken language (speech) databases in some way. In particular, SLDBs are used where probabilistic and statistical methods are applied for speech signals analysis and synthesis. First of all, the following should be mentioned: automatic systems for speech recognition and synthesis; identification and verification of a speaker by voice and speech; identification of psychophysical and emotional state of a speaker by their speech; training systems, screening speech tests, etc. [Juzová, Tihelka,

Matoušek, 2016; Krivnova, Zakharov, Strokin, 2001; Popli, Kumar, 2017; Potapova, 2009; 2011].

SLDBs form the basis of automated systems that are designed to: collect and store speech messages in their spoken form; search and output recorded speech messages on request (e.g., automated systems for receiving speech messages in call centers, and systems for testing communication channels) [Potapova, 2014; Potapova, Efremenko, 2012; Potapova, Potapov, Abramov, Khitina, Bobrov, Maslov, 2011].

The first SLDB appeared in the second part of the 20th century in the USA, where their development was funded primarily by the Ministry of Defense. With the support of the Ministry, the following corpora were created: TI-DIGITS corpus to test the systems for recording isolated digits and digit sequences; Road Rally for analysis and identification of key words; King Corpus for speaker identification systems, etc. [Potapova, 2009].

The Linguistic Data Consortium (LDC) offers speech corpora which together contain hundreds of hours of spoken language. The Oregon Technology Center (CSLU — Center for Spoken Language Understanding) collects, annotates and distributes telephone speech corpora. The Center activity is supported by industrial sponsors. The collected corpora are available to universities around the world for free. This Center also has a multilingual corpus to assess language identification algorithms, which consists of fragments of spontaneous speech in eleven various languages. In 1995, the European Language Resources Association (ELRA) was established in Europe. This center has SLDB for most official languages of the European Union: for the *British and Scottish variants of English, Dutch, Danish, Swedish, German, French, Italian, Spanish languages*, and several multilingual corpora. Currently, due to implementation of the Copernicus program, ELRA also distributed speech corpora for Eastern European languages (*Polish, Bulgarian, Estonian, Romanian and Hungarian*). On the website of the European Association on the Internet, speech corpora for the Russian language can be found, too [Potapova, 2009].

The *RuSpeech* corpus is a speech database (SLDB), which contains fragments of continuous Russian speech with the corresponding text, phonetic transcription and additional information on speakers. Cognitive Technologies were aiming to create a speaker-independent system for continuous speech recognition. At present, the *RuSpeech* includes more than 50 thousand utterances with phonetic marking of each spoken utterance. To create the corpus, 220 speakers were invited; each uttered 250 sentences in average. The *RuSpeech* contains about 50 hours of continuous speech in the volume of 15 GB recorded on more than 30 CDs, which is more than the volume of similar English speech databases *WSJ Speech* and *TIMIT*. The speech interface consists of a system for dialogue scripts, speech synthesis via text, and a system for recognition of speech

commands [Bogdanova-Beglarian, Martynenko, Sherstinova, 2015; Krivnova, Zakharov, Strokin, 2001; Potapova, 2009; 2011; Potapova, Efremenko, 2012; Potapova, Potapov, Abramov, Khitina, Bobrov, Maslov, 2011].

The Comparison of various acoustic databases makes it possible to formulate some mandatory requirements to a modern phonetic database designed for fundamental and applied researchers. SLDBs for applied researchers, particularly in the area of speech synthesis and recognition, shall provide solutions for the following tasks [Bolshakova, Potapova, Lobanov, 2013; Glavatskin, Platonova, Rogozhina et al., 2015; Popli, Kumar, 2017]:

- **Adding audio standards to SLDBs** — digitized speech records of standard speakers in various speech styles, from spontaneous speech and text read on the basis of speech transcriptions, to reading a list of words. In other words, this SLDB shall include audio material with maximum variation in representation of linguistic units (phonemes and intonation structures) in various conditions of human speech.
- **Adding segment information and detailed phonetic description of included audio standards**, as it is necessary to provide a detailed description of the material: the address of sounds boundaries and intonation units, syllables and word forms, as there are various methods of speech recognition and synthesis in regard to basic units, as well as a detailed phonetic and phonemic transcription.
- **Ensuring efficient SLDB querying to find audio fragments needed by their transcriptional descriptions and attributes specified in the description.**

A phonetician creates “sound-letter” transition rules, and sounds are represented by the special alphabet Sampa (Speech Assessment Methods Phonetic Alphabet). Speech databases created within SpeechDat projects meet the following requirements to: cover phonetically representative words, commands, phrases, numbers, digits, digit sequences, phonetically representative utterances; represent various styles of pronunciation (commands, reading, spontaneous speech, etc.); capture acoustic environment; be suitable for development and training of robust speech recognition systems, etc. implement voice driving of robots; analyze voice and speech signals for forensic purposes [Potapova, Andreyev, Lednov, Lyutova, Bobrov, 2012; Potapova, Andreyev, Lednov, Rogozhina, Bobrov, 2012; Potapova, Bobrov, 2015].

Some examples of SLDBs are given. The task was to form a SLDB of Arabic represented by audio-texts. The primary corpus of the database is represented by fragments of Arabic speech that were to be segmented by native listeners at pre-phrase and phonemic levels depending on the perceptual-auditory specifications of the task. Recordings were made with

the help of the programs Cool Edit 2000 and Real Player Plus 8.0. A big fuzzy data of records of various texts obtained using the material on tapes (digitization conditions: 22050 Hz, 16 bit, mono). The texts included monologues, dialogues, polylogues performed by men and women — native speakers. Other records were news reports taken from various Internet portals. The task of the SLDB for Arabic was to form a phonetic database of Arabic represented by audio-texts. The database was developed under the project “Multi-purpose multilingual corpus linguistics”. The preliminary total volume of the SLDB audio material was 10 GB. 80 speakers’ voices (men and women) were represented, who were Arabic speakers with diverse pronunciation variants. The SLDB included 2,070 pairs of files (audio material/text in spelling and transcription). Audio-files were digitized in WAV format (Microsoft Wave). This representation makes it easy to search and match material, as well as to incorporate information in any automated speech systems, which corresponds to the task of forming a multipurpose SLDB. In some cases compressed audio-files (e.g., WMA-8, FM Radio quality) were used as raw material, which subsequently were also converted to WAV format with the above parameters.

The SLDB for Arabic was formed as follows: the audio-material was repeatedly played in full to listeners — specialists in Arabic, as well as specialists in the field of experimental phonetics; each played audio-file was transcribed using the transcription system adopted in the international information network (SAMPA for Arabic); in the process of the perceptual-auditory analysis and transcription files were used that had been compiled at the first stage of the research containing authentic Arabic material spoken by native speakers (men and women); during the perceptual-auditory analysis some material was sorted out due to the presence of speech signal noise; in parallel with the above mentioned segmentation acoustic segmentation (using CoolEdit 1.0 and Sound Forge 4.5c software) and macro-textual segmentation (using Microsoft Word processor) was performed; the resulting speech segments (© = 2070) were subjected to an additional perceptual-auditory analysis to confirm the accuracy of compliance between the acoustic and macro-textual information within each segment; an SLDB was formed; the segmented material (audio and text files) were recorded on optical media (CD-ROM); all the fragments included in the SLDB were transcribed using the international universal phonetic alphabet SAMPA (Sampa: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/sampa/home.htm>; Sampa: <http://en.wikipedia.org/wiki/SAMPA>) with indication of vowels length [Potapova, Potapov, Bazhenova, 2015].

The transcriptional records also contain some information about the grammatical and morphological structure of words (articles are shown that underwent phonetic assimilation), as this information can be helpful in

the future when using the SLDB in order to study the phonetic variations of Arabic speech. Similar SLDBs were developed for French, Turkish, Lithuanian, Polish, Chechen, and some languages of ethnic minorities of Russia (e.g., [Potapova, Andreyev, Lednov, Lyutova, Bobrov, 2012; Potapova, Andreyev, Lednov, Rogozhina, Bobrov, 2012; Potapova, Lebedev, Bobrov, 2011; Potapova, Potapov, Abramov, Khitina, Bobrov, Maslov, 2011; Potapova, Potapov, Bobrov, 2011; Potapova, Sharov, Bobrov, 2011]).

The Arabic SLDB [Potapova, Lebedev, Bobrov, 2011] was used for development of the research Cloud Technology Stand-alone System [Potapova, Bazhenova, Potapov, Bobrov, 2015; Potapova, Potapov, Bazhenova, 2015]. The Windows Azure platform offers various services of data storage allowing placement of data in a reliable scalable data storage in a cloud, and supports two types of data storage: Windows Azure Storage to store tables, big objects and queues; and SQL Azure as a full-function DB. Using SQL Azure as a base for SLDB formation provides the following essential advantages: simplicity of installation and deployment; no expenses on infrastructure service; instead of licenses for the server or processors, as for MS SQL Server, it is possible to use more flexible options of payment upon actual resources consumption; wide availability, both from any point, and using a wide range of supported technologies; high fault tolerance ensured by triple replication of data; management and recovering within a cloud; flexible scalability; support of a relational data model; interaction between analogy and MS SQL Server, use of T-SQL.

To provide a solution for the problem of replenishment of the integrated relational Spoken Language Big Data (SLBD) with information from hierarchically organized storages, a program was developed that provides conversion of hierarchical SLBDs into integrated relational SLBDs. This program provided solutions for the following problems: to form a hierarchical data model for linguistic information from SLBDs; to add linguistic information for SLBDs in the form of hierarchical structures, using both predetermined structures and the possibility to specify any hierarchical structure using a subset of the xml document representation standard; to convert hierarchically organized SLBDs into relational DBs.

The converting program provides conversion of hierarchically organized data with description of information for SLBDs into a format of SQL language (Structured Query Language) operators. Using hierarchical structures in which information for SLBDs is originally described, it is possible to create a set of SQL operators forming tables of a relational DB (Fig. 1).

Further, after formation of a conceptual data model created by the integrated SLDB, and creation of representative retrieval of tested data, the problem of data configuration appears. The research stand-alone

system was tested by means of Microsoft Windows Azure, and SQL Azure platform will make it possible to test connection of the cloud infrastructure to the local SLDB center.

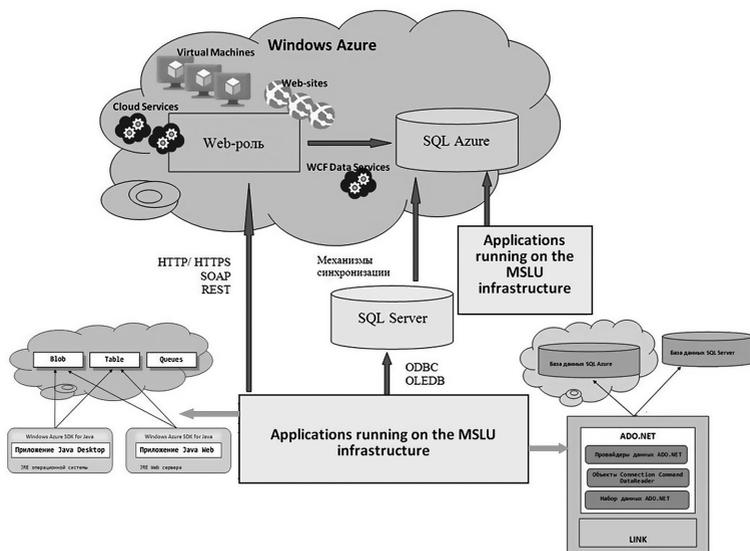

Figure 1. Scheme of the research stand
[Potapova, Bazhenova, Potapov, Bobrov, 2015]

CONCLUSIONS

In conclusion, it should be emphasized that fuzzy language resources are a crucial component in the development and operation of various information systems that implement linguistic functions aimed at natural language processing in its various manifestations (for printed and handwritten texts, and for spoken language).

In the field of corpus linguistics the modern computer technologies accelerate and simplify procedures for linguistic processing of large volumes of texts in their system based on text resources in a certain language in electronic form provided with specific additional information about properties of this linguistic material.

The most part of linguistic information in WLDBs and SLDBs is formed as hierarchical structures.

Linguistic information for WLDBs and SLDBs in the form of hierarchical structures can be created as xml-data and displayed in the form of a tree. The converting program allows to transform hierarchically organized data with the description of information for speech databases to a format

of the SQL language (Structured Query Language) operators. It makes it possible, on the basis of hierarchical structures in which information for speech databases is originally described, to create a set of SQL operators forming tables of a relational database.

This program provides solutions to the following problems: to form hierarchical model of data for linguistic information of written and spoken databases; to add linguistic information for databases in the form of hierarchical structures using predetermined structures, and possibility of a task of any hierarchical structure on the basis of use of a subset of the standard of representation of xml of the document; to make transformation of hierarchical organized speech databases to relational databases.

Our investigations can be planned not only in the domain of multilingual databases, but also in the domain of multimodal polycode (verbal, paraverbal, and non-verbal) ones for structured or weakly structured big databases.

Thus, the analysis of fuzzy big data is a rapidly developing Big Data industry designed both for scientific researches and for solving a number of applied problems.

References

1. Ahlbom, A., Bridges, J. et al. *Opinion on the scientific aspects of the existing and proposed definitions relating to products of nanoscience and nanotechnologies. Opinion adopted by SCENIHR* (Scientific Committee on Emerging and Newly Identified Health Risks) at the 21st plenary. Brussels, 2007.
2. Andryushchenko, V.M. Kontseptsiya i arhitektura mashinnogo fonda russkogo yazyka. [The concept and architecture of the Russian language computer foundation] Moskva: *Nauka*, 1989.
3. Arefyev, N., Panchenko, A., Lukanin, A.V., Lesota, O.O., Romanov, P.V. Evaluating three corpus-based semantic similarity systems for Russian. In: *Dialog* 28. 17. Moscow, 2015.
4. Bogdanova-Beglarian, N., Martynenko, G., Sherstinova, T. The “one day of speech” corpus: phonetic and syntactic studies of everyday spoken Russian. In: Ronzhin, A., Potapova, R., Fakotakis, N. (eds.) *SPECOM 2015*. LNAI 9319. *Springer International Publishing*, 2015, pp. 429–437.
5. Bolshakova, M., Potapova, R., Lobanov, V. *Baza dannyh nemetsko-russkogo intellektual'nogo elektronnoho slovarya po mehatronike i robototekhnike*. [Database of the German-Russian intellectual electronic dictionary on mechatronics and robotics] RIA certificate No 2013620720. Moskva, 2013
6. Glaeser, R. *Linguistic features and genre profiles of scientific English. Leipziger Fachsprachen-Studien 9*. Lang, Frankfurt/Main, 1993.
7. Glavatskin, I., Platonova, T., Rogozhina, V. et al. The multi-level approach to speech corpora annotation for automatic speech recognition.

- In: *Ronzhin, A., Potapova, R., Fakotakis N. (eds.) SPECOM 2015*. LNAI 9319. Springer International Publishing, 2015, pp. 438–445.
8. Juzová, M., Tihelka, D., Matoušek, J. Designing high-coverage multi-level text corpus for non-professional-voice conservation. In: *Ronzhin, A., Potapova, R., Nemeth G. (eds.) SPECOM 2016*. LNAI 9811 Springer International Publishing, 2016, pp. 207–215.
 9. Korpusnaya lingvistika v Rossii [Corpus linguistics in Russia] (compiled by E.V. Rahlilina, S.A. Sharov). *Scientific and Technical Information, ser. 2: Information Processes and Systems*, N 5–6. Moskva, 2003.
 10. Krivnova, O.F., Zakharov, L.M., Strokin, T.S. Rechevye korpusy (opyt razrabotki i ispol'zovanie) [Speech corpora (elaboration experience and applications)]. / *Dialog-2001*. <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/krivnova/Moskva, 2001>.
 11. Melchuk, I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelej. Smysl-tekst: semantika, sintaksis*. [Experience of the linguistic modeling theory. Sense-text: semantics, syntax] Moskva, 1999.
 12. Popli, A., Kumar, A. Multimodal keyword search for multilingual and mixlingual speech corpus. In: Karpov, A., Potapova, R., Mporas, I. (eds.) *SPECOM 2017*. LNAI 10458. *Springer International Publishing*, 2017, pp. 535–545.
 13. Potapova, R. Multilingual spoken language databases in Russia. In: Potapova, R., Ronzhin, A. (eds.). *Speech and computer 2011*, Kazan, 2011, pp. 13–17.
 14. Potapova, R. Osnovnye tendentsii razvitiya mnogoyazychnoj korpusnoj lingvistiki. [The main trends in the development of multilingual corpus linguistics] *Speech technology*, 2–3, 92–114, 93–112. Moskva, 2009.
 15. Potapova, R. Phonetische Datenbasen als Grundlage der modernen Sprechtechnologien. In: Bose, I., Neuber, B. (Hg.) *Sprechwissenschaft: Bestand, Prognose, Perspektive*, vol. 51. Lang, Frankfurt/Main, 2014, pp. 191–198.
 16. Potapova, R., Andreyev, M., Lednov, D., Lyutova, D., Bobrov, N. *Transkribovannaya rechevaya baza dannyh dlya pol'skogo yazyka*. [Transcribed speech database for the Polish language] Authorship certificate No. 2012620697. Moskva, 2012.
 17. Potapova, R., Andreyev, M., Lednov, D., Rogozhina, V., Bobrov, N. *Transkribovannaya rechevaya baza dannyh dlya pol'skogo yazyka*. [Transcribed speech database for the Lithuanian language]. Authorship certificate No. 2012620696. Moskva, 2012.
 18. Potapova, R., Bazhenova, I., Potapov, V., Bobrov, N. *Programma-konverter ierarhicheskikh rechevykh baz dannyh v relyatsionnye integrirovannye rechevye bazy dannyh*. [Program-converter of hierarchical speech databases into relational integrated speech databases] Authorship certificate No. 2015611362. Moskva, 2015.
 19. Potapova, R., Bobrov, N. Versatile linguistic database annotation: practical issues and a new flexible approach. In: Fakotakis, N., Ronzhin, A., Potapova, R. (eds.). *Speech and Computer 2015*. Proceedings, vol. II. Patras, 2015, pp. 45–53.

20. Potapova, R., Efremenko, N. *Terminologicheskaya baza dannyh po rechevedeniyu (nemetsko-russkie sootvetstviya)* [Terminology database on speech studies (German-Russian equivalents). Authorship certificate No. 2012620716. Moskva, 2012.
21. Potapova, R., Lebedev, V., Bobrov, N. *Transkribovannaya rechevaya baza dannyh dlya arabskogo yazyka*. [Transcribed speech database for the Arabic language] Authorship certificate No. 2011620788. Moskva, 2011.
22. Potapova, R., Potapov, V. Polybasic attribution of social network discourse. In: Ronzhin, A., Potapova, R., Németh, G. (eds.). *SPECOM 2016*. LNAI 9811. Springer International Publishing, 2016, pp. 539–546.
23. Potapova, R., Potapov, V., Abramov, Yu., Khitina, M., Bobrov, N., Maslov, A. *Ustno-rechevaya baza dannyh dlya russkogo yazyka*. [Spoken language database for Russian] Authorship certificate No. 2011620790. Moskva, 2011.
24. Potapova, R., Potapov, V., Bazhenova, I. Development of the research cloud technology stand-alone system (regarding integrated speech databases). In: Fakotakis N., Ronzhin A., Potapova R. (eds.). *Speech and Computer 2015*. Proceedings, vol. II., pp. 1–7. Patras, 2015.
25. Potapova, R., Potapov, V., Bobrov, N. *Transkribovannaya rechevaya baza dannyh dlya chechenskogo yazyka*. [Transcribed speech database for the Chechen language] Authorship certificate No. 2011620787. Moskva, 2011.
26. Potapova, R., Potapov, V., Rakhimberdiev, B. *Baza dannyh, prednaznachenaya dlya diagnostiki fizicheskogo i emotsional'nogo sostoyaniya cheloveka s uchetom rechevyyh i golosovyh karakteristik*. [Database designed to diagnose the physical and emotional state of a person with regard to speech and voice characteristics] Authorship certificate No. 2011620789. Moskva, 2011.
27. Potapova, R., Sharov, M., Bobrov, N. *Transkribovannaya rechevaya baza dannyh dlya turetskogo yazyka*. [Transcribed speech database for Turkish]. Authorship certificate No. 2011620786. Moskva, 2011.
28. Russian National Corpus: www.ruscorpora.ru
29. Sampa: <http://en.wikipedia.org/wiki/SAMPA>
30. Sampa: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/sampa/home.htm>
31. Schuller, B.W. Big data, deep learning — at the edge of X-ray speaker analysis. In: Karpov, A., Potapova, R., Mporas, I. (eds.) *SPECOM 2017*. LNAI 10458. Springer International Publishing, 2017, pp. 20–34.
32. Sharov, S.A. Predstavitel'nyj korpus russkogo yazyka v kontekste mirovogo opyta. [Representative Russian language corpus in the context of worldwide experience] *Nauchno-tehnicheskaja informatsiya [The Journal of Scientific and Technical Information]*, ser. 2: *Information Processes and Systems*, 6. Moskva, 2003, pp. 9–17.
33. Shevchenko, T., Pozdeeva, D. Canadian English word stress: a corpora-based study of national identity in a multilingual community. In: Karpov, A., Potapova, R., Mporas, I. (eds.) *SPECOM 2017*. LNAI 10458. Springer International Publishing, 2017, pp. 221–232.

34. Shirokova, A., Platonova, T., Smolina, A., et al. Russian corpora for speech technology applications: purposes and tools for build-up. In: Fakotakis N., Ronzhin A., Potapova R. (eds.). *Speech and Computer 2015*. Proceedings, vol. II. Patras, 2015, pp. 63–70.
35. Valenta, T., Šmidl, L. WebTransc — a www interface for speech corpora Production and processing. In: Ronzhin, A., Potapova, R., Fakotakis, N. (eds.) *SPECOM 2015*. LNAI, vol. 9319. Springer International Publishing, 2015, pp. 487–494.
36. Wen, K., Tan, S., Wang, J., Li, R., Gao, Y. *A model dased transformation paradigm for cross-language collaborations*. Adv. Eng. Inform. 27 (1), 2013, pp. 27–37.

Р.К. Потапова, В.В. Потапов

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ РАЗРАБОТКИ МНОГОЯЗЫЧНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ²

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный лингвистический университет
119034, Москва, ул. Остоженка, 38*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье освещены некоторые методы разработки лингвистических баз данных применительно к устной и письменной речи, развиваемые исследовательскими коллективами в России. Рассматриваемая проблемная область представлена как в историческом ракурсе, так и с позиции современных тенденций развития исследовательских методов и методик аннотирования. Формирование письменно-речевых баз данных рассмотрено на примере исследования русско-английских терминологических соответствий в области современных нанотехнологий. Применительно к многоязычным устно-речевым базам данных авторы рассматривают акустические методы автоматизированной сегментации и транскрибирования речевого потока. Вербальный контент письменно-речевых и устно-речевых баз данных включает единицы русского и английского языков, а также (в части устно-речевых баз данных) некоторых языков стран бывшего СССР применительно к задаче интеграции упомянутых баз данных с современными облачными технологиями.

Ключевые слова: лингвистические базы данных; устно-речевые базы данных; терминологические базы данных; нанотехнологии; облачные технологии.

² Исследование проводится при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00477 (научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Р.К. Потапова).

Сведения об авторах: *Потапова Родмонга Кондратьевна* — доктор филологических наук, профессор, директор Института прикладной и математической лингвистики ФГБОУ ВО МГЛУ (e-mail: RKPotapova@yandex.ru); *Потапов Всеволод Викторович* — доктор филологических наук, старший научный сотрудник филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: volikpotapov@gmail.com).

Список литературы

1. *Большакова М., Потапова Р., Лобанов В.* База данных немецко-русского интеллектуального электронного словаря по мехатронике и робототехнике. Свидетельство о регистрации РИД № 2013620720. М., 2013.
2. Концепция и архитектура машинного фонда русского языка / В.М. Андрищенко; Отв. ред. А.П. Ершов; АН СССР, Ин-т рус. яз. М., 1989.
3. Корпусная лингвистика в России (сост. Рахилина Е.В., Шаров С.А.). Сб. научных трудов / Научно-техническая информация, серия 2: Информационные процессы и системы. № 5–6. М., 2003.
4. *Кривнова О.Ф., Захаров Л.М., Строкин Т.С.* Речевые корпуса (опыт разработки и использование) / Диалог-2001. М., 2001.
5. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей. Смысл-текст: семантика, синтаксис. М., 1999.
6. *Потапова Р.К.* основные тенденции развития многоязычной корпусной лингвистики // Речевые технологии, № 2–3, 92–114, 93–112. М., 2009.
7. *Потапова Р.К., Андреев М.Ю., Леднов Д.А., Лютова Д.А., Бобров Н.В.* Транскрибированная речевая база данных для польского языка. Свидетельство о регистрации РИД № 2012620697. М., 2012.
8. *Потапова Р.К., Андреев М.Ю., Леднов Д.А., Рогожина В.С., Бобров Н.В.* Транскрибированная речевая база данных для литовского языка. Свидетельство о регистрации РИД № 2012620696. М., 2012.
9. *Потапова Р.К., Баженова И.Ю., Потапов В.В., Бобров Н.В.* Программа конвертер иерархических речевых баз данных в реляционные интегрированные речевые базы данных. Свидетельство о регистрации РИД № 2015611362. М., 2015.
10. *Потапова Р.К., Ефременко Н.В.* Терминологическая база данных по речеведению (немецко-русские соответствия). Свидетельство о регистрации РИД № 2012620716. М., 2012.
11. *Потапова Р.К., Лебедев В.Г., Бобров Н.В.* Транскрибированная речевая база данных для арабского языка. Свидетельство о регистрации РИД № 2011620788. М., 2011.
12. *Потапова Р.К., Потапов В.В., Абрамов Ю.В., Хитина М.В., Бобров Н.В., Маслов А.В.* Устно-речевая база данных для русского языка. Свидетельство о регистрации РИД № 2011620790. М., 2011.

13. *Потапова Р.К., Потапов В.В., Бобров Н.В.* Транскрибированная речевая база данных для чеченского языка. Свидетельство о регистрации РИД № 2011620787. М., 2011.
14. *Потапова Р.К., Потапов В.В., Рахимбердиев Б.Н.* База данных, предназначенная для диагностики физического и эмоционального состояния человека с учетом речевых и голосовых характеристик. Свидетельство о регистрации РИД № 2011620789. М., 2011.
15. *Потапова Р.К., Шаров М.С., Бобров Н.В.* Транскрибированная речевая база данных для турецкого языка. Свидетельство о регистрации РИД № 2011620786. М., 2011.
16. *Шаров С.А.* Представительный корпус русского языка в контексте мирового опыта // НТИ, Сер. 2. 2003. № 6. С. 9–17.
17. *Ahlbom, A., Bridges, J. et al.* Opinion on the scientific aspects of the existing and proposed definitions relating to products of nanoscience and nanotechnologies. Opinion adopted by SCENIHR (Scientific Committee on Emerging and Newly Identified Health Risks) at the 21st plenary. Brussels, 2007.
18. *Arefyev, N., Panchenko, A., Lukanin, A.V., Lesota, O.O., Romanov, P.V.* Evaluating three corpus-based semantic similarity systems for Russian. In: *Dialog 28*. 17. Moscow, 2015.
19. *Bogdanova-Beglarian, N., Martynenko, G., Sherstinova, T.* The “one day of speech” corpus: phonetic and syntactic studies of everyday spoken Russian. In: *Ronzhin, A., Potapova, R., Fakotakis, N. (eds.) SPECOM 2015*. LNAI 9319. Springer International Publishing, 2015. P. 429–437.
20. *Glaeser, R.* Linguistic features and genre profiles of scientific English. *Leipziger Fachsprachen-Studien 9*. Lang, Frankfurt/Main, 1993.
21. *Glavatskin, I., Platonova, T., Rogozhina, V. et al.* The multi-level approach to speech corpora annotation for automatic speech recognition. In: *Ronzhin, A., Potapova, R., Fakotakis N. (eds.) SPECOM 2015*. LNAI 9319. Springer International Publishing, 2015. P. 438–445.
22. *Juzová, M., Tihelka, D., Matoušek, J.* Designing high-coverage multi-level text corpus for non-professional-voice conservation. In: *Ronzhin, A., Potapova, R., Nemeth G. (eds.) SPECOM 2016*. LNAI 9811 Springer International Publishing, 2016. P. 207–215.
23. *Popli, A., Kumar, A.* Multimodal keyword search for multilingual and mixlingual speech corpus. In: *Karpov, A., Potapova, R., Mporas, I. (eds.) SPECOM 2017*. LNAI 10458. Springer International Publishing, 2017. P. 535–545.
24. *Potapova, R., Bobrov, N.* Versatile linguistic database annotation: practical issues and a new flexible approach. In: *Fakotakis, N., Ronzhin, A., Potapova, R. (eds.) Speech and Computer 2015*. Proceedings, vol. II. Patras, 2015. P. 45–53.
25. *Potapova, R., Potapov, V., Bazhenova, I.* Development of the research cloud technology stand-alone system (regarding integrated speech databases). In: *Fakotakis N., Ronzhin A., Potapova R. (eds.) Speech and Computer 2015*. Proceedings. Vol. II. P. 1–7. Patras, 2015.

26. *Potapova, R., Potapov, V.* Polybasic attribution of social network discourse. In: Ronzhin, A., Potapova, R., Németh, G. (eds.). *SPECOM 2016*. LNAI 9811. Springer International Publishing, 2016. P. 539–546.
27. *Potapova, R.* Multilingual spoken language databases in Russia. In: Potapova, R., Ronzhin, A. (eds.). *Speech and computer 2011*, Kazan, 2011. P. 13–17.
28. *Potapova, R.* Phonetische Datenbasen als Grundlage der modernen Sprechtechnologien. In: Bose, I., Neuber, B. (Hg.) *Sprechwissenschaft: Bestand, Prognose, Perspective*. Vol. 51. Lang, Frankfurt/Main, 2014. P. 191–198.
29. Russian National Corpus: www.ruscorpora.ru
30. Sampa: <http://en.wikipedia.org/wiki/SAMPA>
31. Sampa: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/sampa/home.htm>
32. *Schuller, B.W.* Big data, deep learning — at the edge of X-ray speaker analysis. In: Karpov, A., Potapova, R., Mporas, I. (eds.) *SPECOM 2017*. LNAI 10458. Springer International Publishing, 2017. P. 20–34.
33. *Shevchenko, T., Pozdeeva, D.* Canadian English word stress: a corpora-based study of national identity in a multilingual community. In: Karpov, A., Potapova, R., Mporas, I. (eds.) *SPECOM 2017*. LNAI 10458. Springer International Publishing, 2017. P. 221–232.
34. *Shirokova, A., Platonova, T., Smolina, A., et al.* Russian corpora for speech technology applications: purposes and tools for build-up. In: Fakotakis N., Ronzhin A., Potapova R. (eds.) *Speech and Computer 2015*. Proceedings, vol. II. Patras, 2015. P. 63–70.
35. *Valenta, T., Šmidl, L.* WebTransc — a www interface for speech corpora Production and processing. In: Ronzhin, A., Potapova, R., Fakotakis, N. (eds.) *SPECOM 2015*. LNAI. Vol. 9319. Springer International Publishing, 2015. P. 487–494.
36. *Wen, K., Tan, S., Wang, J., Li, R., Gao, Y.* A model based transformation paradigm for cross-language collaborations. *Adv. Eng. Inform.* 27 (1), 2013. P. 27–37.

Е.С. Абаева

КОГНИТИВНОЕ ПОЛЕ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ РАБОТЕ С ОТРЫВКАМИ ТЕКСТА С ЮМОРИСТИЧЕСКИМ ЭФФЕКТОМ

*Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
г. Москвы «Московский городской педагогический университет»
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1*

В статье рассматривается частная проблематика переводческой деятельности при работе с художественным текстом, а именно с отрывками текста, потенциально обладающими юмористическим эффектом; поднимается вопрос о практическом применении знаний, доступных благодаря современной когнитивной науке. Автор с опорой на данные когнитивной лингвистики приводит наблюдения относительно уровня мышления переводчика, представляя значимую для перекодирования информацию в схематичном виде. Предпринимается попытка очертить информационное когнитивное поле, в рамках которого переводчик принимает решение. В качестве основного механизма продуцирования юмористического эффекта принимается семантическая теория Виктора Раскина, нашедшая свое дальнейшее развитие в Общей теории вербального юмора (С. Аггардо); используются соответствующие термины триггер и скрипт. Не ставя под сомнение возможную субъективность трактовок художественного текста, автор приводит пример когнитивного анализа отрывка с юмористическим эффектом на языке оригинала и перевода. Материалом послужил отрывок с юмористическим эффектом из произведения Д. Адамса “Dirk Gently’s Holistic Detective Agency” и два варианта его перевода. Предполагается, что при передаче юмористического эффекта происходит заполнение ячеек, строящих скрипты, которые впоследствии обязательно должны столкнуться в сознании представителя языка перевода. Схематичное изображение позволяет уточнить наполнение ячеек и проследить ход мысли переводчика. Помимо этого подобная актуализация позволяет уточнить или проанализировать вероятность наличия юмористического эффекта в тексте перевода. В качестве общей переводческой стратегии постулируется сохранение основной антонимической пары, реализующей столкновение скриптов, дальнейшее эквивалентное заполнение ячеек необходимо рассматривать в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: юмористический эффект; перевод; когнитивистика; общая теория вербального юмора; когнитивное поле.

Абаева Евгения Сергеевна — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (e-mail: abaevaes@bk.ru).

Когнитивные исследования в нашей стране и за рубежом затрагивают целый пласт явлений действительности, описать которые наиболее скрупулезно можно, лишь имея в арсенале разработки, например, в области когнитивной лингвистики: «<...> уже давно полагали, что язык открывает окно в окружающий нас мир; сегодня правильно полагают, что язык — это окно в духовный мир человека, в его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов, и этот поворот в лингвистике заслуживает самого серьезного к нему отношения» [Кубрякова, 2012: 26].

Теоретические основы

Как известно, в задачу когнитивной лингвистики входит соотнесение когнитивных структур знания с языковыми формами, их воплощающими [Кубрякова, 2007: 14], что важно именно для данного исследования. Подобное соотнесение «может производиться независимо от того, как “существуют”, “записаны” или “распределены” эти формы в нейронной ткани мозга. Все эти формы (единицы, категории, их объединения по разным параметрам и признакам) должны изучаться именно как языковые» [Кубрякова, 2012: 27].

Перевод не стал исключением. Процессы деятельности переводчика как ретранслятора авторской мысли изучаются через призму этапов осмысления, этапов творческого процесса, структуры хранения знаний человека, оформления этих знаний с помощью языковых структур, понятных другим людям и т.д. Так, например, профессиональная деятельность переводчика, по мнению Н.К. Рябцевой, складывается не только из владения языками, но также «из профессионального переводческого мышления, которое заключается в умении идентифицировать и решать переводческие проблемы» [Рябцева, 2008: 24].

Переводчик, когда в художественном произведении встречается юмористический эффект, попадает в непростую ситуацию. С одной стороны, юмористический эффект, по возможности, необходимо передать, поскольку это будет одним из условий достижения функциональной эквивалентности текста (в терминологии Ю. Найды). С другой, субъективность восприятия и, соответственно, продуцирования этого самого эффекта, наряду с некоторыми иными факторами, делают процесс невероятно сложным. В теории подобные ситуации маркируются термином «переводческая проблема». А на практике переводчики сталкиваются с подобными ситуациями практически каждый день, обычно не задаваясь вопросом о потенциальной непереводаемости.

Затрагивая, пусть и косвенно, проблематику переводческого мышления, в данной статье мы не ставим задачу проследить, какие

мыслительные операции производит переводчик и какие этапы переводческой деятельности необходимы. Целью данной статьи является исключительно демонстрация формализованного представления, **статичного** содержания, необходимого для реализации юмористического эффекта в тексте оригинала и в тексте перевода. Вопросы о том, как именно переводчик приходит к подобным умозаключениям, какие методы и приемы активизации поиска и увеличения вариативности он использует мы пока оставляем «за кадром».

Принимая во внимание тот факт, что переводчик находится в затруднительном положении, балансируя на грани между стратегией, базирующейся на уровне текста, и тактикой на уровне отдельных его элементов [Валеева, 2010: 168], при анализе межъязыковой передачи юмористического эффекта считаем целесообразным рассматривать отдельно отрывок с юмористическим эффектом, под которым мы понимаем отрезок текста, содержащий языковую (по возможности) реализацию двух сосуществующих, а затем сталкивающихся скриптов, и триггер как механизм переключения [Абаева, 2017а]. Такая теория реализации юмористического эффекта была предложена Виктором Раскиным, а впоследствии дополнена Сальваторе Аттардо [Аттардо, 2001]. О существенном вкладе данной теории в практику перевода говорит и известный исследователь юмора Делия Киаро, которая считает Общую теорию вербального юмора (и столкновение скриптов как ее неотъемлемую часть) ключевым механизмом для работы переводчика [Chiario, 2017: 421]. При этом исследователи замечают, что как раз со времен публикации работы В. Раскина, юмор и стали рассматривать с точки зрения когнитивистики [Brône, 2017: 250].

Мы не ставим задач в данной статье развести термины «фрейм» и «скрипт», предоставив аналитические обзоры существующих теорий, принимая в качестве основной дефиницию В. Раскина, которая определяет скрипт как большой фрагмент окружающей слово семантической информации, когнитивную структуру, репрезентирующую знание носителя языка об определенной части мира [Raskin, 1985: 81].

Основной целью является демонстрация общего направления мыслительной деятельности переводчика при переводе отрывка текста с юмористическим эффектом, учитывая так называемое когнитивное информационное поле, в рамках которого осуществляется выбор стратегии [Воскобойников, 2005: 178]. При этом, вслед за Н.Г. Валеевой, мы считаем, что «текст перевода воссоздает фрейм оригинала как культурно-когнитивной сущности, отражающей фрагмент действительности в национально-культурной интерпретации. Моделирование текста перевода основано на целостном воспроизведении данного фрейма — смысла, или системы смыслов оригинала» [Валеева, 2010: 167].

Материал

В качестве материала выступает отрывок из произведения Д. Адамса «Dirk Gently's Holistic Detective Agency» и два его перевода на русский язык, выполненные в 1996 и 2014 годах. Помимо основных методов наблюдения и анализа, в работе применялись описательный метод, сопоставительный метод, а также метод когнитивного моделирования.

Результаты

Для чистоты восприятия мы намеренно взяли отрывок, который состоит из одного предложения, не отягощенного ни взаимным наложением «триггер/контекст» [Абаева, 2017: 4–7], ни рядом стоящими стилистическими средствами [Абаева, 2017b: 7–16]. Для полноценного восприятия юмористического эффекта приведем более широкий контекст: *Майкл — незадачливый поклонник Сьюзан, который случайно оказался рядом во время очередного выяснения отношений Сьюзан и Ричарда, поскольку провожал Сьюзан домой; он смиренно стоит рядом во время ссоры, не вмешиваясь, что несколько раздражает Сьюзан.*

Рассмотрим далее сам пример.

“Oh, Michael,” said Susan brusquely, “don’t just stand there like a sinking pudding.” [Adams, p. 117–118].

С одной стороны, каждое слово, входящее в данное предложение, актуализирует определенный набор знаний, закреплённый за ним. Так, например, Майкл, как имя героя, будет наполнено, благодаря широкому контексту всего произведения, помимо исключительно языковых вещей ([человек], [мужской пол], [имя]), такими единицами, как [второстепенный герой], [неуверенность], [лень], [чувства к Сьюзан] и т.д. С другой, у каждого читателя этот скрипт будет развиваться в свою сторону, дополняясь ячейками, которые были сформированы вследствие личного субъективного опыта: например, для русскоговорящего читателя вполне возможна ассоциация с известным певцом Майклом Джексонем.

Каждая единица, таким образом, имеет чрезвычайно разветвленную сеть, у которой нет конца, поскольку «цепляется» за соседние, пересекается с ними, может даже развиваться параллельно и т.п. Так, с точки зрения В. Раскина, все скрипты, представляющие один язык, составляют один граф: “In fact, all the scripts of the language make up a single continuous graph, and the lexical entry of a word is a domain within this graph around the word in question as the central node of the domain” [Raskin, 1985: 81].

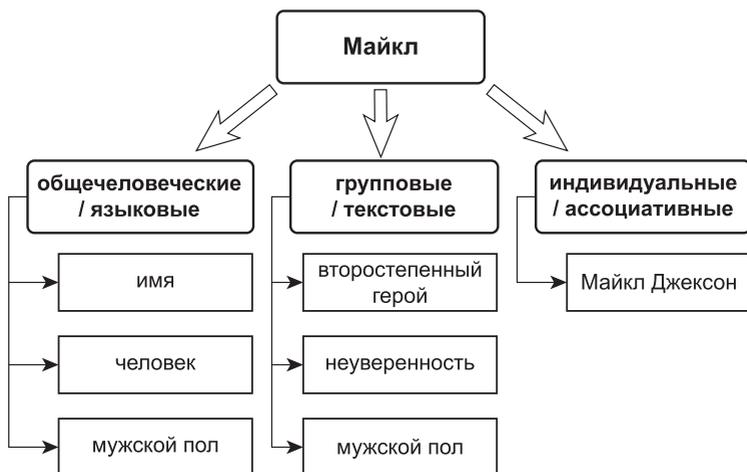

Рис. 1. Потенциальное когнитивное поле лексемы «Майкл»

Как видно из рис. 1, помимо общих и индивидуальных ячеек, мы выделяем групповые ячейки информации [ibidem]. Термин «ячейка» мы используем для того, чтобы маркировать ту единицу, которая будет находить свое соответствие в структуре на языке перевода. Эта ячейка содержит определенную лексему, которая естественным образом раскрывает потенциальные смыслы, заключенные в скрипте, и при этом имеет разнообразные взаимосвязи с другими лексемами (ячейками).

При работе с текстом, а точнее с отрывками текста с юмористическим эффектом, учитывая при предпереводческом анализе структуру акта межкультурной коммуникации, значимыми для этого анализа будут смыслы, в том числе языковые, как общеизвестные, текстовые, так и понятные группе людей, которые с этим текстом ознакомились, индивидуальные же (как личностные ассоциации) остаются на периферии, не входя в поле деятельности переводчика.

По понятным причинам изобразить наглядно все возможные связи нельзя. Естественно, в ситуации перевода переводчик анализирует только часть информации, необходимой ему для конкретного отрывка текста. У него нет ни времени, ни технической возможности развернуть всю информацию, потенциально заключенную в присутствующих, например, в предложении языковых единицах. К тому же существует и проблема личного субъективного восприятия. Как пишет Делия Киаро, даже если вы выбрали адекватный перевод, это не означает, что будет смеяться ваш читатель [Chiario, 2017: 414].

В любом случае метаязык описания когнитивных структур во многом условен и опирается на конкретную необходимость, в нашем

случае — на необходимость передачи юмористического эффекта в заданном тексте за заданный отрезок времени.

Анализируя с когнитивной стороны юмористический эффект, присутствующий в приведенном ранее предложении, констатируем, что пересечение формально будет происходить на слове *sinking*, которое служит триггером, а столкновение скриптов по трехчленной системе В. Раскина будет принадлежать оппозиции [actual]/[nonactual]. Имея в наличии эту информацию, мы предлагаем формально «развернуть» необходимые скрипты и схематично продемонстрировать когнитивный механизм передачи юмористического эффекта в следующем виде.

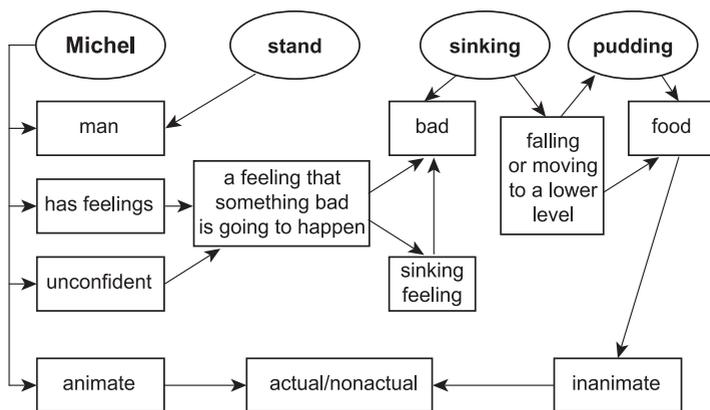

Рис. 2. Механизм реализации юмористического эффекта в тексте оригинала

Как понятно из схемы, основное столкновение происходит из-за семантического несоответствия категорий [одушевленное]/[неодушевленное], что влечет за собой противопоставление значений у слова *sinking*.

Потенциально у переводчика возникает примерная схема, пусть и не на вполне осознаваемом уровне, позволяющая почувствовать сущность юмористического эффекта и уловить взаимосвязи когнитивного и языкового, поскольку, как мы понимаем на современном этапе развития переводческой мысли, при переводе «осуществляется мысленное создание динамических фреймов (ситуативных и классификационных) на основе текста оригинала и их соотнесение с эквивалентными им фреймовыми структурами в языке перевода» [Ремхе, 2015: 5].

Рассмотрим перевод на русский язык, выполненный в 2014 г.:

— А, Майкл, — бесцеремонно оборвала его Сьюзан, — что ты молчишь, как рыба в пироге? [Адамс, 2014: 99]

Очевидна существенная трансформация предложения оригинала с изменением смысла: так, например, Майкл уже не стоит, а молчит. Обусловленность и целесообразность подобной тактики, на наш взгляд, можно понять, взглянув на рис. 3.

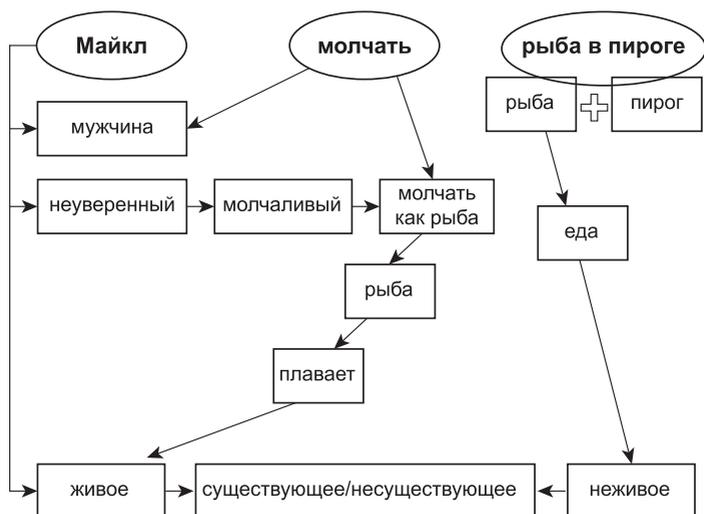

Рис. 3. Механизм реализации юмористического эффекта в тексте перевода (1)

Столкновение основных скриптов [actual]/[nonactual], как и [одушевленное]/[неодушевленное], остается, что позволяет говорить о потенциальном наличии юмористического эффекта в тексте перевода. Хотя разворачиваются скрипты уже несколько в ином ключе.

При сохранении поля конкретизации «еда», которое в данном примере обрисовывает авторский идиостиль, изменяется его наполнение вследствие разницы лингвокультур. Одним из основных критериев для создания юмористического эффекта является узнаваемость элемента в системе координат. Пудинг — еда менее знакомая для среднестатистического человека, проживающего в России, зато «рыба в пироге» (смысловая единица: пирог с рыбой) находится в зоне, достаточно близкой к гиперониму «еда».

В русском языке существует фразеологическая единица «молчать как рыба», что абсолютно уместно в контексте усеченной реплики «Что ты молчишь как рыба?». Но, как мы понимаем, рыба, из которой приготовили начинку для пирога, не предполагает актуализацию информации «живой», что создает антонимическую пару живой/мертвый, которая является вариантом развития пары оригинала [одушевленный]/[неодушевленный].

Рассмотрим второй перевод, выполненный в 1996 г.:

— О Майкл, — нетерпеливо прервала Ричарда Сьюзан, обращаясь к своему гостю. — Да не стой же ты с таким видом, будто ты шар, из которого выпускают воздух. [Адамс, 1996: 114]

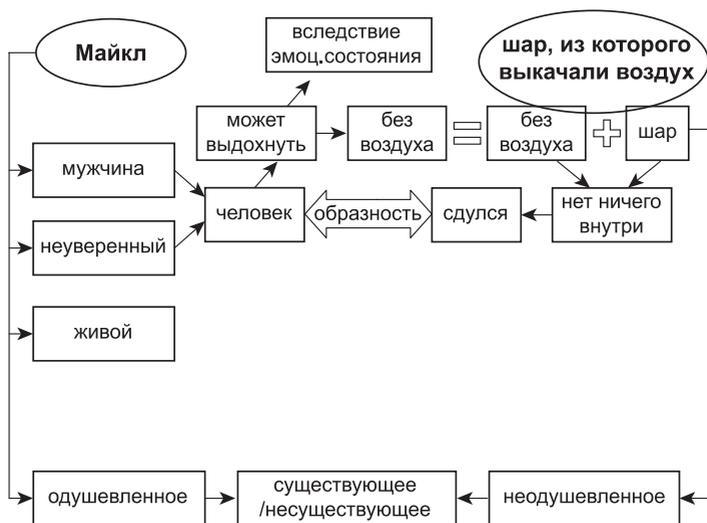

Рис. 4. Механизм реализации юмористического эффекта в тексте перевода (2)

Здесь сохраняется антонимическая пара [одушевленное]/[неодушевленное], но при этом близость ячеек «человек» и «сдулся» в языковом сознании носителя русского языка не позволяет считать реализацию антонимической. Как пример, вспомним о наличии таких стилистических средств, как олицетворение, не реализующих юмористический эффект, хотя формально являющихся отображением оппозиции «одушевленность/неодушевленность»: шепчет листва, тоска изъела душу и т.д.

В данном случае мы наблюдаем реализацию образности: скрипты разворачиваясь, накладываются, а не пересекаются в одном месте (в антонимической паре), вследствие чего — прогнозируемое отсутствие юмористического эффекта.

Проведенный опрос в группе студентов 3 курса¹ показал, что в отрывке оригинала юмористический эффект почувствовали 80% респондентов, в отрывке из первого перевода — 75%, а в отрывке из второго перевода — только 45%. Сам юмористический эффект по шкале от 1 (крайне незначительный) до 10 (ярко выраженный) был

¹ В анкетировании приняло участие 20 студентов 3 курса, обучающихся по направлению «Филология», профилю «Преподавание филологических дисциплин (английский язык и РКИ).

маркирован в отрывке оригинала как 4,8², в первом переводе — 3,8, во втором переводе — 2,45. Полученные результаты свидетельствуют, на наш взгляд, во-первых, о наличии потенциального юмористического эффекта в тексте оригинала, а во-вторых, подтверждают в целом гипотезу о том, что в тексте второго перевода юмористический эффект считается хуже, чем в тексте первого. Видимо, при переводе следует более внимательно следить за тем, чтобы необходимые ячейки не вступали между собой в другого рода отношения, например, синтагматической природы (которые часто можно проследить на языковом уровне).

Как видно из схем, заполнение поля в переводах шло разными путями. Более того, не посредством заполнения существующей в схеме когнитивного поля оригинала ячейки существующим в сознании носителя языка перевода эквивалентом, потому что сами поля в двух языках будут достаточно разными, будет отличаться и внутрисистемная организация, и содержимое. В разных языках мир членится по-своему, поскольку «в каждом естественном языке он выступал исключительно в виде итогов, по-разному протекавших в соответствующих языках процессах категоризации и концептуализации мира» [Кубрякова, 2012: 38], и поэтому «нетождественными и вариативными оказывались не только сами формируемые в указанных процессах категории, но и их внутренняя организация, их строение, их иерархия, и даже их типы» [там же].

Инвариантом в случае наличия юмористического эффекта выступает, скорее всего, антонимическая пара. При этом желательна не только основная, из трехчленной структуры по Раскину, но и следующая за ней пара, как в нашем примере: [одушевленное]/[неодушевленное], или ее вариант [живое]/[неживое].

Выводы

В целом можно сказать, что схематичное изображение сталкивающихся скриптов может помочь репрезентировать информацию в нужном для создания юмористического эффекта виде. Подобные схемы в когнитивном поле перевода следует выстраивать, отгалкиваясь от антонимической пары, реализующей столкновение, а не от значений составляющих отрывок единиц. Хотя само поле, как и все ячейки, будет иметь наполнение, выраженное языковыми средствами. Поскольку язык «объективирует всю информацию, поступающую к человеку извне с помощью материальных знаков, обеспечивает все виды деятельности с информацией, либо давая обо-

² Средний показатель.

значения ее отдельным фрагментам, либо служа их аналитическим дескрипциям и их описанию» [Кубрякова, 2012: 37].

Исследователи в принципе говорят о системной организации мышления: «<...> учитывая существование абстрактных понятий и категорий, необходимо говорить о разноуровневости категоризации и их иерархической упорядоченности. Освоение мира происходит не хаотически, а системно» [Ремхе, 2015: 5]. Но система эта чрезвычайно сложна. Мы распределяем имеющуюся информацию, необходимую для передачи юмористического эффекта, по когнитивным полям не вследствие доказанного места хранения, а исключительно потому, что такое расположение, на наш взгляд, позволяет структурировать эту информацию и применять ее для перекодирования. Дальнейшие разработки, очевидно, должны быть связаны с описанием всех видов необходимой для перекодирования информации, в том числе прагматического характера, включенной в когнитивное поле переводчика.

Список литературы

1. *Абаева Е.С.* Единицы перевода при работе с юмористическим эффектом // Вестник Челябинского государственного университета. 2017а. № 6 (402). Филологические науки. Вып. 106. С. 5–11.
2. *Абаева Е.С.* Сложности перевода отрывков с юмористическим эффектом с русского на английский язык // Русский язык и культура в зеркале перевода: VII Международная научная конференция. Материалы конференции: электронное издание. М., 2017б. С. 7–16.
3. *Адамс Д.* Детективное агентство Дирка Джентли / Детективное агентство Дирка Джентли: [сборник]. М., 2014. С. 5–250.
4. *Адамс Д.* Детективное агентство Дирка Джентли / Детективное агентство Дирка Джентли. Долгое чаепитие. М., 1996. С. 5–294.
5. *Валева Н.Г.* Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты. М., 2010.
6. *Воскобойник Г.Д.* Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода [Электронный ресурс]: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002798826> (дата обращения: 23.08.2018).
7. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М., 2012.
8. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 8–16.
9. *Ремхе И.Н., Нефедова Л.А.* Метод фреймового моделирования перевода на примере корпусной системы FrameNet // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12. № 2. С. 5–9.

10. *Рябцева Н.К.* Стереотипность и творчество в тексте // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Баженовой. Пермь, 2008. С. 12–26.
11. *Abaeva E.S.* Trigger/context cohesion within humorous extracts as a problem of translation // *Russian Linguistic Bulletin*. 2017. № 1 (9). P. 4–7.
12. *Adams D.* *Dirk Gently's Holistic Detective Agency*. Pocket Books. Kindle Edition.
13. *Attardo S.* *Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis*. New York; Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.
14. *Brône G.* *Cognitive Linguistics and Humor Research* // *The Routledge Handbook of Language and Humor* / Ed. by S. Attardo, 2017. P. 250–266.
15. *Chiaro D.* *Humor and Translation* // *The Routledge Handbook of Language and Humor* / Ed. by S. Attardo, 2017. P. 414–429.
16. *Raskin V.* *Semantic mechanisms of humour*, Holland: D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p.

Evgeniya Abaeva

**THE TRANSLATOR'S COGNITIVE FIELD
AND EXTRACTS
WITH A HUMOROUS EFFECT**

*Moscow City Teachers Training University,
2-nd Sel'skokhozyajstvennyj proezd, 4/1, Moscow, 129226*

The article discusses the translation of literary texts, focusing on extracts with a potential humorous effect. A question is raised as to the practical value of this knowledge given the current state of cognitive science. Drawing on cognitive linguistics data, an observation is made as to the thinking processes of translators and providing a information that is essential for translation schematically. An attempt is made to clarify the informative cognitive field for the translator to make his/her decision. The main tool in analysing the humorous effect is the semantic theory by V. Raskin (and the General theory of verbal humour), which entail using the terms 'trigger' and 'script'. Without questioning the possible subjectivity of personal understanding of a literary text, the author provides an example of cognitive analysis of the extract with a humorous effect in the source/target language. By way of an example, the article discusses an extract from D. Adams' *Dirk Gently's Holistic Detective Agency* and two variants of its translation into Russian. It is assumed that so as to transfer the humorous effect successfully the translator needs to fill in the nodes which construct the scripts in the target language so as to make these scripts overlapped in the reader's mind. Schematic images help to clarify the essence of the nodes and reconstruct the translator's thought. Moreover, such a realization provides a means of defining and analyzing the

possibility of a humorous effect in the translation. Discussing a general translation strategy, the author postulates the necessity to preserve the main antonymic pair which actualizes the script opposition. A further search of equivalent nodes is regarded as possible in each individual case.

Key words: humorous effect; translation; cognitive linguistics; General theory of verbal humour; cognitive field.

About the author: *Evgeniya Abaeva* — PhD in Philology, Associate Professor, Department of English studies and Cross-cultural communication, Institute of Foreign Languages, Moscow City Teachers Training University (e-mail: abaeves@bk.ru).

References

1. Abaeva E.S. Edinicy perevoda pri rabote s yumoristicheskim efektom [Humorous effect: units of translation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*. 2017a. № 6 (402). Filologicheskie nauki [Philological Sciences]. Vyp. 106, pp. 5–11. (In Russ.)
2. Abaeva E.S. Slozhnosti perevoda otryvkov s yumoristicheskim efektom s russkogo na anglijskij yazyk [Problems of translation the extracts with humorous effect from Russian into English]. *Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Materialy konferencii: elektronnoe izdanie [Russian Language and Culture Reflected in Translation: Proceedings of the 7th International conference]*. M., 2017b, pp. 7–16. (In Russ.)
3. Adams D. Detektivnoe agentstvo Dirka Dzhentli [Dirk Gently's Holistic Detective Agency]. *Detektivnoe agentstvo Dirka Dzhentli [Dirk Gently's Holistic Detective Agency]*. M., 2014, pp. 5–250. (In Russ.)
4. Adams D. Detektivnoe agentstvo Dirka Dzhentli [Dirk Gently's Holistic Detective Agency]. *Detektivnoe agentstvo Dirka Dzhentli. Dolgoe chaepitie. [Dirk Gently's Holistic Detective Agency. The Long Dark Tea-Time of the Soul.]* M., 1996, pp. 5–294. (In Russ.)
5. Valeeva N.G. *Teoriya perevoda: kul'turno-kognitivnyj i kommunikativno-funkcional'nyj aspekty* [Theory of translation: cultural-cognitive and functionally-communicative approach]. M.: RUDN, 2010. (In Russ.)
6. Voskoboynik G.D. *Lingvofilosofskie osnovaniya obshchej kognitivnoj teorii perevoda* [Lingvophilosophical aspects of general cognitive theory of translation] [Elektronnyj resurs]: Dis. ... d-ra filol. nauk. M.: RGB, 2005. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002798826> (accessed: 23.08.2018). (In Russ.)
7. Kubryakova E.S. *V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of a language: cognitive studies]. M., 2012. (In Russ.)
8. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z. K probleme mental'nyh reprezentacij [To the problem of mental representation]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of cognitive linguistics]*. 2007. № 4 (013), pp. 8–16. (In Russ.)

9. Remhe I.N., Nefedova L.A. Metod frejmovogo modelirovaniya perevoda na primere korpusnoj sistemy FrameNet [Method of frame modelling of a translation on the example of corpus system FrameNet]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Lingvistika"* [Bulletin of South Ural State University. Linguistics]. 2015, t. 12, № 2, pp. 5–9. (In Russ.)
10. Ryabceva N.K. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotypes and creativity in text]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Stereotypes and creativity in text: collection of academic papers]. Perm', 2008, pp. 12–26. (In Russ.)
11. Abaeva E.S. Trigger/context cohesion within humorous extracts as a problem of translation. *Russian Linguistic Bulletin*. 2017a. № 1 (9), pp. 4–7.
12. Adams D. *Dirk Gently's Holistic Detective Agency*. Pocket Books. Kindle Edition.
13. Attardo S. *Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis*. New York; Mouton de Gruyter, 2001.
14. Brône G. Cognitive Linguistics and Humor Research. *The Routledge Handbook of Language and Humor*/ed. by S. Attardo, 2017, pp. 250–266.
15. Chiaro D. Humor and Translation. *The Routledge Handbook of Language and Humor*, ed. by S. Attardo, 2017, pp. 414–429.
16. Raskin V. *Semantic mechanisms of humour*. Holland: D. Reidel Publishing Company, 1985.

В.А. Немкова

ФУНКЦИИ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются различные употребления настоящего времени в современных русских художественных текстах и их переводах на английский язык. Формы настоящего времени выполняют в тексте ряд композиционных функций, способны выдвигать события на первый план, участвуют в формировании коммуникативных регистров и способствуют эмоциональной актуализации. Все эти особенности настоящего времени мы увидим на примерах из текстов В. Маканина, А. и Б. Стругацких, Л. Петрушевской и проследим за интерпретацией форм настоящего времени в переводах. В работе активно используется классификация употреблений настоящего времени А.В. Бондарко, а также положения коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой.

Ключевые слова: настоящее историческое; настоящее актуальное/неактуальное; настоящее эмоциональной актуализации; коммуникативные регистры.

Повествование в настоящем времени привлекает всё большее внимание исследователей нарратива [Björling, 2004; Уржа, 2012; 2015; 2016; Петрухина, 2017], а сама грамматическая форма настоящего становится объектом междисциплинарных исследований [Петрухина, 2015]. Данное грамматическое средство помещает события в пространство и время читателя, делая его как бы непосредственным наблюдателем событий [Падучева, 2010: 288; Гловинская, 1989: 106]. Различные виды настоящего в зависимости от их отнесенности к моменту речи рассматривает А.В. Бондарко (настоящее актуальное/неактуальное, настоящее историческое, настоящее эмоциональной актуализации и др.). Он выделяет «разговорное» (стилистически и эмоционально окрашенное) и «литературное» (нейтральное) повествование в настоящем историческом. [Бондарко, 1971: 145–146]. Нарративные функции настоящего времени в данной статье рассма-

Немкова Вероника Антоновна — выпускница аспирантуры кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nika.nemkova@mail.ru).

триваются сквозь призму положений коммуникативной грамматики, которая предлагает такой эффективный инструмент анализа текста, как коммуникативные регистры [Сидорова, 2009; 2014].

Настоящее время в повести В. Маканина «Лаз»: перцептивизация повествования

Итак, начнем рассмотрение функций настоящего времени в нарративе с анализа фрагмента из повести В. Маканина «Лаз» и ее перевода. В примере 1 Ключарев, герой повести, находится как бы между двумя мирами, в собственноручно вырытом лазе. Используемое здесь настоящее задействуется по ходу всей повести и достаточно нейтрально, однако эффект соприсутствия, сопричастности читателя описываемым событиям обусловлен здесь взаимодействием грамматических и лексических показателей: настоящего актуального и частицы *вот*, благодаря чему действие мыслится как совершающееся на наших глазах.

Пример 1

(Заклиная себя словом, Ключарев последним трудным поворотным движением высвобождает колени из узкого места горловины.) Вот! Ободранная щека облипла песком, саднит, голова кружится, но голова уже вне лаза, голова над землей. Вот трава. (В. Маканин. Лаз)	He's out! Sand sticks to his torn cheek and stings. His head is spinning, but it's out of the hole now, his head's above ground. He sees the grass. (Translated by M.A. Szporluk)

В переводе повести вместо контраста временных форм противопоставление Simple — Continuous, которое участвует в формировании первого плана и фона. Фрагменты внутреннего монолога персонажа («Вот!», «Вот трава») переданы в переводе авторским третьеличным повествованием (“He’s out!”, “He sees the grass!”), что способствует объективизации отрывка в английском тексте.

В следующем примере из повести «Лаз» точка зрения претерпевает изменения по ходу отрывка, где взгляд на героя со стороны сменяется более субъективированной перспективой из глубины лаза, откуда и мы вместе с героем слышим звуки падающих пуговиц.

Пример 2

Ключарев еще только спустился до горловины (до середины), а пуговицы уже летят вниз много прежде него, и даже слышно, как они там внизу звенькают. (В. Маканин. Лаз)	Klucharyov has only worked his way down to the narrowest part (mid-way), but his buttons fly far ahead and you can hear them clink at the bottom. (Translated by M.A. Szporluk)

Употребление настоящего времени (*летят, звенькают*) по контрасту с прошедшим (*спустился*) способствует актуализации перцептивных образов, которые главный герой воспринимает непосредственно, здесь и сейчас (на что также указывает пространственный

дейктик *там внизу*). В переводе используется обобщенно-личная конструкция с *you*, которая включает адресата в круг субъектов, приближая описываемую ситуацию к читателю.

Итак, практически тотальное настоящее время в повести Маканина «Лаз» с включением элементов внутреннего диалога в третье-личное повествование помогает создать эффект читательского соприсутствия, который частично стирается в переводе, где точка зрения меняется на более объективную.

Интимизация повествования при помощи форм настоящего времени в повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине»

В повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» повествование ведется преимущественно в настоящем времени от первого лица (в «разговорной», по А.В. Бондарко, его разновидности). В примере ниже — первая фраза из повести, которая задает этот непринужденный тон: *Накануне стоим это мы с ним в хранилище*. Разговорный синтаксис фразы органично сочетается с использованием настоящего исторического.

Пример 3

Накануне стоим это мы с ним в хранилище уже вечером, остаётся только спецовки сбросить, и можно закатиться в «Боржч», принять в организм капельку-другую крепкого. (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине)	The night before, he and I were in the repository – it was already evening, all I had to do was throw off my lab suit and I could head for the Borscht to put a drop or two of the stiff stuff into my system. (Пер.А. Бьюис)	The other day, we're standing in the repository; it's evening already, nothing left to do but dump the lab suits, then I can head down to the Borscht for my daily dose of booze. (Пер.О. Бормашенко)

Переводчики отталкиваются от разных стратегий при переводе данного фрагмента. Если А. Бьюис на протяжении перевода всей повести использует прошедшее время при передаче основных событий, которые в оригинале нередко оформлены при помощи форм презенса, то О. Бормашенко активно использует настоящее время. Таким образом, в оригинале и более позднем переводе О. Бормашенко с самого начала повести при помощи показателей временного и персонального дейксиса (наречие *накануне*, глагольные формы в первом лице настоящем времени) рассказчик погружает читателя повести в хронотоп событий.

В следующем фрагменте формы настоящего и настоящего-будущего используются в **узуальном значении**, которое взаимодействует с обобщенно-личным значением глагольных форм второго лица. Герой делает наблюдения и обобщения, опираясь на свой

перцептивный опыт. Форма настоящего-будущего в уступительном придаточном *как ни придешь* передает значение повторяющегося действия. Дальнейшее использование форм настоящего времени отражает **качественное значение** настоящего неактуального и передает характеристику людей. Обе переводчицы сделали выбор в пользу сохранения настоящего времени и второго лица (*you come in*), что функционально соответствует заданному в оригинале значению повторяемости и обобщенно-личности.

Пример 4

Удивительная, между прочим, вещь: как ни придешь, вечно эти бармены бокалы протирают, словно у них от этого зависит спасение души. (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине)	It's amazing, by the way, that whenever you come in, bartenders are always wiping glasses, as though their salvation depended on it or something. (Пер.А. Бьюис)	This is an amazing thing, by the way: anytime you come in, these barmen are always wiping glasses, as if their salvation depended on it. (Пер.О. Бормашенко)

Как видим, в варианте А. Бьюис настоящее время сохраняется только в контекстах, где оно используется узуально, тогда как в переводе О. Бормашенко сохраняется также настоящее актуальное, употребляемое в оригинале.

В некоторых случаях значение узуального времени расширяется, формируя контексты всевременности. В следующем примере мысленное обращение рассказчика к погибшему другу завершается фрагментом в **настоящем абстрактном**: *Нечего здесь людям делать. Нет в Зоне добра*. Использование высказываний в генеритивном регистре [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 30] после мысленного обращения к другу подводит итог размышлениям героя о событиях, происходящих в Зоне, о неизбежности совершаемого в ней зла.

Пример 5

Ошибся ты, Кирилл, дружок мой милый. Прости, да только, выходит, не ты прав, а Гуталин прав. <u>Нечего здесь людям делать. Нет в Зоне добра.</u> (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине)	You were wrong, Kirill, my old buddy. I'm sorry, but you were wrong and Gutalin was right. <u>This was no place for humans. The Zone was evil.</u> (Пер.А. Бьюис)	You were wrong, Kirill, my friend. I'm sorry, but it turns out that Gutalin was right, not you. <u>We don't belong here. There's no good in the Zone.</u> (Пер.О. Бормашенко)

Расхождение в переводах заставляет нас обратить более пристальное внимание на фрагмент. Очевидно, что в оригинале Рэдрик подводит итог и делает обобщение, абстрагируясь от конкретной ситуации. Использование прошедшего времени в переводе А. Бьюис

создает ощущение, что данное обобщение касается только определенной ситуации в прошлом.

Как мы видим, настоящее время играет важную роль в формировании «диалогических» контекстов в повести «Пикник на обочине», где рассказчик обращается к читателю напрямую либо обобщает свой личный опыт пребывания в Зоне. В связи с этим на первый план выходят контексты в настоящем историческом, в которых зачастую повествование приближается к разговорной речи, а также примеры в настоящем абстрактном, где Рэдрик делится своим жизненным опытом с читателем.

Настоящее эмоциональной актуализации в повести Л. Петрушевской «Время ночь»

Повесть Л. Петрушевской «Время ночь» написана в жанре дневниковой исповеди главной героини Анны, которая нередко в своем рассказе от первого лица использует настоящее время, вспоминая какой-либо эпизод, который при этом ярко встает в ее памяти и в нашем воображении. В примере 6 — фрагмент, где использовано **настоящее эмоциональной актуализации**, рассказчица воссоздает в памяти день выплаты алиментов, повествование переходит в репродуктивный регистр. Интересно, что в переводе тоже используется настоящее время, а также неличные предикаты — *ing*-формы *pushing*, *looking*, которые описывают «фоновые» события.

Пример 6

... дочь в день алиментов возникла на пороге разъяренная, впереди толкает коляску красного цвета (значит, у нас девочка, мельком подумала я), сама опять пятнистая, как в былые времена, когда кормила Тимку, грудастая крикливая тетка, и вопит ... (Л. Петрушевская. Время ночь)	... on the day her alimony was due my daughter appears in a white rage on the doorstep pushing a red pram before her ('So we've got a girl now' flashes through my mind) and looking all spotty again like she used to be when she was feeding Tima, a great fat female, all breast and shrieks, and starts yelling ... (Translated by Sally Laird)

Рассмотрим еще один пример из повести «Время ночь». Драматизация, даже некоторая театрализация описываемого достигается за счет метатекстовых показателей, которые сигнализируют о переключении в настоящее: *значит, так*, а также показателей неожиданности (*вдруг*). Иногда повествование похоже на настоящее сценическое, а некоторые фразы напоминают ремарки к пьесе: *звонок, борьба*. В переводе погружение в самую гущу событий происходит уже в самом начале: *she decides to ring up*. Таким образом, перевод оказывается даже более эмоционально нагруженным, чем оригинал.

Значит, дело в том, что вдруг раз в год мне позвонила моя дочь, живущая, как известно, на выселках со своей нагульной дочерью от воображаемого сожителя. <...> Значит, так (подумать только). Звонок: бззз! бзз! Малыш мчится, но я его опережаю, маленькая борьба. (Л. Петрушевская. Время ночь)	The thing was that out of the blue, for about the first time in a year, she decides to ring up. There she is living, as we know, out in some godforsaken place in the outskirts with her fat little bastard of a daughter brought into this world thanks to that blighter she'd supposedly set up home with. <...> This is how it went (just imagine) ... The phone rings: drring! drring! The kid rushes up but I beat him to it, there's a momentary struggle for the receiver. (Translated by Sally Laird)

Таким образом, мы видим, что в переводах встречаются разные тенденции при интерпретации текстов в настоящем времени. В повести «Лаз» переводчик стремится следовать логике оригинала при передаче временных форм, но при этом при помощи настоящего времени эксплицируются некоторые слои информации, объективируя повествование. В оригинале же настоящее время далеко не всегда выражено при помощи глагольных форм, нередко используются номинативные конструкции и безличные с предикатом состояния, которые за счет невыраженности субъекта в третьем лице подключают читателя к внутренней точке зрения героя. При анализе «Пикника на обочине» мы столкнулись с двумя разными переводческими стратегиями, и в более позднем переводе О. Бормашенко чаще встречается настоящее, даже там, где оно отсутствует в оригинале, тогда как в переводе А. Бьюис на месте настоящего исторического и абстрактного зачастую появляется прошедшее, что существенно меняет модальность текста. В русском тексте настоящее время используется в актуальном значении, благодаря чему повествование переходит в репродуктивный регистр, а также в узуальный, создавая обобщенный план повествования. В повести Л. Петрушевской «Время ночь» настоящее время способствует эмоциональной актуализации повествования, что еще сильнее выражено в переводе, где данное грамматическое средство задействовано более активно.

Список литературы

1. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971. 239 с.
2. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. 480 с.

3. *Петрухина Е.В.* Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: междисциплинарный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (044). С. 59–71.
4. *Петрухина Е.В.* Темпоральные модели расширения настоящего в грамматической системе и художественном тексте (на материале «Крохоток» А.И. Солженицына) // Известия Уральского федерального университета: Серия 2 «Гуманитарные науки». Т. 19. 2017. № 4 (169).
5. *Сидорова М.Ю.* Коммуникативный регистр и деомонимизация форм несовершенного вида в тексте // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2009. № 1. С. 173–180.
6. *Сидорова М.Ю.* Дом, в котором... живет зрительный модус: от точки зрения персонажа к постижению замысла автора // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 3. С. 75–93.
7. *Уржа А.В.* Применение ‘Theory of grounding’ в изучении синтаксиса и стиля русских переводов прозаического текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 6. С. 197–212.
8. *Уржа А.В.* Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 1. С. 76–94.
9. *Уржа А.В.* The foregrounding function of praesens historicum in russian translated adventure narratives (20th century) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2016. Vol. 5. N 1. P. 226–248.
10. *Björling F.* As Time Goes By... Tentative notes on Present Tense Narration in Contemporary Fiction. A Comparison with Narration in Film // Telling Forms. 30 essays in honour of Peter Alberg Jensen, ed. Karin Grelz and Susanna Witt. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2004. P. 17–36.

Veronika Nemkova

**FUNCTIONS OF THE PRESENT TENSE
IN WORKS OF MODERN RUSSIAN AUTHORS
AND THEIR INTERPRETATIONS IN ENGLISH TRANSLATIONS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses on usages of present tense in works of modern Russian authors and its translations into English. Present tense forms fulfill the compositional functions of foregrounding events, forming communicative registers and making emotions actualized. All these effects of a present tense narration are illustrated in the literary texts by V. Makanin, L. Petrushevskaya, and A. and B. Strugatsky and

their translations into English. This article draws on A. Bondarko's classification of present tense usages and communicative grammar.

Key words: present historical; actual/non-actual present; present tense of emotional actualization; communicative registers.

About the author: *Veronika Nemkova* — Graduate School Fellow, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nika.nemkova@mail.ru).

References

1. Bondarko A.V. *Vid i vremja russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)*. M., 1971. 239 p. (In Russ.)
2. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovanija: Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa*. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. 480 p. (In Russ.)
3. Petruhina E.V. *Konceptual'nyj potencial kategorii nastojashhego vremeni v russkom jazyke: mezhdisciplinarnyj podhod* // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2015. N 3 (044). SS. 59–71. (In Russ.)
4. Petruhina E.V. *Temporal'nye modeli rasshirenija nastojashhego v grammaticheskoj sisteme i hudozhestvennom tekste (na materiale «Krohotok» A.I. Solzhenicyna)* // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta: Serija 2 «Gumanitarnye nauki»*, tom 19, #4 (169), 2017. (In Russ.)
5. Sidorova M.Ju. *Kommunikativnyj registr i deomonimizacija form nesovershennogo vida v tekste* // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija*. 2009. № 1. P. 173–180. (In Russ.)
6. Sidorova M.Ju. *Dom v kotorom... zhivet zritel'nyj modus: ot točki zrenija personazha k postizheniju zamysla avtora* // *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 9. Filologija*. 2014. N 3, pp. 75–93. (In Russ.)
7. Urzha A.V. *Primenenie 'Theory of grounding' v izuchenii sintaksisa i stilja russkikh perevodov prozaicheskogo teksta* // *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 9. Filologija*. N 6, pp. 197–212. (In Russ.)
8. Urzha A.V. *Funkcional'nye sputniki nastojashhego istoricheskogo v russkikh perevodah narrativnyh tekstov* // *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 9. Filologija*. 2015. N 1, pp. 76–94. (In Russ.)
9. Urzha A.V. *The foregrounding function of praesens historicum in russian translated adventure narratives (20th century)* // *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. 2016. Vol. 5. N 1, pp. 226–248.
10. Björling F. *As Time Goes By... Tentative notes on Present Tense Narration in Contemporary Fiction. A Comparison with Narration in Film* // *Telling Forms. 30 essays in honour of Peter Alberg Jensen*, ed. Karin Grelz and Susanna Witt. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2004, pp. 17–36.

М.Ю. Степина

**ТУРГЕНЕВ И РАННИЙ НЕКРАСОВ:
«ПОВОРОТ К ПРАВДЕ»**

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, 199034, наб. адмирала Макарова, 4*

Статья посвящена сопоставительному анализу поэтических произведений И.С. Тургенева начала 1840-х годов и стихотворений Н.А. Некрасова. Принято считать, что творческая близость двух художников, обратившихся к теме народного характера и жизни народа, возникла не ранее публикации «Записок охотника» Тургенева (1847). Некрасов, который декларировал в тот период отказ от лирической поэзии и практиковал пародии и стихотворные фельетоны, был внимательным читателем стихотворений Тургенева. Дополнительную роль сыграла хвалебная оценка Белинского, которую он дал стихотворениям Тургенева в статье 1847 г., но устно, с большой долей вероятности, произнес ее в 1843 г., когда состоялось его личное знакомство и с Тургеневым, и с Некрасовым. В 1843 г. в собственной критической статье Некрасов говорит о таланте Тургенева («г. Т.Л.») как продолжателя традиции Лермонтова. Хрестоматийные произведения Некрасова, с которыми он выступает с середины 1840-х годов и позднее, показывают общность со стихами Тургенева на уровне тематики, выбора героя, приемов поэтики, восходящих к «ироническим» поэмам Пушкина и Лермонтова. Некрасов, как ранее Тургенев, осваивает форму «рассказа в стихах», повествовательную манеру в поэтическом произведении, диалоги с характеризующей персонажа речью, обращается к проблемам современности, широко использует иронию. Таким образом, поэтические произведения Тургенева послужили для Некрасова литературным ориентиром еще в первой половине 1840-х годов.

Ключевые слова: Тургенев; Некрасов; Белинский; Лермонтов; стихотворение; поэма; критика; индивидуальная поэтика.

В творческих отношениях И.С. Тургенева и Н.А. Некрасова ключевым моментом традиционно считается знакомство обоих молодых авторов с В.Г. Белинским¹, и эта констатация бытует на уровне общего места. Предпринятые нашими предшественниками сбли-

Степина Мария Юрьевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (e-mail: m.stepina.spb@mail.ru).

¹ Наиболее подробно их взаимоотношения, от первых лет знакомства до последних дней Некрасова, освещены в трудах Н.Н. Скатова [Скатов, 1971; 1994], Н.Н. Мостовской [Мостовская, 1990; 1991а; 1991б; 1993; 1996; 1999а; 1999б; 2000; 2008] (см. также [Май, Цин, 2015] [Степина, 2007; 2012; 2013; 2015]).

жения между текстами Тургенева и Некрасова, их индивидуальной поэтикой и стилистикой, как представляется, пока не исчерпывают всего объема темы. В настоящей работе предпринята попытка связать несколько таких сближений со значимым признанием Некрасова, которое вошло в ее название: «поворот к правде». Формулировка принадлежит Некрасову. В одной из автобиографической записей он отмечает:

«NB о стихах “М<ечты> и з<вуки>”, анекдот о “М<ечтах> и з<вуках>”, Бенецкий, Жук<овский>, Белинский, казенные урок<и>, юмор<истические> стих<отворения> с признаком толку.

Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, крит<ических> ст<атей> Белинского, Боткина, Анненкова и др<угих>. Тургенев, Кр<аевский>, Панаев, Панае<ва>» [Некрасов, 1981—2000, 13, 2: 56].

Первая ассоциация с Тургеневым, возникающая при чтении этого признания, — «Записки охотника». И тематика, и угол зрения, и интерес к личности крестьянина, и пейзаж, и, наконец, мотив охоты не оставляют сомнений в объективности этого сближения. Однако «Записки охотника» создаются в 1847 и последующие годы. Фраза же Некрасова дает основания предполагать, что «поворот к правде» «явился» ему ранее 1847 г., что подтверждает обращение к основным датам творческого пути упомянутых в автобиографической записи лиц.

С 1838 г. (времени приезда Некрасова в Петербург и активного его вхождения в литературные круги) стихи Тургенева печатаются в «Современнике» П.А. Плетнева, а с 1841 г. в «Отечественных записках» А.А. Краевского [Тургенев, 1978—2014, 1], в которые приглашен В.Г. Белинский. Некрасов в это время сотрудничает в «Литературной газете» Ф.А. Кони, которая именно с 1841 г. перешла к Кони от Краевского. С Краевским Некрасов уже знаком. И.И. Панаев пишет в «Литературных воспоминаниях»: «В начале 40-х годов к числу сотрудников “Отечественных записок” присоединился Некрасов; некоторые его рецензии обратили на него внимание Белинского, и он познакомился с ним. До этого Некрасов имел прямые сношения с г. Краевским» [Панаев, 1988: 285]. Факт «прямых сношений» с А.А. Краевским упомянут в письме Некрасова к Ф.А. Кони от 16 августа 1841 г. [Некрасов, 1981—2000, 14, 1: 35]. В ситуации личного и финансового конфликта с Кони Некрасов вместе с переводчиком К.Е. Вельсбергом приехал к Краевскому на дачу. В начале 1840-х в «Отечественных записках» печатаются критические статьи Некрасова и рассказ «Опытная женщина» [Некрасов, 1981—2000, 7, 11]. К этому времени Некрасов уже часто бывает в доме Панаевых [Летопись, 2006: 122], лично знаком с Белинским — и с Тургеневым. Датировка их знакомства опирается на свидетельство Тургенева в

его «Воспоминаниях о Белинском»: «он, летом 1843 года, когда я с ним познакомился, лелеял и всюду рекомендовал и выводил в люди Некрасова» [Тургенев, 1978–2014, 11: 47].

Тургенев быстро стал излюбленным собеседником Белинского и адресатом его подробных, откровенных писем [Белинский, 1956 б], что было важным обстоятельством во внутрикружковых отношениях. Устные отзывы о нем Белинского Некрасову (а Белинский очень хвалил стихи Тургенева) могли повлиять на молодого поэта. Вероятно, что стихотворения, которые Тургенев не опубликовал при жизни, могли быть знакомы его окружению изустно.

Обратимся к произведениям Тургенева первой половины 1840-х годов. Первым рассмотрим стихотворение «Старый помещик» («Отечественные записки», 1841, № 9):

Вот и настал последний час...
Племянник, слушай старика. <...>
И я был молод, ел и пил,
И красных девушек ласкал,
И зайцев сотнями травил,
С друзьями буйно пировал... <...>
Я первым славился бойцом
И богачом, и молодцом.
Богатство всё перевелось —
Да что!.. любить не довелось! <...>
Ах, Ваня, Ваня! что мне в том,
Что я деньжонок накопил,
Что церковь выстроил и дом:
Я не любил и не любим! [Тургенев 1978–2014, 1: 15]

Современный читатель без труда заметит тематическую и стилистическую близость к этому тексту стихотворения Некрасова «Горе старого Наума (Волжская быль)» (1874):

Полвека прожил так Наум
И не тужил нимало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало. <...> [Некрасов, 1981–2000, 3: 147]

Уж округлился капитал,
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе... <...> [Некрасов, 1981–2000, 3: 148]

На ночлег к Науму просится влюбленная пара, и он видит, как они шепчутся, обнимаются и как смотрят друг на друга.

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо <...>

«Я сладко пил, я сладко ел, —
Он думает уныло, —
А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло... [Некрасов, 1981—2000, 3: 150]

Сходство стиха не абсолютное: у Тургенева мужские клаузулы, у Некрасова чередуются мужские и женские. Но интонация общая: рассказ пожилого человека; риторическое обращение (к себе или к слушателю); эмоциональность, выражающаяся восклицательными предложениями.

Сближение, конечно, далековатое — 30 лет лежит между этими двумя текстами. Но тексты обнаруживают даже не сходство, а родство. Оба стихотворения развивают тему жизненного итога, который подводит состоявшийся человек, служивший идее практичности. Личностную несостоятельность практичный герой видит в том, что не познал взаимной любви. Сороковые годы в кружке Белинского будут отмечены рассуждениями о дельности и практичности и торжеством сатиры. Фигура молодого Некрасова в этом смысле окажется своего рода знаковой: в разных жанрах он широко использует приемы памфлета [Степина, 2013]. Но даже в эти годы для Некрасова, только вырабатывающего собственный поэтический голос и манеру, свойственен контраст между отмечаемым всеми впечатлением о его сильном практическом уме и декларации о материальных устремлениях — и страстным, нерасчетливым чувством, которым была отмечена личная судьба и которое можно ощутить в его любовной лирике. Самые яркие образцы ее (так называемый Панаевский цикл) тоже в основном будут написаны позднее — в 1850-е годы. Отметим, что и в «Горе старого Наума» есть размышления лирического героя о своей одинокой судьбе:

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на Музу! [Некрасов, 1981—2000, 3: 145]

Говорить о прямом влиянии стихотворения молодого Тургенева на стихотворение зрелого Некрасова было бы несомненной натяжкой. Как было бы натяжкой рассуждать о сложных материальных обстоятельствах молодого Тургенева и молодого Некрасова и их возможных поэтических и житейских размышлениях. Мы имеем в виду общую психологическую составляющую в художественном решении обоих поэтов: это не рассуждающая, не ищущая выгод любовь как показатель духовной жизни личности и как тема поэтического произведения. Можно было бы сказать, что это слишком общая тема, если бы не широко известные взаимные откровения в переписке Некрасова и Тургенева, когда их дружба была в полной

силе, и если бы не другие литературные сближения — например, «Рудин» и «Саша», — в которых при всех различиях родственны описания природы и развития чувства, описание чувства [Гаркави, 1956; Маслов, 1971]. Если у нас нет отзывов Некрасова о ранних стихах Тургенева, то отзыв его о повести «Фауст» недвусмысленно свидетельствует о восприятии поэтического начала у Тургенева: «... целое море поэзии могучей, благоуханной и обаятельной вылил он в эту повесть из своей души» [Некрасов, 1981–2000, 14, 2: 27].

Позволим себе предположить, что стихотворение Тургенева «Старый помещик» с большой долей вероятности Некрасов прочел в 1841 г. Это было время его демонстративного отречения от «лирических стихов» после неуспеха дебютного сборника «Мечты и звуки». Но с 1845 г. ближайший круг узнает те его стихотворения, которые современниками и последующими поколениями читателей являются своего рода маркером понятия «Некрасов»: «В дороге», «Родина», «Огородник» и др. «Огородник», произведение уже самостоятельное, написано после «Баллады» (1841) [Тургенев, 1978–2014, 1: 13], опубликованной в «Отечественных записках» и оцененной Белинским [Тургенев, 1978–2014, 1: 445, 446]. Если у Тургенева текст ошутимо связан с сюжетом о Ваньке-ключнике, то Некрасов снимает мотив соблазнения чужой жены, переводя социальный конфликт из семейной в сословную сферу. Преимущество «Огородника» по отношению к песням о Ваньке-ключнике и в целом на народные песни отмечена в комментарии к стихотворению [Некрасов, 1981–2000, 3: 582], там же указываются литературные источники: песни А.В. Кольцова и глава «Перстень» из повести В.А. Соллогуба «Тарантас». Как представляется, «Баллада» правомерно может быть включена в список литературных источников стихотворения Некрасова.

Похвала Белинского прозвучала позднее — в его статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «... есть пьесы три-четыре очень недурных, как, например, “Старый помещик”, “Баллада”, “Федя”, “Человек, каких много” <...> в них главное <...> намеки на русскую жизнь» [Белинский, 1956 а: 340]. Некрасов и Белинский начинают тесно общаться в 1843 г.; с зимы 1843 г. начинается и личное знакомство Белинского с Тургеневым, ставшее в высшей степени доверительным со стороны критика. Современная литература была неизменной темой разговоров Белинского, поэтому почти наверняка стихотворения Тургенева упоминались, а возможно, цитировались и сопровождалась рассуждениями о них в беседах критика с молодым поэтом, которого в это время он, по позднейшей иронической оценке Тургенева, «лелеял и всюду рекомендовал и выводил в люди» [Тургенев, 11: 47].

Стихотворение Тургенева «Федя» было впервые опубликовано в «Отечественных записках» в 1844 г., № 3, с пометой «1843»:

Он у забора встречает старуху:
«Бабушка, здравствуй!» — «А, Федя! Откуда?
Где пропадал ты? Ни слуху ни духу!»
«Где я бывал — не увидишь отсюда!»

[Тургенев, 1978–2014, 1: 40]

Герой после длительной отлучки приехал в родную деревню, узнал, что его возлюбленная, которая, как он слышал, «постом овдовела», уже вновь замужем, —

Ветер подул... Засвистал он легонько;
На небо глянул и шапку надвинул,
Молча рукой он махнул и тихонько
Лошадь назад повернул — да и сгинул.

[Тургенев, 1978–2014, 1: 40]

При цитировании этого стихотворения, в котором действительно есть, по словам критика, «намекы на русскую жизнь», приходят на память разные стихи Некрасова, причем также стихи хрестоматийные: «В дороге» (1845); «Извозчик» (1848); «В деревне» (1854); «Деревенские новости» (1860); «Кумушки» (1863) и т.д. Общее с Тургеневым — драматургия стихотворений: диалогическая манера, характерная речь персонажа, нерядовое событие, переживаемое героем или героями, иногда — наличие фабулы (в «Феде» и в «Кумушках»); еще отметим также прием поэтического параллелизма в описании пейзажа и повествовании о душевном состоянии героя (либо в его монологе или диалоге, из которого это душевное состояние становится понятным читателю).

Таким образом, общее в стихотворениях Тургенева и Некрасова просматривается не только на уровне тематики и выбора героя — крестьянина, познавшего глубокие душевные переживания, — но на уровне поэтики. Если говорить о поэзии Некрасова, то перечисленные художественные приемы для него органичны, им освоены и узнаваемы в последующие десятилетия как характерные некрасовские. Стихотворение «Федя», как и перечисленные, явно могло сыграть роль указателя «поворота к правде».

В связи с тематикой героем-крестьянином, стилистическими особенностями речи персонажа стихотворения естественно вспомнить А.В. Кольцова. Поэт скончался в 1842 г., в 1846 г. Некрасов и Н.Я. Прокопович выпустили издание его стихотворений с большой статьей Белинского, в которой критик подробно определял «гениев» и «танантов» и личность поэта [Кольцов, 1846]. Сближения Некрасова и Кольцова проводились еще в прижизненной критике, в настоящее время их можно считать общим местом. Но в ракурсе данной

статьи применительно к поэтике Некрасова первой половины 1840-х годов показательное сопоставление фрагментов текстов Тургенева, Кольцова и Некрасова.

В чужой стране далеко,
С тобою разлучен,
Скитаюсь одинокий,
Лишь милой оживлен.

(«Тоска о милой», 1827);

Овечки родные,
Овечки мои,
Радушен мне с вами
Пастушеский быт.

(«Довольный пастух», 1829) [Кольцов, 1984].

Сравним у Тургенева:

Я долго был в отсутствии; и вот
Лет через пять я встретил их, о други!
Он был женат на ней — четвертый год
И как-то странно потолстел. Супруги
Мне были ради оба. Мой приход
Напомнил ей о прежнем — и сначала
Ее встревожил несколько... она
Поплакала; ей даже грустно стало,
Но грусть замужней женщины смешна.

(«Параша», 1843) [Тургенев, 1978–2014, 1: 91]

Сравним у Некрасова:

Знать, она согрubiла ему
В чем-нибудь, али напросто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, —
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

(«В дороге», 1845) [Некрасов, 1981–2000, 1: 12]

Легко заметить, насколько в этих примерах стих Некрасова ближе к стиху Тургенева, нежели к стиху Кольцова. Стих Кольцова песенный, причем не столько по фонетике, сколько по синтаксису: короткие строки, относительно простые переносы (enjambements).

Совершенно иной синтаксис в поэме «Параша». В комментарии к поэме указана ее преемственность по отношению к «ироническим» поэмам Пушкина («Домик в Коломне», «Граф Нулин») и Лермонтова («Сашка», «Казначейша», «Сказка для детей»), под воздействием ко-

торых была избрана форма «рассказа в стихах». То же можно сказать об «Андрее», о «Разговоре» [Тургенев, 1978–2014, 1: 436].

Тот же повествовательный метод мы видим и в стихотворении Некрасова, а также в других его произведениях, в частности в его фельетонах. Вводные конструкции, довольно длинные предложения с сочинительной и подчинительной связью, повествовательная и часто ироническая, а не напевная интонация.

Некрасов вслед за Тургеневым движется в русле лермонтовской традиции. Это движение осознанное. В статье первой «Взгляд на главные явления русской литературы в 1843 году» именно в контексте разговора о Лермонтове (в связи с выходом в 1842 г. второго издания «Стихотворений Лермонтова» в трех частях и публикаций в № 4 и 5 «Отечественных записок» за 1843 г. восьми стихотворений Лермонтова) — после цитат из лермонтовских произведений Некрасов пишет о «Параше»:

«К замечательнейшим явлениям русской поэзии 1843 года должно причислить “Парашу”, рассказ в стихах г. Т.Л. Автор “Параши”, бесспорно обладающий самобытным талантом, особенно замечателен тем, что, по роду своего таланта и направлению поэтической деятельности, более всех других русских поэтов (если у нас есть теперь поэты) приближается к новой школе поэзии, которая началась у нас Лермонтовым, да им же и кончилась. <...> Источником поэзии Лермонтова было сочувствие ко всему современному, глубокое чувство действительности, — и ни на миг не покидала его грустная и подчас болезненно-потрясающая ирония, без которой в настоящее время нет истинного поэта» [Некрасов, 1981–2000, 11: 145].

Для самого Некрасова первая половина и середина сороковых годов — время обращения к лермонтовской тематике и поэтике, но пока освоение происходит на уровне перепевов, перелицовок и пародий. В 1850 г. уже о нем скажет Г.П. Данилевский: «Г-н Некрасов — издатель одного из лучших наших журналов — писал очень мало стихов. Но все, что ни написал он, — истинно прекрасно и интересно. Если бы не трудный род поэзии, по-видимому более всего близкий его природе, он мог бы стать одним из любимейших поэтов русской публики, до сих пор перечитывающей “Демона” и “подражания Гейне” Лермонтова. <...> Г-н Некрасов *понял* лучше многих из нас Лермонтова... Этим самым он нам подал большие надежды! Чувствование почти равносильно творчеству!..» [Данилевский, 1850]. В литературоведении XX в. к этой проблеме обращались многие исследователи. Их наблюдения и библиография трудов приводятся в статье И.А. Битюговой в «Лермонтовской энциклопедии» [Битюгова, 1981].

Два приведенных критических отзыва дополнительно освещают слова поэта о его индивидуальном «повороте к правде» в тогдашнем магистральном русле и позволяют сделать вывод, что поэтическое творчество Ивана Сергеевича Тургенева осваивалось Некрасовым еще в первой половине 1840-х годов.

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1953–1959.
2. *Битюгова И.А.* Некрасов Николай Алексеевич // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 338–339.
3. *Гаркави А.М.* Поэма «Саша» // Некрасовский сборник. М.; Л., 1956. С. 130–139.
4. *Данилевский Г.П.* Обзор деятельности русской литературы XIX столетия с 1800 по 1850 год и современные литературные новости // Санкт-Петербургские ведомости. 1850. № 11 (14 янв.).
5. <*Кольцов А.В.*> Стихотворения. С портретом автора, его факсимиле и статью о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским. СПб, 1846.
6. *Кольцов А.В.* Сочинения. Л., 1984.
7. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: В 3 т. Т. 1. СПб, 2006.
8. *Май Цин.* Сюжет о Ванюшке-ключнике в стихотворении Н.А. Некрасова «Огородник» и «Балладе» И.С. Тургенева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 5. С. 154–159.
9. *Маслов В.С.* Некрасов и Тургенев. К вопросу о литературных взаимоотношениях («Саша» и «Рудин») // О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. III. Ярославль, 1971. С. 136–153.
10. *Мостовская Н.Н.* И.С. Тургенев и Н.А. Некрасов (Проблема творческих взаимоотношений): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб, 1999 а.
11. *Мостовская Н.Н.* «Некрасовское» в романе Тургенева «Новь» // Русская литература. 1996. № 3. С. 115–125.
12. *Мостовская Н.Н.* «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева и «Последние песни» Н.А. Некрасова // Карабах: историко-литературный сборник. Вып. 2. Ярославль, 1993. С. 167–173.
13. *Мостовская Н.Н.* Из полемики вокруг «Воспоминаний о Белинском» Тургенева // Некрасовский сборник. 2008. № 14. С. 233–239.
14. *Мостовская Н.Н.* Некрасов и Тургенев (из литературной полемики 1840–1850-х годов) // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 67–78.
15. *Мостовская Н.Н.* Об одной творческой переключке (Некрасов и Тургенев)//Сюжет и время: сб. науч. трудов к 70-летию Г.В. Краснова. Коломна, 1991. С. 104–108.
16. *Мостовская Н.Н.* Тургенев и Некрасов. Противостояние // Русская литература. 1999 б. № 1. С. 45–53.

17. *Мостовская Н.Н.* Тургенев и Некрасов (проблема творческих взаимоотношений в 50-е годы) // Творчество И.С. Тургенева: проблема метода и мировоззрения. Орел, 1991. С. 25–34.
18. *Мостовская Н.Н.* Memento mori у Тургенева и Некрасова // Русская литература. 2000. № 3. С. 149–155.
19. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., СПб, 1981–2000.
20. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988.
21. *Скатов Н.Н.* Некрасов. М., 1994.
22. *Скатов Н.Н.* Н.А. Некрасов и И.С. Тургенев (К истории создания стихотворения Некрасова «Т<ургене>ву») // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 376–384.
23. *Степина М.Ю.* Драматические опыты Н.А. Некрасова 1850-х гг. в контексте его критических суждений о И.С. Тургеневе // Спасский вестник. 2015. № 23. С. 81–92.
24. *Степина М.Ю.* «Записки охотника» И.С. Тургенева и лирика Н.А. Некрасова в критических суждениях С.С. Дудышкина // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 90–97.
25. *Степина М.Ю.* «Родственники» И.И. Панаева — «Саша» Н.А. Некрасова — «Рудин» И.С. Тургенева: контекст и оценки // Спасский вестник. 2013. № 21. С. 98–106.
26. *Степина М.Ю.* Н.А. Некрасов в русской критике 1838–1847 гг.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2013.
27. *Степина М.Ю.* Тургеневский отзыв о Некрасове и тема биографии поэта // Спасский вестник. 2007. № 14. С. 134–142.
28. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–2014.

Mariya Stepina

**TURGENEV AND EARLY NEKRASOV:
“A TURN TO THE TRUTH”**

*Institute of Russian literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences,
Admiral Makarov emb., 4, St. Petersburg, Russia, 199034*

This article discusses Nikolai Nekrasov's poems and Ivan Turgenev's pieces of poetry written in the early 1840's. It is believed that the creative proximity of the two poets who would raise questions to do with of national character and people's everyday life can be found in 1847 or later, when Turgenev started to publish *A Hunter's Notes*. Drawing on Nekrasov's declarations in the early 1840s which reject lyrical poetry and practicing parodies and poetic feuilletons, it is shown that Nekrasov was an attentive reader of Turgenev's poems. What's more, after the critic Belinsky had made an acquaintance with Turgenev and Nekrasov, in 1843, orally, and in an article in 1847, in writing, he gave a laudatory assessment to Turgenev's poems. In 1843, in his critical article Nekrasov speaks of Turgenev

as Lermontov's successor. The anthology of Nekrasov's works echoes Turgenev's poems at the level of subject matter, the choice of a hero, and methods of creating poetry which go back to the ironic poems of Pushkin and Lermontov. Nekrasov, as an early Turgenev, had mastered the "story in verse", the narrative style of creating a piece of poetry, dialogues involving the character's speech, and irony. It is argued, finally, that Turgenev's poetic works served as a literary reference point for Nekrasov in the first half of the 1840s.

Key words: Turgenev; Nekrasov; Belinsky; Lermontov; poem; criticism; individual poetics.

About the author: *Mariya Stepina* — PhD, Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences (e-mail: m.stepina.spb@mail.ru).

References

1. Belinskii V.G. *Polnoe sobr. soch. i pisem*: v 13 tt. [Complete works and letters: in 13 vol.] Moscow: *Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR* [USSR AS Publishers], 1953–1959.
2. Bitiugova I.A. *Nekrasov Nikolai Alekseevich, Lermontovskaia entsiklopediia* [Nekrasov Nikolay, Lermontov Encyclopedia]. Moscow: *Sovetskaia Entsiklopediia* [Soviet Encyclopedia], 1981, pp. 338–339.
3. Garkavi A.M. *Poema "Sasha", Nekrasovskii sbornik* [The tale "Sasha", Nekrasov collection]. Moscow; Leningrad: *Nauka* [Science], 1956, pp. 130–139.
4. Danilevskii G.P. *Obzor deiatel'nosti russkoi literatury XIX stoletia s 1800 po 1850 god i sovremennye literaturnye novosti* [Review of the XIX cent. Russian literature from 1800 to 1850th and modern literary news], *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [*St. Petersburg Gazette*], 1850. № 11 (14 Jan.).
5. <Kol'tsov A.V.> *Stikhotvoreniia*. S portretom avtora, ego faksimile i stat'eiu o ego zhizni i sochineniakh, pisannoiu V. Belinskim. Saint-Petersburg, 1846.
6. Kol'tsov A.V. *Sochineniia* [Works]. Leningrad: *Hudozhestvennaja literatura* [Leningrad: Literature], 1984.
7. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.A. Nekrasova: v 3 tt.* [Chronicle of N.A. Nekrasov's life&work: in 3 vol.] Saint-Petersburg: *Nauka* [Science], 2006. Vol. 1.
8. Mai Tsin. *Siuzhet o Vaniushke-kliuchnike v stikhotvorenii N.A. Nekrasova "Ogorodnik" i "Ballade" I.S. Turgeneva* [The plot of The Vanya-keeper in the poem N.A. Nekrasov "Ogorodnik" and "Ballad" I.S. Turgenev], *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Ser. 9: Filologiya. 2015 [Series 9: Philology]. № 5, pp. 154–159.
9. Maslov V.S. *Nekrasov i Turgenev. K voprosu o literaturnykh vzaimootnosheniakh ("Sasha" i "Rudin")* [Nekrasov and Turgenev. On literary relations ("Sasha" and "Rudin")], *O Nekrasove. Stat'i i materialy* [About Nekrasov. Papers and data]. Iaroslavl': *Verhne-Volzhs кое knizhnoe izdatel'stvo* [Upper Volga Book Publishers], 1971. Issue III, pp. 136–153.

10. Mostovskaia N.N. I.S. Turgenev i N.A. Nekrasov (Problema tvorcheskikh vzaimootnoshenii) [I.S. Turgenev and N.A. Nekrasov: The problem of creative relations]: *Avtoref. diss. ... doktora filologicheskikh nauk* [thesis abstract of doctor of Philology]: 10.01.01. Saint-Petersburg, 1999. [Mostovskaia, 1999a]
11. Mostovskaia N.N. “Nekrasovskoe” v romane Turgeneva “Nov” [Nekrasov traits in Turgenev’ novel “Virgin soil”], *Russkaia literatura* [Russian literature]. 1996. № 3, pp. 115–125.
12. Mostovskaia N.N. “Stikhotvoreniia v proze” I.S. Turgeneva i “Poslednie pesni” N.A. Nekrasova [“Poems in prose” by I.S. Turgenev and “The Last songs” by N.A. Nekrasov], *Karabikha: istoriko-literaturnyi sb.* [Karabikha: historical and literary collection]. Iaroslavl’, 1993. Issue 2, pp. 167–173.
13. Mostovskaia N.N. *Iz polemiki vokrug “Vospominanii o Belinskom” Turgeneva* [Something about the controversy around the “Memories of Belinsky” by Turgenev], *Nekrasovskii sbornik* [Nekrasov collection]. Saint-Petersburg: *Nauka* [Science], 2008. № 14, pp. 233–239.
14. Mostovskaia N.N. *Nekrasov i Turgenev (iz literaturnoi polemiki 1840–1850-kh godov)* [Nekrasov and Turgenev: some aspects of 1840th–1850th literary controversy], *I.S. Turgenev. Voprosy biografii i tvorchestva* [I.S. Turgenev. Aspects of biography and work]. Leningrad: *Nauka* [Science], 1990, pp. 67–78.
15. Mostovskaia N.N. *Ob odnoi tvorcheskoi pereklichke (Nekrasov i Turgenev)* [On one creative controversy: Nekrasov and Turgenev], *Siuzhet i vremia: sb. nauch. trudov k 70-letiiu G.V. Krasnova* [The plot and time: in honour of G.V. Krasnov’ 70th anniversary] Kolomna: *Kolomna pedagogical Institute*, 1991, pp. 104–108.
16. Mostovskaia N.N. *Turgenev i Nekrasov. Protivostoianie* [Turgenev and Nekrasov: an opposition], *Russkaia literatura* [Russian literature]. 1999. № 1, pp. 45–53. [Mostovskaia, 1999b].
17. Mostovskaia N.N. *Turgenev i Nekrasov (problema tvorcheskikh vzaimootnoshenii v 50-e gody)* [Turgenev and Nekrasov: The problem of creative relations in the 50s], *Tvorchestvo I.S. Turgeneva: problema metoda i mirovozzreniia* [I.S. Turgenev’s Work: the problem of method and worldview]. Orel: *Orel State Pedagogical Institute*, 1991, pp. 25–34.
18. Mostovskaia N.N. *Memento mori u Turgeneva i Nekrasova* [Memento mori of Turgenev and Nekrasov], *Russkaia literatura* [Russian Literature]. 2000. № 3, pp. 149–155.
19. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tt.* [Complete works and letters: in 15 vol.] Leningrad (Saint-Petersburg), *Nauka* [Science], 1981–2000.
20. Panaev I.I. *Literaturnye vospominaniia* [Literary memoirs]. Moscow: Pravda [The Truth], 1988.
21. Skatov N.N. *Nekrasov*. Moscow: Molodaja gvardija [The Young Guard], 1994.
22. Skatov N.N. N.A. Nekrasov i I.S. Turgenev (*K istorii sozdaniia stikhotvoreniia Nekrasova “T<urgene>vu”*) [N.A. Nekrasov and I.S. Turgenev

- (The history of Nekrasov' poem "To Turgenev" creation)], *Stranitsy istorii russkoi literatury* [The pages of the Russian literature history]. Moscow: Nauka [Science], 1971, pp. 376–384.
23. Stepina M.Iu. *Dramaticheskie opyty N.A. Nekrasova 1850-kh gg. v kontekste ego kriticheskikh suzhenii o I.S. Turgeneve* [N.A. Nekrasov' drama experiments of the 1850s in the context of his critical remarks on I.S. Turgenev], *Spasskii vestnik* [Spassky Herald]. 2015. № 23, pp. 81–92.
 24. Stepina M.Iu. "*Zapiski okhotnika*" I.S. Turgeneva i lirika N.A. Nekrasova v kriticheskikh suzheniiakh S.S. Dudyshkina [Turgenev' "A Sportsman' Sketches" by Turgenev and N.A. Nekrasov' lyrics in S.S. Dudushkin' literary criticism], *Spasskii vestnik* [Spassky Herald]. 2012. № 20, pp. 90–97.
 25. Stepina M.Iu. "*Rodstvenniki*" I.I. Panaeva — "*Sasha*" N.A. Nekrasova — "*Rudin*" I.S. Turgeneva: kontekst i otsenki [I.I. Panaev' "The Relatives" — N.A. Nekrasov' "Sasha" — I.S. Turgenev' "Rudin": the context and evaluations], *Spasskii vestnik* [Spassky Herald]. 2013. № 21, pp. 98–106.
 26. Stepina M.Iu. *N.A. Nekrasov v russkoi kritike 1838–1847 gg.*: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [N.A. Nekrasov in Russian literary criticism, 1838–1847: PhD thesis abstract]. Saint-Petersburg: *Institute of Russian literature*, 2013.
 27. Stepina M.Iu. *Turgenevskii otzyv o Nekrasove i tema biografii poeta*, *Spasskii vestnik* [Spassky Herald]. 2007. № 14, pp. 134–142.
 28. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tt.* [Complete works and letters: In 30 vol.]. Moscow: Nauka [Science], 1978–2014.

М.А. Бороздина

**ИТАЛЬЯНСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. ЧАЕВА:
К ВОПРОСУ ОБ ЭПИГРАФЕ К ПОЭМЕ «НАДЯ»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Настоящая статья посвящена проблемам восприятия и творческого переосмысления итальянской темы в творчестве Н.А. Чаева. По нашему глубокому убеждению, любопытным опытом прочтения дантовского варианта этой темы представляется единственная поэма Чаева «Надя», эпиграф к которой содержит отсылку к 22-му стиху II песни последней кантики «Божественной Комедии» Данте. Приводя итальянский вариант, Чаев предлагает и свой перевод, который не лишен определенной доли полемичности. В статье анализируются возможные причины, в связи с которыми Чаев весьма существенно видоизменил исходный текст. В работе отмечается соотношение Нади Чаева с дантовской Беатриче и то, что сюжетная основа поэмы Чаева напоминает переработанную модель дантовского сюжета, связанного с ситуацией духовного преображения героя. Надя, безусловно, напоминает Беатриче, но она именно земная Беатриче: она ближе к реальности, чем ее литературная предшественница. В основе этого, мы полагаем, лежит принципиальная художественная установка Чаева: он не смотрит в небо, он, как и его героиня, хочет быть ближе к «земле». Интерес писателя к разработке итальянской темы, обусловленный не в последнюю очередь глубоким и искренним интересом Чаева к Италии, представляется вполне объяснимым, поскольку он в немалой степени был актуален для русской культуры середины XIX в.

Ключевые слова: история русской литературы; компаративистика; Н.А. Чаев; Данте Алигьери; русская поэма; лиро-эпический жанр; русская поэзия; Беатриче; итальянская тема.

Творчество Н.А. Чаева, драматурга, прозаика и поэта второй половины XIX столетия, не становилось предметом пристального изучения современных исследователей литературы, хотя многие современники автора драм и хроник из древней русской истории — П.В. Анненков, А.М. Скабичевский, Д.И. Писарев — высоко оценивали его сочинения, в особенности драматические [Анненков,

Бороздина Мария Александровна — специалист по учебно-методической работе кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: maria.boro@gmail.com).

1879; Скабичевский, 1903; Писарев, 1956]. То, что писатель сыграл далеко не последнюю роль в русской общественной жизни, неоднократно отмечалось в отечественном литературоведении [Макеев, 1996; Миловзорова, 2007]. Однако литературная деятельность Чаева изучена крайне скупо. То же можно в полной мере сказать о вкладе писателя в разработку итальянской темы, обусловленную не в последнюю очередь глубоким и искренним интересом Чаева к Италии и связанную с восприятием и творческим переосмыслением в некоторых его текстах итальянской культуры.

По окончании юридического факультета Московского университета, в начале 1850-х годов, Чаев отправляется в путешествие по Италии. Он едет в страну, которая, судя по всему, произвела на него неизгладимое впечатление. В 1853 г. во время своей заграничной поездки драматург знакомится с художником А.А. Ивановым, к тому моменту еще не завершившим «Явление Христа народу», но уже работавшим над ним без малого 20 лет [Русская интеллигенция: Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова, 2001–2010: 543]. Влияние, которое эта встреча оказала на Чаева, отразилось в его рассказе 1859 г. «Живописец» [Чаев, 1859]. Впрочем, это не единственное произведение писателя, в которых нашли отражение его итальянские путешествия: в одном из личных фондов Чаева в музее имени А.А. Бахрушина находится автограф «Заметок об Италии», датированный июлем того же 1853 г. [ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Ф. 296. Оп. 1. Ед. хр. 1]. Образ Италии не обошел стороной и романы Чаева 1870-х годов — «Подспудные силы» и «Богатыри», действие в которых разворачивается в том числе в Италии.

Любопытный опыт прочтения дантовского варианта итальянской темы содержит единственная поэма Чаева «Надя», создававшаяся в самые «непоэтичные» для XIX в. семидесятые годы, когда в русской литературе господствовали прозаические жанры [История русской литературы XIX века. 70–90-е годы, 2001: 44–45].

Итальянская тема обнаруживает себя уже в рамочном комплексе: эпитафия отсылает читателей к 22-му стиху II песни последней кантики «Божественной Комедии» Данте. В оригинале находим: “Beatrice in suso, e io in lei guardava” [Dante Alighieri, 1986], что в буквальном переводе означает: «Беатриче смотрела ввысь, а я на нее». Чаев же, приводя итальянский текст, ниже в скобках предлагает читателю вольный перевод этой фразы, выполненный с определенной долей полемичности: «Беатриче глядела в высь, а я не Беатриче» [Чаев, 1878: 3]. В сущности, автор таким образом переносит акцент с рассказчика на героиню, от лица которой, очевидно, звучат эти слова. Указать на возможные причины, в связи с которыми Чаеву

понадобилось слегка или даже весьма существенно видоизменить исходный текст, мы и попытаемся.

Известно, что «три первые *песни* <курсив наш. — М.Б.>» поэмы Чаев читал на заседании Общества любителей российской словесности еще в 1875 г. [Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете, 1911: 306], однако издал ее тремя годами позднее, что, видимо, было связано с необходимостью расставить в сочинении иные акценты. Отметим ключевую, по нашему глубокому убеждению, деталь, напрямую связанную с трансформацией авторского замысла: Чаев меняет название поэмы (сначала она называлась «Детство» [Чаев, 1896]). Здесь, как и в «дантовском» эпиграфе, проявилось, на наш взгляд, принципиально значимое намерение автора изменить ракурс восприятия поэмы. Важным оказывается не столько размышление героя о прошлом, о детстве («Родимый дальний край, златые детства дни! / Сокровища моей измученной души — / Воспоминания о прошлом, речи, думы...» [Чаев, 1878: 7–8]), сколько воссоздание в его сознании образа двоюродной сестры, безвременно ушедшей из жизни в раннем возрасте.

С известной долей осторожности позволим себе указать на некоторую типологическую соотнесенность Наденьки, «девочки с венком» [Чаев, 1878: 8], с дантовской Беатриче. В данном случае важно не только и не столько то, что героини ровесницы (Надя пребывает в девятилетнем возрасте в тот момент, который подробно описывается рассказчиком, и, как известно, возлюбленной Данте было девять лет, когда он впервые увидел Беатриче): важнее, какое влияние они оказывают на окружающих. Всё рядом с ними становится лучше, люди испытывают чувство умиротворения: «А у крыльца уж ждет толпа друзей-ребят, — / Пришли проститься; к Наде ближе норовят. / У няни на руках, нарядная, как фея, / Она тянулась к ним, от радости краснея <...> Цenia признательность, детей гурьба, / Бегом, задворками, и, смотрим, у столба, / С количеством дворов и душ мужского пола, / Как выросли из-под земли...» [Чаев, 1878: 27]; «Я понял лишь теперь, о чем мадам Кутлай, / Любуясь Надею, порою, невзначай, / Украдкою от нас, тихохонько вздыхала; / А раз, гляжу, слеза скатилась и упала / Зерном-жемчужиной...» [Чаев, 1878: 56]; «... и здесь <в московском пансионе. — М.Б.> сестра, волшебница, успела / Околдовать; одна подруга подлетела, / Когда мадам ушла; другая целовать / Мадам Кутлай, ее... Ну, вот ни дать, ни взять / В Васильеве друзья-ребята у коляски... / От всех улыбки ей, объятья, шутки, ласки...» [Чаев, 1878: 73]. Напомним, что один из вариантов перевода имени Беатриче на русский язык — «благодатная» [Хлодовский, 1993]. В этом отношении цитату из Данте в анализируемой

поэме с высокой долей вероятности можно связать с тем, что Чаев находился в кругу основополагающих дантовских идей.

Однако автор не ограничивается своеобразным сопоставлением своей героини с возлюбленной Данте, заявленным в эпиграфе. Сюжетная основа произведения напоминает переработанную модель дантовского сюжета, связанного с ситуацией духовного преображения, главную роль в котором играет героиня, несущая в мир благо. В «Комедии» так называемое восстановление человека происходит в Чистилище: именно там, по мысли поэта, оказываются люди, при жизни раскаявшиеся в своих грехах. С.П. Шевырев, один из лучших знатоков Данте в русской культуре XIX в., называл «Чистилище» этапом «сна», который «растворен надеждою» [Шевырев, 1834: 345]. В поэме Чаева Надя, кузина рассказчика, становится единственным «проводником» главного героя по жизни (здесь нет «Вергилия», который по просьбе Беатриче помог Данте преодолеть путь через Ад и Чистилище). Она сама словно спускается с небес на землю: «Лишь звездочкою ясной/ Над мраком, Надя, знай, сияла, как прекрасный/ Небесный житель, гость из горней стороны./ Куда избранных заводят сердца сны, —/ Надежды спутники, — молитвы вдохновенья,/ Любви предвещенья и веры откровенья» [Чаев, 1878: 100]. Мы предполагаем, что этим и объясняется, по Чаеву, различие между двумя героинями, которое заявлено уже в эпиграфе. Наденька, девочка с золотыми кудрями, конечно, напоминает Беатриче, но она именно земная Беатриче, поскольку ближе к реальности, чем ее литературная предшественница. Ее взор не устремлен в небо, а охватывает все земное, возможно, потому, что сам автор — земной человек, несмотря на то что мысль о «восстановлении» человека ему не чужда. Мы глубоко убеждены, что в основе этого лежит принципиальная художественная установка Чаева: он не смотрит в небо, он, как и его героиня, хочет быть ближе к «земле».

Интерес к дантовскому варианту итальянской темы у Чаева представляется вполне объяснимым. 1850-е годы в России отмечены работой над поэтическим переводом «Комедии» и появлением современных творческих аналогов творения Данте [Беляева, 2018: 214]. Как ранее отмечалось, Чаев тоже пережил увлечение Италией, поэтому весьма вероятно, что его стихотворный текст сложился не без влияния дантовской поэмы, как «Божественную Комедию» предпочитали называть в России. Само обращение Чаева к архаическому жанру поэмы в эпоху расцвета прозы, прежде всего повести и романа, представляется нам отнюдь не случайным, хотя ранее он поэм не писал. И хотя речевая стихия произведения напоминает скорее язык русской стихотворной новеллы, который сложился со времен пушкинского «Домика в Коломне», Чаев не боится ирони-

ческих интонаций, характерных для этого варианта лиро-эпических форм. Наоборот, он ищет свой путь для поэтизации повседневности, примиря разговорное, сниженное с высокой задачей, которую может решать жанр поэмы. Впрочем, А.А. Илюшин отмечал, что и «“Божественная Комедия”, живописующая загробный мир, тем не менее человечна, пристрастна, дышит жизнью: потустороннее в ней не заслоняет земного» [Илюшин, 1988: 7]. Безусловно, Чаев был ограничен в своей творческой задаче своими художественными возможностями, но его опыт интересен с историко-литературной точки зрения.

Н.А. Чаев, как и Данте, жил в беспокойное и тяжелое для страны время. В своей поэме «Надя» писатель попытался развить дантовскую идею «восстановления» человека, художественным образом трансформировав ее под реалии жизни русской. Мы склоняемся к тому, что чаевская концепция русской жизни реализуется в поэме почти так же, как у Тургенева и Гончарова [Беляева, 2018: 214–215; 2016: 44–52], и заключается в тесной, хотя не всегда очевидной взаимосвязи высокого (дворянского) и народного (крестьянского) миров в пространстве усадебного бытия. Оттого Надя, этот современный русский аналог Беатриче, одновременно и «птичка», готовая в любой момент вспорхнуть на радугу-дугу [Чаев, 1878: 55–56], и девочка, которая обеими ногами твердо стоит на земле.

Список литературы

1. *Анненков П.В.* Чаев и гр. А.К. Толстой в 1866 г. // Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки. Отд. 2. СПб, 1879. С. 323–341.
2. *Беляева И.А.* Сюжет спасения в русском классическом романе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 6. С. 44–52.
3. *Беляева И.А.* Творчество И.С. Тургенева: фаустовские контексты. СПб, 2018.
4. Заметки об Италии // ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Ф. 296. Оп. 1. Ед. хр. 1.
5. *Илюшин А.А.* Поэт и его творение // Данте Алигьери. Божественная Комедия. М., 1988. С. 5–20.
6. История русской литературы XIX века. 70–90-е годы: Учебник / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой, В.Б. Катаева. М., 2001.
7. *Макеев М.С.* Николай Александрович Чаев // Русские писатели. XIX век. Библиографич. словарь: В 2 ч. Ч. 2: М–Я / Под ред. П.А. Николаева. М., 1996. С. 380–381.
8. *Миловзорова М.А.* А.Н. Островский и Н.А. Чаев: движение стиля // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2007. № 2. С. 184–190.

9. Писарев Д.И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д.И. Литературная критика: В 4 т. Т.3. М., 1956. С. 275–276.
10. Русская интеллигенция: Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова: В 2 т. Т. 2. СПб, 2001–2010. С. 543–544.
11. Скабичевский А.М. Литературные противоречия // Соч.: В 2 т. Т. 1. СПб, 1903. С. 749–788.
12. Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете, 1811–1911. М., 1911. С. 306.
13. Хлюдовский Р.И. Беатриче. О жизненных смыслах любви и красоты: Вступительное слово на конференции // Дантовские чтения-90. М., 1993. С. 8–13.
14. Чаев Н.А. Живописец // Московский вестник. 1859. № 19–21.
15. Чаев Н.А. Надя. Поэма. М., 1878.
16. Чаев Н.А. Стихотворения Н. Чаева. М., 1896.
17. Шевырев С.П. Дант и его век: Исследование о Божественной Комедии // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. № 7–9.
18. Dante Alighieri. Purgatorio // La Divina Commedia: in 3 t. Т. 2. Milano, 1986.

Maria Borozdina

**ITALY IN THE WORKS OF NIKOLAI CHAEV:
ABOUT THE EPIGRAPH TO THE POEM *NADIA***

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article talks about perception and creative reappraisal of the Italian theme in the works of the Russian writer Nikolai Chaev. It is argued that the only poem written by the author of *Nadia* and having as an epigraph verse 22 of song II of the last Canto in Alighieri's Divine Comedy is a special experience of reading through Dante's version of this theme. Along side with the Italian version Chaev offers his own translation of this phrase, which is quite polemical. This research seeks to show why Chaev greatly modified the original source text. Methodologically, the article is based on the principles of comparative historical criticism. The paper notes, on the one hand, the typological correlation of the heroine of Chaev's poem *Nadia* with Dante's Beatrice, and, on the other hand, the fact that Chaev's plot essentially resembles Dante's model which is concerned with the hero's spiritual transformations. Research establishes the difference between the two heroines. Although *Nadia* resembles Beatrice, she is an earthly Beatrice, as unlike her literary predecessor she is a down-to-earth creature. At the core of this, we believe, lies Chaev's principle: not to look into the sky, but be down to earth. Chaev's interest in the Italian theme, which is not least due to his deep and

sincere interest in Italy, appears entirely clear, as it was very much typical of the Russian culture in the mid-19th century.

Key words: history of Russian literature; comparative studies; N.A. Chaev; Dante Alighieri; Russian poem; lyric-epic genre; Russian poetry; Beatrice; Italian theme.

About the author: *Maria Borozdina* — Teaching Assistant, Department of Russian Language for Foreign Students at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: marria.boro@gmail.com).

References

1. Annenkov P.V. Chaev i gr. A.K. Tolstoj v 1866 g. [Chaev and a count A.K. Tolstoy in 1866]. *Vospominaniya i kriticheskie ocherki*, [Memories and Critical Essays] SPb, *M. Stasiulevich Publ.*, 1879, Otd. 2, pp. 323–341. (In Russ.)
2. Belyaeva I.A. Syuzhet spaseniya v russkom klassicheskom romane [The plot of salvation in Russian classic novel]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*, [Philology. Scientific reports of higher education] 2016. № 6, pp. 44–52. (In Russ.)
3. Belyaeva I.A. *Tvorchestvo I.S. Turgeneva: faustovskie konteksty*. [The works of I.S. Turgenev: Faustian Contexts] SPb, *Nestor-Istoriya Publ.*, 2018. 248 p. (In Russ.)
4. Zametki ob Italii [Notes on Italy]. *GCTM im. A.A. Bahrushina [SCTM nam. after A.A. Bakhrushin]*. F. 296. Op. 1. Ed. hr. 1.
5. Ilyushin A.A. Poeht i ego tvorenie [Poet and his creation]. *Dante Alig'eri. Bozhestvennaya Komediya*. [Dante Alighieri. The Divine Comedy] M., Prosveshchenie Publ., 1988, pp. 5–20. (In Russ.)
6. *Istoriya russkoj literatury XIX veka. 70–90-e gody* [History of Russian literature of the XIX century. 70–90s]: Uchebnik, pod red. V.N. Anoshkinoy, L.D. Gromovoj, V.B. Kataeva. M., *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 2001. 800 p. (In Russ.)
7. Makeev M.S. Nikolaj Aleksandrovich Chaev [Nikolay Aleksandrovich Chaev]. *Russkie pisateli. XIX vek. Bibliograficheskij slovar'* [Russian writers. XIX century. Bibliographic Dictionary]: V 2 ch. Ch. 2: M–YA, pod red. P.A. Nikolaeva, M., *Prosveshchenie Publ.*, 1996, pp. 380–381. (In Russ.)
8. Milovzorova M.A. A.N. Ostrovskij i N.A. Chaev: dvizhenie stilya [A.N. Ostrovsky and N.A. Chaev: style movement]. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo himiko-tehnologicheskogo universiteta*, [Bulletin of the Faculty of Humanities of the Ivanovo State University of Chemical Technology] 2007, № 2, pp. 184–190. (In Russ.)
9. Pisarev D.I. Progulka po sadam rossijskoj slovesnosti [Walk through the gardens of Russian literature]. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]: In 4 vol. Vol. 3. M., *Khudozhestvennaia Literatura Publ.*, 1956, pp. 251–305. (In Russ.)

10. *Russkaya intelligenciya: Avtobiografii i biobibliograficheskie dokumenty v sobranii S.A. Vengerova* [Russian intelligentsia: Autobiographies and biobibliographic documents in the collection of S.A. Vengerov]: V 2 t. T. 2, pod red. V.A. Myslyakova. SPb, *Nauka Publ.*, 2001–2010, pp. 543–544. (In Russ.)
11. Skabichevskij A.M. Literaturnye protivorechiya [Literary contradictions]. *Sochineniya* [Writings]: V 2 t. T. 1. SPb, 1903, pp. 749–788. (In Russ.)
12. Slovar' chlenov Obshchestva lyubitelej Rossijskoj slovesnosti pri Moskovskom Universitete, 1811–1911. [Dictionary of members of the Society of lovers of Russian literature at Moscow University, 1811–1911] M., 1911, p. 306. (In Russ.)
13. Hlodovskij R.I. Beatrice. O zhiznennyh smyslah lyubvi i krasoty: Vstupitel'noe slovo na konferencii [Beatrice. On the life meaning of love and beauty: Opening remarks at the conference]. *Dantovskie chteniya — 90*. [Dante readings — 90] M., *Nauka Publ.*, 1993, p. 8–13. (In Russ.)
14. Chaev N.A. Zhivopisec [The Painter]. *Moskovskij vestnik* [Moscow Herald], M., 1859. № 19–21. (In Russ.)
15. Chaev N.A. Nadya. Poehma [Nadia. The Poem]. M., *Rodzevich Typography*, 1878. 103 p. (In Russ.)
16. Chaev N.A. Stihotvoreniya N. Chaeva [Poems of N. Chaeva]. M., *I.N. Kushnerev and Co Typo-lithographs*, 1896. 142 p. (In Russ.)
17. Shevyrev S.P. Dant i ego vek: Issledovanie o Bozhestvennoj Komedii [Dant and His Century: A Study on the Divine Comedy]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Scientific notes of the Imperial Moscow University], 1834, ch. 3, № 7–9. (In Russ.)
18. Dante Alighieri. Purgatorio. *La Divina Commedia* [The Divine Comedy]: in 3 t. T. 2. Milano, 1986.

Т.В. Левицкая

**«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ОСВЕЩЕНИИ
Н.А. ЛУХМАНОВОЙ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Литературная деятельность Надежды Александровны Лухмановой (1841–1907) демонстрирует широкий диапазон женского творчества на рубеже XIX–XX веков. Феминистский заряд, свойственный ему в целом, очень по-разному реализовывался в каждом конкретном случае. Яркий пример тому — работы Н.А. Лухмановой. Несмотря на упреки современников в консерватизме при решении «женского вопроса», Лухманова своей активной жизненной и творческой позицией доказывает обратное. В своих статьях и лекциях она неоднократно обращается к проблеме эмансипации, освещая проблемы женщин различных социальных слоев. Особое внимание обратил на себя сборник очерков «Черты общественной жизни» (1898), высокую оценку которому дал В.В. Розанов в статье «Женщина перед великою задачей» (1898), а спустя почти сто лет сделал отправной точкой своих размышлений В.Г. Распутин в статье «Cherchez la femme. Вечный женский вопрос...» (1989). Розанов и Распутин во многом разделяют мнение Лухмановой о тех негативных изменениях, которые претерпели женщина и ее поведение в новых общественных условиях, указывают на утрату семейных ценностей, на нежелание женщины соответствовать нравственному идеалу, но — в отличие от Лухмановой — призывают женщину, дабы избежать негативного влияния, сохранять прежнее место в обществе, придерживаться патриархальных традиций. Они отводят ей почётное, но ограниченное место «хранительницы культуры», тогда как Лухманова ищет пути для самореализации женщин. Решение многих проблем она видит в изменении подходов к воспитанию и образованию, в достойной оплате женского труда. Лухманова принимает неизбежность и необходимость перемен, но настаивает на последовательных и ненасильственных методах выхода из кризиса, утверждая, что только таким способом возможно гармоничное вовлечение женщины в общественную жизнь. Ее публицистические размышления самым непосредственным образом соприкасались с ее собственным художественным творчеством, где она рисовала образы загубленных традиционным воспитанием женщин.

Левицкая Татьяна Владимировна — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tanuhamozzcka@yandex.ru).

Ключевые слова: Н.А. Лухманова; «женский вопрос»; женское творчество; В.В. Розанов; В.Г. Распутин; эмансипация.

На сегодняшний день творческое наследие Лухмановой мало изучено, и в сознании современного читателя она предстает прежде всего как автор повести «Двадцать лет назад. Из институтской жизни» (позднее выходявшее под заглавием «Девочки. Воспоминания из институтской жизни»). В различных источниках даются противоречивые точки зрения по поводу биографии писательницы. Например, год рождения в библиографическом словаре «Русские писатели 1800—1917» (1994) заявлен как 1844 г., в словаре *Dictionary of women writers* (1992) — 1840 г., в книге А.Г. Колмогорова «Мне доставшееся» (2013) дата рождения: 2 декабря 1841 г. (эту информацию автор дает на основании формулярных списков отца Лухмановой). Незаслуженно забытое более чем на век творчество поражает объемом и жанровым разнообразием: рассказы, повести, очерки (особого внимания заслуживают «Очерки из жизни в Сибири» (1895)), пьесы (оригинальные и переводные). Помимо написания художественных произведений Лухманова также проявила себя как талантливый журналист и лектор. Свою журналистскую карьеру она начала в последнее десятилетие XIX в. с публикаций статьей и фельетонов под различными мужскими псевдонимами (Лухманов, Барон Ф., Поклонник женщин, Несчастный муж и др.), а иногда и прибегая к литературным мистификациям: писательница создавала собственный текст, но выдавала его за перевод с иностранного языка. Соккрытие своего имени — достаточно распространенное явление в тот период, когда «и в литературном поле, и в публичной сфере в целом положение женщин-писательниц было явно неравноправным» [Аникудинова, 2018: 163]. Но хотя «время обрекало женщину на молчание» [Михайлова, 2001: 159], Лухмановой удалось обрести популярность и признание читателей. Ее повесть «Двадцать лет назад. Воспоминания из институтской жизни» (1893) получила высокую оценку Н.К. Михайловского и была опубликована в журнале «Русское богатство», в том же журнале были размещены и первые главы «Очерков из жизни в Сибири» (1895).

На рубеже веков «женский вопрос» все больше утрачивал функции «вопроса» и становился несомненным фактом, но зачастую воспринимался болезненно, так как «именно незыблемое на протяжении веков положение женщины сообщало обществу устойчивость, в том числе и психологическую» [Пономарева 2015: 34—35]. Многие работы Лухмановой были посвящены теме женской эмансипации. Например, в таких статьях, как «Спасибо за русскую женщину» [Петерб. газета, 1904, № 52], «Русская женщина просыпается» [СПб ведомости, 1906, № 159], «Свет идет» [СПб ведомости, 1906, № 161],

«Женщина и деньги» [СПб ведомости, 1906, № 253], она описала положение женщин разных социальных слоев и основные проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться. В работах «Феминизм в Японии» [Петерб. газета, 1903, № 357], «800 жен на выбор» [Петерб. газета, 1903, № 269], «Женский митинг» [СПб ведомости, 1906, № 269] и др. Лухманова проанализировала различные пути решения «женского вопроса», сравнивая иностранный опыт с отечественным. Свои впечатления от участия в русско-японской войне в качестве военного корреспондента и сестры милосердия Лухманова запечатлела в серии статей, материалом которых послужили ее дневниковые записи.

Если попытаться обозначить идеи, выдвинутые Лухмановой в большинстве публицистических и художественных произведений, то можно сформулировать несколько тем, к которым неоднократно обращается писательница: низкий уровень женского образования и недостаточное количество учебных заведений, устаревшие методы воспитания, неправильное понимание современницами сущности «женского вопроса», погоня за модными течениями, утеря значения семьи в обществе, падение нравственности, отсутствие четкой организации женского труда, отсутствие сплоченности среди женщин, критическое отношение к женскому труду и творчеству (зачастую со стороны самих женщин).

В публицистике Лухманова описывала положение женщин различных социальных слоев. Например, в статье «800 жен на выбор» Лухманова пытается привлечь внимание к судьбам женщин из народа и поднимает вопрос образования. Она подчеркивает, что с разрушением традиционных устоев облик женщины в деревне претерпел неутешительные изменения — нет больше некрасовской русской женщины, «есть баба хлипкая <...> распеваящая сквернословные “романсы”, баба злая, неряха, баба, пьющая не хуже любого мужика, баба, готовая каждую минуту покинуть свой дом и семью, и бежать в город на легкий заработок» [Петерб. газета, 1903, № 269: 2]. Нет женщины и на фабрике, есть «распутная девка, давно выучившаяся курить, пить» [там же]. Писательница отмечает, что отсутствие домашнего очага губительно сказывается на рабочем человеке и он все глубже увязает в безнадежном пьянстве и распутной жизни.

В поисках решения этой проблемы Лухманова обращается к иностранному опыту, а именно к школе для бедных девушек, организованной в Лондоне Эдуардом Стивенсом. В школу принимают любую девушку, готовую учиться и прошедшую медицинское освидетельствование. Учениц обучают шить, готовить, ухаживать за детьми, бороться с пьянством; воспитывают сознательное отношение к браку: «в мужчине видеть не миленького, и не “душку” для

препровождения времени, а верного товарища на всю жизнь» [там же]. Искаженное восприятие противоположного пола, сложившееся в обществе, писательница считала основной проблемой взаимоотношений и акцентировала на этом внимание во многих своих работах. Например, в лекции «Недочеты жизни современной женщины» Лухманова подвергает критическому анализу понимание любви, культивируемое многими поколениями женщин: «явится “он” и раскроет перед нею двери, дающие доступ в какой-то волшебный дворец, полный блеска, радости и богатства <...> не надо было ни ума, ни талантов, ни знания — одна красота с умением понравиться и завлечь <...> Любовь была сутью жизни, а мужчина был только необходимым аксессуаром» [Лухманова, 1904: С. 30–31] Это в корне неверное отношение к любви и браку Лухманова отмечает у большинства женщин независимо от их социальной принадлежности.

В вышеупомянутой статье писательница по контрасту с английским опытом критикует российскую благотворительность: меценатки, открывая приюты, невольно насаждают там эстетику, чуждую простому народу, пытаясь из простой девочки воспитать «полубарышню», которая после окончания «предпочтет гулять ночью в трехаршинной шляпе и с тросточкой в руках, чем быть женой простого рабочего» [там же]. Лухманова с горечью отмечает, что эти девушки с ложными представлениями о красоте и достатке, отсутствием привычки к труду зачастую заканчивают свой жизненный путь в публичном доме.

Тяга к роскошной жизни описана Лухмановой в статье «Чулки», где она демонстрирует, как зависимость от принадлежности туалета может превратить горничную в проститутку. Писательница на примере чулок рисует «восходящую линию женского благосостояния»: «в жизни многих женщин чулки от грубых нитяных до ажурно-шелковых проходят этапами жизни» [Петерб. газета, 1903, № 279: 2]. Она передает историю девушки, служившей горничной, через изменения ее гардероба: толстые шерстяные чулки сменились на черные шелковые, подаренные «знакомым баринном», к ним прибавились перчатки и лаковые башмачки с французским каблуком. Через три года ее крошечная каморка была забита цветами и фотографиями «знакомых», а день она не могла закончить без хозяйских вин. За пристрастие к вину она и получила расчет. Писательница, наведя о ней справки, выяснила, что девушка теперь находится в публичном доме. Лухманова задается вопросом, что же в этом случае создало проститутку: голод или лень, и склонна обвинить мужчин, которые в погоне за «свежим товаром» разжигают в простых девушках фантазии о роскошной жизни, корит женщин за тягу к легкому и мнимому успеху.

Основные идеи Лухмановой, касающиеся положения женщины в современном мире, прозвучали в книге «Черты общественной жизни» (1898), состоящей из 28 очерков-рассуждений на социальные темы и начинающейся советом: «Берегитесь, женщины, своего кажущегося успеха, берегитесь открывающейся вам мужской деятельности и, больше всего, берегитесь той равноправности в труде, которой вы так жадно добиваетесь» [Лухманова, 1898: 3]. Она предостерегает читательниц, утверждая, что новые права, за которые ведется столь яростная борьба, могут стать новыми обязанностями. И вынужденная работать, равная мужчине в предъявляемых к ней требованиях, но не в оплате и оценке труда, женщина обречена утратить многие присущие ей качества. Писательница с сожалением отмечает, что ускоряющийся ритм жизни все больше обесценивает понятие семьи, которая прежде была отдельным женским миром.

В очерке «Почему люди не женятся» Лухманова проводит параллель между стремительно дешевеющим миром вещей и изменившимся обликом женщины: «Матери наши говорили нам о безыдных шелковых материях, о бархатах, переходивших из поколения в поколение <...> Невеста, получившая в приданое три шубы, сохраняла их чуть ли не на всю жизнь. Теперь же, купленную в ту зиму, смешно надеть в эту» [Лухманова, 1898: 97]. Автор винит в разрушении облика женщины современную моду, стремление к ложной роскоши и наводнение магазинов поддельными вещами. Это нужно для того, чтобы дать неимущим «суррогат роскоши, иллюзию той жизненной обстановки, которой пользуются богачи — и вот, дерево заменено папье-маше, мрамор — алебастром, слоновая кость — целлулоидом, золото — латуною, бриллианты — “симили”. Началось подражание образцам роскоши, пошел дешевый шелк и бархат, дешевые черные чулки, рыжеющие после первой стирки, стружковая кожа, обклеивающая картонные башмачки <...> Дешевая роскошь дала бедной женщине необыкновенный апломб, потому что с первого взгляда она стала производить впечатление богатой женщины» [Лухманова, 1898: 98–99].

Лухманова обращает пристальное внимание на вещи, подчеркивая, как во многих случаях форма становится важнее сути, подделка заменяет оригинал, материальное побеждает духовное. Легкозаменяемые вещи-однодневки, которые легко сломать и не жаль выбросить, выступают во многих статьях метафорой отношений между людьми. Описывая многочисленные подмены подлинного ложным в попытках достичь иллюзорного успеха, писательница рисует картину оскудения истинных ценностей: в бессмысленной погоне за безделушками женщина теряет свое настоящее лицо.

Высокую оценку «Чертам общественной жизни» дал В.В. Розанов: «Женщина (и девушка) — стерлась; от нее осталось платье, под

которым менее интересный, чем платье, человек. Это так глубоко, до того странно; мы далеки, чтобы выразить отношение свое к этому факту словом “мордочки” (однако — правильным), и находим, что это предмет не насмешки, но скорее рыдания; и оплакиваемое здесь — не женщина только, но вся наша цивилизация. Ибо какова женщина, такова есть или очень скоро станет вся культура» [Бирж. ведомости, 1898, № 117: 2]. Розанов усматривает причину «измельчания» образа женщины в мужском сознании, и как следствие этого «перерождение и упадок чувства женского начала» [там же]. Женщина мешает современному мужчине, она опустилась до уровня низшей и нечистоплотной вещи. «Мужчина почти стесняется <...> когда из-под “гражданина”, “дельца” все еще высовывается в нем возможный муж и отец» [там же]. Возлагая ответственность на мужчин и обвиняя их в оскудении женского облика, Розанов тем самым, в соответствии с патриархальным мировосприятием, лишает женщин права на автономность, для него «мордочка» современной женщины лишь результат обесценивания ее роли в жизни современного мужчины.

Розанов разделяет отношение Лухмановой к браку, видя в нем сакральный смысл, подчеркивая, что таинством является не венчание, а брак, «самое прохождение жизни брачной, что открывается назавтра после венчания и заканчивается с могилой» [Бирж. ведомости, 1898, № 119: 2]. Но несмотря на то что с первого взгляда отношение к браку Лухмановой и Розанова кажется похожим, в нем есть важные отличия. В своем рассуждении о религиозной чистоте и невинности брака Розанов приводит пример из «Семейной хроники» С.Т. Аксакова о женитьбе Куролесова, где «невеста только тогда перестала плакать, когда рядом с нею посадили ее большую куклу, почти с нее величиной, и от которой она не могла оторвать глаз» [Бирж. ведомости, 1898, № 117: 2], подчеркивая необходимость ранних браков как залога безгрешности и святости таинства. Эта точка зрения не может быть разделена Лухмановой, которая сама была жертвой брака по расчету, организованного предприимчивыми родственниками, и часто обращалась к этой теме как автор (например, в романе «Институтка. Продолжение Двадцать лет назад. Из воспоминаний институтской жизни» [Возрождение, 1899—1900, № 8—30: 43—52]). Описывая спокойные, красивые лица «бабок и матерей», Лухманова фиксирует происходящие в обществе перемены: прежде круг женских интересов был четко очерчен и замкнут в рамках семьи, теперь же в стремительно меняющемся мире женщина все чаще, выпав из жизни семейной, нигде более не может найти своего места. Самым же главным врагом браков писательница считает «условную ложь»: «До тех пор, пока не изменится форма брака, пока он не перейдет на

свободный договор двух лиц, вступающих в союз, свобода замужней женщины будет фикцией...» [Лухманова, 1898: 48]. Лухманова видит необходимость в изменении традиционной женской роли в семье, тогда как Розанов склонен обращаться к опыту предков.

Несмотря на положительную оценку сборника статей Лухмановой и подробный его анализ, Розанов использует этот сборник как повод для того, чтобы представить собственные идеи. Сосредоточивая внимание на оскудении образа женщины, на вопросах брака, он лишь вскользь упоминает о предложенных писательницей моделях самоосуществления женщины в изменившемся обществе. По сути, он вновь обрисовывает мужскую картину мира, в которой женщине уготована роль хранительницы, но на сей раз не очага, а культуры: «задача переработать нашу цивилизацию, приблизить ее к своему типу <...> эта задача не только культурная, но и религиозная» [Бирж. ведомости, 1898, № 119: 2].

Эту же книгу Лухмановой, почти через сто лет, упоминает в своей статье “*Cherchez la femme*. Вечный женский вопрос...” В.Г. Распутин: «Музыкальное звучание женщины в мире сделалось прерывистым, ее повлекли механические ритмы, “песнь песней” осталось недопетой, переходя постепенно в “плач плачей” <...> И поэтому ищите женщину. Ищите и находите» [Распутин, 2015: 801–804]. В своей работе Распутин так же, как и Розанов, говорит о влиянии женщины на культуру, с горечью пишет, что из современного мира навсегда исчезла «миротекущая» охранительница очага, призванная беречь духовные заветы. Вместо желанного освобождения произошла мутация: «Женщину совратили публичной значительностью и освободили... от ее извечной и тихой обязанности культурного укоренения народа; духовность она заменила социальностью, мягкость и пронизательность особого женского взгляда — категоричностью, женственность — женоподобием, материнство — болезненным детоношением <...> семейственность — непрочными связями» [Распутин, 2015: 802–803].

В отличие от Розанова и Распутина Лухманова предлагает практические варианты выхода из кризиса. Необходима внутренняя готовность человека принять перемены, а насильственное ускорение процесса приводит лишь к дисгармонии: «Ускорять женский вопрос, кричать о равноправности теперь все равно, что бегать по идущему на всех парах вагону, чтобы ускорить его ход. Вопрос о равноправности идет сам, идет деятельно, но разрешить его вполне может только далекое будущее. Для этого нужны школы и университеты, одинаковые для мальчиков и девочек, одинаковое воспитание, одинаковая дисциплина, одинаковые силы: тогда возродится платоновский человек, один, но разрубленный на две одинаковые половины.

Тогда будет существо мужского пола и существо женского пола, но женщины, в том смысле, как мы привыкли понимать ее теперь, не будет. И будет ли счастливее от этого род людской — решить трудно!» [Лухманова, 1898: 13]. В своем сборнике Лухманова пишет о положении реальной женщины в мире, вопросах эмансипации, тогда как в интерпретации ее статей Розановым и Распутиным, «женщина» выступает абстрактным понятием. В их работах пропагандируются традиционные патриархатные воззрения, а понятие «женственности» относится скорее к вопросам культуры и национального сознания, что сближает их со статьей Н.А. Бердяева «Душа России» (1915). Таким образом, вышеупомянутые работы могут быть ценны с точки зрения «гендерной оптики» [Прохорова, 2016: 139] в истории отечественной журналистики.

Несмотря на упреки в консерватизме и скептическую оценку современников (например, критические отзывы В.Г. Короленко и А.В. Амфитеатрова по поводу лекций писательницы [Подробнее см.: Левицкая, Михайлова: 82–83], брошюра Веры Кудашевой «От русской женщины» (1901) (публичный ответ на книгу «Причина вечной распри между мужчиной и женщиной» (1901)), статья Леонида Андреева «Впечатления» [Курьер, 1903, № 305: 4]), Лухманова не отрицает необходимость перемен, а наоборот, предлагает варианты выхода из сложившейся ситуации. В своей публицистической и лекторской деятельности она призывает женщин не растрчивать себя на видимые формы эмансипации, а обратить свой взор на корни проблем, приложить все силы на борьбу с внешними преградами и внутренними сомнениями.

Список литературы

1. *Аникудимова Е.Н.* Шарлотта Бронте alias Каррел Белл (о функции мужского псевдонима в женской прозе) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. 2018. № 3. С. 162–173.
2. Биографический словарь Русские писатели 1800–1917 / Под ред. П.А. Николаева. Т. 3. М., 1994. С. 417–418.
3. Биржевые ведомости. 1898. № 117. 1 мая.
4. Биржевые ведомости. 1898. № 119. 3 мая.
5. Возрождение. 1899–1900. № 8–30. № 43–52.
6. *Колмогоров А.Г.* Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой. М., 2013.
7. *Кудашева В.* От русской женщины. М., 1901.
8. *Левицкая Т.В., Михайлова М.В.* Публицистическая и лекторская деятельность Н.А. Лухмановой // Вопросы филологии. 2017. № 3. С. 81–87.
9. *Лухманова. Н.А.* Недочеты жизни современной женщины. М., 1904.

10. *Лухманова Н.А.* Причина вечной распри между мужчиной и женщиной. М., 1901.
11. *Лухманова Н.А.* Черты общественной жизни. СПб, 1898.
12. *Михайлова М.В.* Русская интеллигенция Серебряного века: творческая и профессиональная самореализация женщины // *Intelligencja: tradicija I nowe czasy.* Краков, 2001. С. 159–172.
13. *Распутин В.Г.* Cherchez la femme. Вечный женский вопрос... // У нас остается Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / Сост. Т.И. Маршковой. М., 2015.
14. Петербургская газета. 1903. № 269. 1 окт.
15. Петербургская газета. 1903. № 279. 11 окт.
16. *Пономарева В.В.* От «сопутницы человека» до слушательницы университета: толстые журналы 1860-х гг. о женском образовании // *Вестн. Моск. ун-та.* Сер. 10. 2015. № 5. С. 21–37.
17. *Прохорова И.Е.* Русская журналистика XVIII–XIX веков и гендерный анализ: возможности, задачи, «сюжеты» // *Вестн. Моск. ун-та.* Сер. 10. 2016. № 5. С. 130–143.
18. *Dictionary of Russian women writers.* Edited by Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, Mary Zirin. Greenwood Press. 1994. P. 389–392.

Tatiana Levitskaia

NADEZHDA LUKHMANOVA'S INTERPRETATION OF THE 'WOMEN'S ISSUE'

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The literary activity of Nadezhda Likhmanova (1841–1907) demonstrates a wide range of women's activities at the turn of the 19–20th century. Over that period feminism had become one of the main issues addressed by intellectuals, many of whom viewed it polarly differently. Nadezhda Likhmanova is one such example. Although some critics criticized her for being conservative about 'women's issues', Likhmanova's life and literary method proved the opposite. In her articles and lectures she often referred to the problem of emancipation, highlighting the problems of women from various social strata. Special attention in this paper is paid to the collection of essays *Features of Social Life* (1898), highly appreciated by the Russian philosopher V. Rozanov in his article *The Woman before the Great Task* (1898). After almost a hundred years the Russian writer V. Rasputin made Likhmanova's book the starting point of his reflections in the article *Cherchez la Femme. The Eternal Feminine Question...* (1989). Regarding the negative changes of a woman's image and behavior in new social conditions, Rozanov and Rasputin shared Likhmanova's point of view, noting the loss of family values and women's reluctance to comply with moral standards. In contrast to Likhmanova, they

urge women, in order to avoid a negative influence, to maintain their place in society and keep the patriarchal traditions. They claim that although women have the important role of “keepers of culture”, they should not play an active role in society. Likhmanova, instead, seeks to find a solution for women to be involved in social activities. In her articles and essays she stresses the necessity for women to choose their lifestyle and to engage in self-realization. She believes that many problems can be helped by changing approaches to education, expanding job opportunities, and raising wages for women. Likhmanova accepts the inevitability and necessity of social changes, but insists that crises should be overcome gradually and in a non-violent manner; this is the only way to harmoniously involve women in public life. Her publicistic reflections wholly reflect her literary work, where she describes women ruined by traditional upbringing.

Key words: N.A. Likhmanova; “women’s issue”; female creativity; V.V. Rozanov; V.G. Rasputin; emancipation.

About the author: *Tatiana Levitskaia* — PhD Student, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tanuhamozzzkva@yandex.ru).

References

1. Anikudimova E.N. *Sharlotta Bronte alias Karrel Bell (o funkcii muzhskogo psevdonima v zhenskoj proze)* [Charlotte Bronte, alias Currer Bell (the role of a male pseudonym in women’s prose)]. *Moscow University Bulletin*. № 3. Moscow University Press. M., 2018, pp. 162–173. (In Russ.)
2. *Biograficheskij slovar’ Russkie pisateli 1800–1917* [Biographical Dictionary of Russian Writers 1800–1917], pod red. P.A. Nikolaeva. T. 3. M.: Bol’shaya sovetskaya ehnciklopediya, 1994, pp. 417–418.
3. *Birzhevye vedomosti* [Stock Exchange News] 1898. № 117. 1 maya. (In Russ.)
4. *Birzhevye vedomosti*. [Stock Exchange News] 1898. № 119. 3 maya. (In Russ.)
5. *Dictionary of Russian women writers*. Edited by Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, Mary Zirin. Greenwood Press. 1994, pp. 389–392.
6. Kolmogorov A.G. *Mne dostavsheesya. Semejnye hroniki Nadezhdy Luhmanovoj* [I Have Inherited: Family Chronicles of Nadezhda Likhmanova] M.: Agraf 2013. (In Russ.)
7. Kudasheva V. *Ot russkoj zhenshchiny* [From Russian Woman] M.: Tipografiya D.N. Kornatovskogo, 1901. (In Russ.)
8. Levickaya T.V., Mihajlova M.V. *Publicisticheskaya i lektorskaya deyatel’nost’ N.A. Luhmanovoj*. [Nadezhda Likhmanova’s Journalistic and Lecturing Activities] *Voprosy filologii* № 3., 2017, pp. 81–87 (In Russ.)
9. Likhmanova N.A. *Nedochety zhizni sovremennoj zhenshchiny* [Some Shortcomings of Modern Woman’s Life] M.: Tipografiya D.P. Efimova, 1904. (In Russ.)

10. Luhmanova N.A. *Prichina vechnoj raspri mezhdou muzhchinoj i zhenshchinoj* [The Cause of the Eternal Conflict between Man and Woman] M.: Tipografiya E. and A. Mansfeld, 1901. (In Russ.)
11. Luhmanova N.A. *Cherty obshchestvennoj zhizni* [Features of Social Life] SPb: tipografiya M.V. Popova, 1898. (In Russ.)
12. Mihajlova M.V. *Russkaya intelligenciya Serebryanogo veka: tvorcheskaya i professional'naya samorealizaciya zhenshchiny* [Russian intelligentsia of the Silver age: creative and professional realization of women]. Intelligencija: tradicija I nowe czasy. Krakov, 2001, pp. 159–172.
13. Rasputin V.G. *Cherchez la femme. Vechnyj zhenskij vopros... U nas ostaetsya Rossiya: Ocherki, ehse, stat'i, vystupleniya, besedy* [Cherchez la femme. The eternal feminine question... We Still Have Russia: Essays, Articles, Introductions, Conversations] Sost. T. I. Marshkovej. M.: Institut russoj civilizacii, 2015. (In Russ.)
14. *Peterburgskaya gazeta*. [St. Petersburg Newspaper] 1903. № 269. 1 oktyabrya. (In Russ.)
15. *Peterburgskaya gazeta*. [St. Petersburg Newspaper] 1903. № 279. 11 oktyabrya. (In Russ.)
16. Ponomareva V.V. *Ot "soputnicy cheloveka" do slushatel'nicy universiteta: tolstye zhurnaly 1860-h gg. o zhenskom obrazovanii* [From "A Man's Companion" to University Student: a Discussion on Women's Education in "Thick" Magazines during 1860s]. Moscow University Bulletin. Ser. 10. № 5. Moscow University Press. M., 2015, pp. 21–37. (In Russ.)
17. Prohorova I.E. *Russkaya zhurnalistika XVIII–XIX vekov i gendernyj analiz: vozmozhnosti, zadachi, "syuzhety"*. [Russian Journalism of the XVIII–XIX centuries and Gender analysis: Opportunities, Challenges, "Topics"] Moscow University Bulletin. Ser. 10, № 5. Moscow University Press. M., 2016, pp. 130–143. (In Russ.)
18. *Vozrozhdenie* [Revival] 1899–1900. № 8–30, № 43–52. (In Russ.)

Н.В. Голубицкая

**«ЦЕНТУРИИ» МИШЕЛЯ НОСТРАДАМУСА
КАК ИНТЕРТЕКСТ «ДВАДЦАТИ ПЯТИ И ОДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ» ТРИСТАНА ТЦАРА**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируется влияние поэтики «Центурий» Мишеля Нострадамуса на первый поэтический сборник Тристана Тцара, а также выявляются основные мотивы обращения дадаистов к тексту «Центурий» и особенности его восприятия. Впервые заимствования из Нострадамуса в «Двадцати пяти стихотворениях» были обнаружены Анри Беаром, список стихотворений, содержащих цитаты из Нострадамуса, был впоследствии дополнен Гордоном Браунингом. Однако причины обращения дадаистов к тексту «Центурий», а также особенности его использования в дадаистской поэзии, не были проанализированы в специальной критике. Автор статьи устанавливает, что влияние «Центурий» не ограничивается прямыми заимствованиями или парафразами оккультного трактата. Оно также прослеживается в связи с лейтмотивными образами небесных тел, синтаксическими конструкциями, имитирующими пророческий дискурс и архаичными эпитетами. Наконец, особенное преломление мифологемы творения Словом в сборнике Тцара обусловлено аллюзиями к алхимическому таинству. Алхимия в дадаистских текстах выступает метафорой альтернативы рациональной системе восприятия, логике «здорового смысла». Свободные ассоциации и суггестивный ритм мистического текста «Центурий» вдохновляют абстрактную поэзию Дада, стремящуюся к развеществлению языка за счет преодоления логоцентристской упорядоченности поэтического. Герметичные, «бессвязные» образы авангардной поэзии и «сознательное учреждение идиотизма» дадаистами являются, по мнению автора, травестированной алхимической установкой на сознательное «затемнение» сакрального текста. Проведенный в статье анализ позволяет внести некоторые коррективы в отношении использования дадаистами литературного «реди-мейда», а также предлагает новый образец переоценки авангардистами литературной традиции.

Ключевые слова: дадаизм; Тристан Тцара; Мишель Нострадамус; Двадцать пять и одно стихотворение; Центурии; поэтика; абстракция; интертекст.

Голубицкая Ника Вениаминовна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nikagolubitskaya@gmail.com).

Сборник Тристана Тцара «Двадцать пять стихотворений» (1918) — яркий памятник ранней дадаистской поэзии, противопоставляющей литературной традиции герметичные, произвольные образы и непроницаемый синтаксис, имитирующий бессвязную речь. Луи Арагон охарактеризовал эту книгу как «самую большую поэтическую травму, полученную им в жизни» [Tzara, 1975: 642]. «Травма», нанесенная дадаизмом французской словесности, подготовила условия для появления поэзии нового типа, отказывающейся от основ поэтической традиции (в ее ритмическом, эстетическом и образном аспектах). Но «Двадцать пять стихотворений» не были бы восприняты современными критиками как «декларация об объявлении войны» [Aragon, 1920: 1], как «атака на самую основу мировосприятия» [Glancier, 1947: 8], если бы Тцара сам сознательно не добивался создания эффекта «непонятной» поэзии, которая преодолевает логоцентризм и рационализм европейской традиции.

На первый взгляд, сборник словно написан по знаменитому рецепту «Манифеста о любви слабой и любви злобной» (1920), согласно которому дадаистские стихи создаются методом случайного соединения вырезанных из газеты слов [Tzara, 1975: 382]. И хотя хрестоматийный фрагмент манифеста не что иное, как одна из программных литературных провокаций, многие стихотворения сборника в действительности представляют собой коллаж, своего рода «исправленный ready made» (ready made aidé) по терминологии Марселя Дюшана [Duchamp, 1994: 191–192]. Однако материалом для коллажа послужила не газета, выбранная дадаистами как прообраз «низкого жанра» и манифест «бурлящей современности», но текст 1555 г. — «Центурии» Мишеля Нострадамуса.

«Центурии» были открыты цюрихскими дадаистами благодаря Марселю Янко (ближайшему другу Тцара в эту эпоху), который в 1916 г. нашел экземпляр книги в антикварной лавке и поделился своей находкой с другими деятелями «Кабаре Вольтер». В своих воспоминаниях Янко делает интересное замечание по поводу обстоятельств, сопровождавших «открытие» текста: он говорит о «споре за право использования некоторых слов» [Janco, 1957: 35], разгоревшемся в кругу цюрихских дадаистов. Мы не располагаем источниками, свидетельствующими о том, кто одержал победу в указанном диспуте, но Тцара, безусловно, неоднократно пользовался этим правом при написании своих стихотворений.

Восемь текстов из ранних дадаистских сборников содержат следы заимствований из «Центурий». Среди них — три части «Великого плача моей темноты», «Горькое крыло вечер», «Аптека-сознание» из сборника «Двадцать пять и одно стихотворение», «Полный круговорот луной и цветом» и «Космические реальности ваниль табак про-

буждения» из сборника «О наших птицах» (1923) и «Соль и вино» — стихотворение, добавленное к первому сборнику в 1946 г.¹

Впервые источник заимствования был установлен Анри Беаром, составителем полного собрания сочинений Тцара, который обнаружил среди его бумаг рукопись [TZR 572], представляющую собой компиляцию из цитат из Нострадамуса. Беар установил, что эта рукопись послужила материалом для пяти стихотворений (три «Плача», «Аптека-сознание», «Горькое крыло вечер» и «Соль и вино»). Позже рукопись была проанализирована Гордоном Браунингом, который добавил к этому списку еще «Полный круговорот» из книги «О наших птицах» [Browning, 1979: 117; Browning, 1975: 212–213]. На наш взгляд, еще одно стихотворение могло бы быть отнесено к этому корпусу текстов: об этом свидетельствует изученная нами рукопись MS 44584 из архива Жака Дусэ, озаглавленная «Великий плач моей темноты». Этот неопубликованный документ, имеющий множество переключек с вышеупомянутым TZR 572, содержит цитаты из другого стихотворения сборника «О наших птицах» — «Космические реальности ваниль табак пробуждения».

Преимственность первого сборника по отношению к поэтике «Центурий» не сводится лишь к прямым заимствованиям. На наш взгляд, лейтмотивные образы небесных тел, синтаксические конструкции, имитирующие пророческий дискурс, архаичные эпитеты — все это свидетельствует о более масштабном влиянии оккультного трактата на поэтику первого дадаистского сборника. Воздействие Нострадамуса на творчество Тцара позволяет внести важные корректировки в критическую оценку книги: герметичные образы, которые зачастую принимают за образец «протосюрреалистской поэтики» [Caws, 1972: 98], восходят к алхимической картине мира, а «путаный» синтаксис «автоматических стихов» — к возрожденческому синтаксису суггестивного текста.

Кроме того, реактуализация текста Нострадамуса является важным примером переоценки литературной традиции авангардистами. Прецеденты такого рода позволяют расставить новые акценты в дихотомии традиция/авангард. На наш взгляд, актуальным литературоведческим вопросом, не поднимавшимся ранее в специализированной литературе, является вопрос о мотивах обращения дадаистов к тексту Нострадамуса. Анри Беар, отмечающий, что «Центурии» «послужили исходной темой, трамплином для поэтического вдохновения» [Tzara, 1975: 652] «Двадцати пяти стихотворений», не проясняет в своем комментарии причины, по которым оккультный

¹ Этот текст, однако, содержится в рукописи сборника, проданной Тцара Жаку Дусэ в 1922 г., что свидетельствует о том, что он был создан в дадаистский период.

трактат мог заинтересовать представителя самого радикального авангардистского движения.

Марсель Янко, оценивая восприятие «Центурий» дадаистами, писал: «Несмотря на то, что эта книга была опубликована в 1955 г., мистическая поэзия Нострадамуса напоминала наши эксперименты с абстрактной поэзией. Мы нашли в ней отзвук наших собственных новых идей» [Nauman, 2005: 167]. Янко изобличает важную деталь, которая могла бы послужить ключом к интерпретации проблемы рецепции творчества Нострадамуса дадаистами: текст «Центурий» сравнивается с «абстрактной» поэзией дадаистов.

Тема «абстракции» являлась программной в ранний период становления дадаистской эстетики («Дада — вывеска абстракции», — писал Тцара в знаменитом «Дада манифесте 1918»)² и была неразрывно связана с идеей развеществления языка, которое осуществлялось двумя основными приемами — отказом от выстраивания логических связей в любом дискурсивном фрагменте (произвольные ассоциации) или структурированием поэтического текста таким образом, чтобы фонетический уровень превалировал над семантическим (альтернативные способы ритмизации, звуковая поэзия). В другом своем высказывании Янко уточняет, в чем поэтика сборника Нострадамуса созвучна дадаистским поискам, в очередной раз упоминая об абстракции: «Именно этот абстрактный аспект в конце концов так повлиял на наших поэтов: звук, ассоциации, аллитерации, — превращали мистическую поэзию, преисполненную суггестивной силы, в по-настоящему новую поэзию» [Janco, 1957: 35]. Янко видит в тексте «Центурий» оба модуса языковой абстракции, практикуемых дадаистами («ассоциации», с одной стороны, и «звук», «аллитерации» — с другой).

Кроме того, последнее рассуждение позволяет заключить, что герметичная поэзия Нострадамуса интересовала дадаистов той суггестивной силой, которая функционировала вне и как бы помимо смысла текста. Хуго Балль своей звуковой поэзией, в «стихах без слов» (*Lautgedichte uhu Verse ohne Wörter*) [Ball, 1992: 104–105], Рихард Хюльзенбек и Курт Швиттерс в «фонетических стихах» (*Phonetische Gedichte*) добивались того же примата эмотивной языковой функции над референтивной. Однако, отказываясь от референции к вещественному порядку, *Lautgedichte*, подобно каббалистическому «языку птиц», воспринимались дадаистами в качестве проводника к некоему идеальному знанию: звук рождал, но не отражал явление. Актуальная для всех авангардов мифологема творения Словом (следы которой одинаково прослеживаются в концепциях «самовитого

² Об отношении к абстракции и рецепции абстрактного искусства в дадаистских текстах см. [Гальцова, 2012: 393–401].

слова» и “parole in libertà”) зачастую преломляется через призму алхимических аллюзий в авангардистских программных текстах. Так, в дневниковых записях Хуго Балля прослеживается влияние и «евангельского понимания Слова» [Ball, 1992: 102], и оккультной идеи сакрального языка: «Мы хотели придать изолированной вокабуле силу заклинания и жар небесных светил» [ibid.].

Стоит, однако, отметить разницу в характере поэтических поисков двух лидеров цюрихского дадаизма. Тцара, ценивший «абстрактную поэзию» Дада как «внеположную логике и смыслу» [Dachu, 2005: 61], сам не создал ни одного образца собственно фонетических стихов. В письме Жаку Дусэ Тцара преподносит стихотворение «Тото Вака» как «абстрактное», «состоящее из чистых изобретенных звуков, не содержащих никакой аллюзии на реальность» [Tzara: 1975, 641]; однако исследование Беара, опирающееся на рукописи «Тото Вака» для «Альманаха дада» и подборки «Негритянской поэзии»³ доказывает, что текст «абстрактного стихотворения» представляет собой не что иное, как транслитерированную песню маори [см. комментарии А. Беара в Tzara, 1975: 717–718]. Хотя эта демистификация обнаруживает, что «Тото Вака» не является фонетическим текстом *stricto sensu* и выносит поэтические опыты Тцара за границы дадаистских фонетических экспериментов, она имеет другие важные последствия для толкования художественной позиции Тцара в связи с вопросом абстракции. «Аллюзия на реальность», содержащаяся в оригинальном тексте, стирается при транслитерации (которая превращает осмысленный текст в набор звуков) или при переводе (при котором неизбежен разрыв между языковой и феноменологической реальностью): язык становится беспредметным. Соответственно, «негритянская поэзия» в той же степени, что и *Lautgedichte*, обеспечивает развеществление языка. Подтверждение этой гипотезе можно найти в эссе Тцара 1917–1918 годов «Негритянская поэзия» и «Негритянское искусство»: описывая поэтику негритянского искусства, Тцара использует те же семы, что и для характеристики абстракции в других эссе.

«Центурии» и корпус «Негритянских стихов» — два литературных «реди-мейда», послуживших основной сборника «Двадцать пять стихов», — помимо поэтологических причин, сближает важный исторический факт. На вечере «Старого и нового искусства» (Alte und Neue Kunst) в Галерее Дада 12 мая 1917 г. [Dada, 1917: 18]

³ Следует учесть особенности употребления термина: под «негритянской поэзией» понимаются литературные произведения племен Африки, Австралии, Океании и Доколумбовой Америки. В этом смысле словоупотребление Тцара соответствует рецепции «негритянского искусства» в артистических кругах Парижа 1910-х годов (Матисс, Пикассо, Вламинк, Дерэн, Аполлинер, Гийом).

Тцара читал вперемешку отрывки из «Центурий» Нострадамуса и адаптированные (переведенные или транслитерированные) стихи из журнала «Антропос».

Балль, характеризуя свою «поэзию без слов» как «сокровенную алхимию слова» (*die innerste alchimie des Wortes*) [Ball, 1992: 104], говорил, по всей видимости, не только о суггестивной силе звуков, но и об особом, «истинном» способе восприятия стихов, которого добивались дадаисты. К «алхимии слова» отсылает и Бретон во «Втором манифесте сюрреализма», определяя цель последней как «освобождение воображения» [Breton, 1929: 14]. Алхимия в авангардистских текстах часто служит своего рода метафорой системы восприятия, альтернативной рациональной и логической. Однако появление алхимических мотивов в текстах авангардистов продиктовано не только интересом к иррациональному. Согласно замечанию английской исследовательницы Инес Хэджес, алхимия являлась эффективной метафорой творчества для сюрреализма, так как она «предлагала аналогию качественного скачка восприятия, подобного попыткам алхимиков создать золото из первичных веществ [“base materials”]» [Hedges, 1983: XX]. Согласно Хэджес, «алхимический миф, воспринятый сюрреалистами, включал в себя концепцию ментальной трансформации» [Hedges, 1983: 2], произведение при этом рассматривалось как «катализатор, который преобразует читателя или воспринимающего субъекта, давая ему возможность совершить радикальный интеллектуальный акт» [Hedges, 1983: 4].

Несмотря на всю разницу в эстетике сюрреализма и дадаизма, замечание Хэджес, на наш взгляд, можно расширить и на литературное поле Дада. Дадаистская гротескная программа по «кретинизации публики» [Behar, 1979: 44] («дада работает со всем усердием, чтобы повсюду учредить идиотизм» [Tzara, 1975: 360]) нацелена на то, чтобы привить читателю недоверие к здравому смыслу («я ненавижу здравый смысл» [Tzara, 1975: 404]) и к логике («логика больше нас не направляет... другие продуктивные силы кричат о своем освобождении») [Tzara, 1975: 404], обеспечивая при этом возможность не опосредованной *ratio* перцепции. Непонятное, нелогическое, неразборчивое — все это используется поэтом, чтобы способствовать возникновению «качественного скачка» в восприятии читателя; в этом смысле маска поэта-дадаиста — «идиот, балагур и шарлатан» [Tzara, 1975: 373] — гротескное отражение маски книжника-окультиста. Известная театрализация стихов позволяет Тцара ввести образ читателя непосредственно в текст и сделать сцену инициации в альтернативную систему восприятия его частью. Так, программное стихотворение «Огромный белый прокаженный пейзажа», открывающее сборник «Двадцать пять

стихов», заканчивается следующими строками: «читатель начинает кричать/начинает кричать начинает кричать в этом крике есть флейты которые размножаются кораллы/читатель хочет умереть может быть или станцевать и начинает кричать» [Tzara, 1975: 88]. Сцена инициации, предваряемая «вступлением басового барабана» (обязательного элемента программы «Кабаре Вольтер»), изображает символическое перерождение читателя: образ крика претворяется в «африканскую заушь» — фонетическую имитацию «негритянских стихов» (nfoùnda nbadàba nfoùnda tata nbadàba). Таким образом, «абстрактная» поэзия разрешает противоречия между читателем, у которого «каолин кишит в черепной коробке», и альтер эго автора, чьи «мозги уходят к гиперболе».

Преодоление логики в поэзии, в первую очередь, предусматривало, по Тцара, отказ от закона непротиворечия. Так, в «Манифесте Дада 1918» он пишет: «Порядок = беспорядок, я = не я, утверждение = отрицание: высшее сияние абсолютного искусства. Абсолютного в чистоте космического хаоса...», — и чуть позже определяет Дада как «сплетение противоположностей и всех противоречий» [Tzara, 1975: 367]. Эта установка повлияла на образную структуру поэтических текстов, которая как правило организована вокруг двух противоположных друг другу метафорических блоков; в «Заметке о поэзии» которая, по словам Тцара, «могла бы служить предисловием к сборнику» [Tzara, 1975: 643], Тцара называет их «магнитными полюсами». «Светоносные» образы противопоставляются «темным», образы хаотичного движения — геометрическим фигурам, символизирующим формальную стабильность и симметрию, элементы урбанистической Вселенной — образам флоры и органических процессов. Но в результате противопоставления Тцара добивается снятия логики противоречия, контрастирующие элементы принимают форму друг друга, «обмениваются атрибутами» — так, например, образы света наделяются эпитетами, характеризующими темноту. Показательна цитата из «Заметки о поэзии»: «Темнота продуктивна, когда она — свет, настолько белый и чистый, что наши ближние им ослеплены» [Tzara, 1975: 405].

Преодолевая противопоставление через трансформацию образов, Тцара создает ощущение, что все элементы его поэтической Вселенной восходят к единой субстанции, которую можно было бы описать метафорой из «Дада манифеста 1918»: «громоздкое насекомое, пожирающее свой собственный хвост» [Tzara, 1975: 368]. В этой аллюзии на Уроборос — ключ к интерпретации дадаистской «книги метаморфоз» [Tzara, 1975: 646]. Подобно алхимической доктрине в сборнике Тцара постулируется космическое единство, достигаемое слиянием противоположностей. Именно поэтому цита-

ты из Нострадамуса органично вписываются в текст стихотворений, как-то: «тогда темнота железа превратится в вино и в соль/... глина превратится в молоко» («Первый великий плач моей темноты»). Эта цитата, в которой зашифрованы ключевые стадии трансформации материи, объясняет и символику цветов (белого, красного, черного и золотого), доминирующих в сборнике. Таким образом, поэтика метаморфоз, с одной стороны, связана с алхимической идеей трансформации и очищения, с другой — с дадаистской программой преодоления законов логики.

Метафора «продуктивной темноты», структурирующая на тематическом и метапоэтическом уровне сборник «Двадцать пять стихотворений», в значительной степени определяется интертекстом «Центурий». С одной стороны, она связана с лейтмотивным образом ночного неба — сценой космической драмы, с другой — с непроницаемостью сакрального поэтического слова, воспроизводящего эту драму. Обе референции «темноты» синтезированы в строке, открывающей «Центурии»: «Estant assis de nuit secret estude» [Nostradamus, 1840: 285] — и использованной Тцара в последнем стихотворении сборника «Соль и вино» [в тексте «Соль и вино» превращается в “*étant debout de la nuit secrète étude*”]. Буквально следовало бы перевести эту цитату как «сидящий ночью в тайном кабинете»; но учитывая то, что слова *assis*, *secret*, *nuit* и *étude* образуют семантический блок, отсылающий к оккультному знанию, а *étude* кроме «кабинета» так же обозначает «постижение», образ ночи в данном фрагменте можно трактовать как описывающий не только время, но и объект действия. В этом случае следовало бы перевести строку следующим образом: «В удалении сокровенного постижения ночи». Так, с первой строки «Центурий» образ тайного знания оказывается связанным с темнотой, и слова, относящиеся к семантическому полю последней (*nuit*, *obscur*, *nocturne*), так же становятся характеристиками оккультного знания. Для интерпретации «Двадцати пяти стихотворений» важно еще одно значение темноты, проясненное в предисловии «Центурий»: Нострадамус пишет о том, что пророчества «сознательно» им «затемнены» (*prophéties, lesquelles j'ay un peu voulu raboter obscurément*) [Nostradamus, 1840: 277]. Таким образом, не только содержание оккультного знания делает его недоступным, искусство проповедника заключается в том, чтобы «затемнить» его, тем самым «защитив» от профанации. На наш взгляд, дадаистская бутада о «сознательном учреждении идиотизма» — не что иное, как травестированная версия этого положения. «Продуктивная темнота» поэтического мира Тцара созвучна «затемненным стансам» Нострадамуса.

Прочтение «Двадцати пяти стихотворений» через призму «Центурий» Нострадамуса позволяет выявить важные черты поэтики

дадаистского сборника. «Центурии» наряду с «Негритянскими стихотворениями» разъясняют особенности понимания «абстракции» дадаистами; алхимические мотивы представляют важную аналогию идеям об интеллектуальной трансформации, необходимой для восприятия дадаистской алогичной «антипоэзии»; столкновения противоположных по семантике образов в поэзии соответствует алхимической доктрине очищения через соединение противоположных элементов. Наконец, структурообразующая для «Двадцати пяти стихотворения» дихотомия темноты и света соответствует гносеологической концепции, стоящей за провокативными лозунгами Дада: «свет» поэтического знания может быть достигнут лишь за счет отказа от рационализма и преодоления сопротивления сознательно «затемненной поэзии».

Список литературы

1. *Гальцова Е.Д.* Т. Тцара об абстракции // Сюрреализм и театр. К вопросу о театральной эстетике французского сюрреализма. М., 2012. С. 393–401.
2. *Aragon L.* Sur les vingt-cinq poèmes, TZR 2 (1).
3. *Ball H.* Die Flucht aus der Zeit. Zürich, 1992.
4. *Béhar H.* Le théâtre dada et surréaliste. Paris, 1979.
5. *Breton A.* Second manifeste du surréalisme // La Révolution Surréaliste. 1929. N°12 (décembre). P. 14.
6. *Browning G.-F.* The Genesis of the dada Poem or From Dada to Aa. Stuttgart, 1979.
7. *Browning G.-F.* Tristan Tzara: La grande complainte de mon obscurité. Europe, 1975. № 555. P. 212–213.
8. *Caws M.-A.* The inner theatre of recent french poetry. Princeton, 1972.
9. Dada: recueil littéraire et artistique. Zürich, 1917. № 1 (juillet).
10. *Duchamp M.* Duchamp du signe. Paris, 1994. P. 191–192.
11. *Glancier G.E.* Itinéraire de Tristan Tzara // Fontaine. 1947. № 61 (septembre).
12. *Hedges I.* Languages of revolt: dada and surrealist littérature and film. Duke, 1983.
13. *Janco M.* Dada, monographie d'un mouvement. Switzerland, 1957.
14. *Nauman M.Fr.* Janco Dada: entretien avec Marcel Janco // Dada circuit total / coord. par Béhar H. et Dufour C. Lausanne, 2005.
15. *Nostradamus M.* Propheties / par Eugene Bareste. Paris, 1840.
16. *Tzara T.* Quelques souvenirs // Dachy M. Archives dada: chronique. Paris, 2005.
17. *Tzara T.* Œuvres complètes en 6 vol./texte établi, présenté et annoté par Henri Béhar. Vol.I. Paris, 1975.
18. *Wilke T.* The Making of a Manifesto: Historiography, Transcription, and the Beginnings of Dada. The Germanic review: literature, culture, theory. New York, Columbia university editions, 2016, 91 (4). P. 370–391.

Nika Golubitskaya

**NOSTRADAMUS' *CENTURIES* AS AN INTERTEXT
OF TRISTAN TZARA'S *TWENTY-FIVE AND ONE POEMS***

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article explores how the poetics of Michael Nostradamus's *Centuries* influenced the first collection of poetry by Tristan Tzara. It also identifies the primary motives for the Dadaists to refer to the text of the *Centuries* and depicts the particularities of their perception. Henri Behar was the first to discover the borrowings from Nostradamus in the text of Tzara's Twenty-five poems; the list of the poems containing citations from *Centuries* was then extended by Gordon Browning. However, the reasons for Dada's special interest in *Centuries*, or the peculiarities of their treatment of this text in Dada's poetry were never analyzed in academic literature. The article claims that the impact of Nostradamus' text cannot be confined to direct citations or paraphrases of the occultist treatise, it can be observed in connection with the recurrent images of celestial bodies, syntactical constructions, imitating prophetic discourse, archaic epithets and distinctive interpretation of the Word-Creation mythologeme as an allusion to the alchemical sacrament. Alchemy is treated in Dada's texts as a metaphor of the alternative to the rational system of perception and to the logic of common sense. Undetermined associations and a suggestive rhythm of the *Centuries* inspire abstract Dadaist poetry that aims to disobjectify language, rejecting logocentric systematization of poetic material. Hermetic, incoherent images in avant-garde poetry as well as Dada's statement that they work with all their might to introduce the idiot everywhere might be considered as a travesty of alchemical doctrine according to which the sacred text should be consciously obscured. The analysis carried out in this paper provides several new details as for Dada's use of literary ready-made and offers a new example of the reassessment of literary tradition by the avant-garde artists.

Key words: Dadaism; Tristan Tzara; Michel Nostradamus; *Twenty-Five and one poem*; *Centuries*; poetics; abstraction; ready-made; intertext.

About the author: *Nika Golubitskaya* — PhD Student, Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nikagolubitskaya@gmail.com).

References

1. Gal'cova E.D.T. Tzara ob abstrakcii, *Surrealism i teatr. k voprosu o teatral'noj èstetike francuzskogo sùrrealizma*. [Tzara on abstraction, *Surrealism and Theatre: on the theatrical aesthetics of French Surrealism*] Moscow, 2012, pp. 393–401.
2. Aragon L. *Sur les vingt-cinq poèmes*, TZR 2 (1).
3. Ball H. *Die Flucht aus der Zeit*. Zürich, 1992.

4. Béhar H. *Le théâtre dada et surréaliste*. Paris, 1979.
5. Breton A. Second manifeste du surréalisme. *La Révolution Surréaliste*, 1929. N°12 (décembre), p. 14.
6. Browning G.-F. *The Genesis of the dada Poem or From Dada to Aa*. Stuttgart, 1979.
7. Browning G.-F. Tristan Tzara: La grande complainte de mon obscurité. *Europe*, 1975. N° 555, pp. 212–213.
8. Caws M.-A. *The inner theatre of recent french poetry*. Princeton, 1972.
9. *Dada: recueil littéraire et artistique*. Zürich, 1917. N° 1 (juillet).
10. Duchamp M. *Duchamp du signe*. Paris, 1994, pp. 191–192.
11. Glancier G.E. Itinéraire de Tristan Tzara. *Fontaine*, 1947. N° 61 (septembre).
12. Hedges I. *Languages of revolt: dada and surrealist littérature and film*. Duke, 1983.
13. Janco M. *Dada, monographie d'un mouvement*. Switzerland, 1957.
14. Nauman M.Fr. Janco Dada: entretien avec Marcel Janco. *Dada circuit total*, coord. par Béhar H. et Dufour C. Lausanne, 2005.
15. Nostradamus M. *Propheties*, par Eugene Baresté. Paris, 1840.
16. Tzara T. Quelques souvenirs in Dachy M. *Archives dada: chronique*. Paris, 2005.
17. Tzara T. *Œuvres complètes* en 6 vol., texte établi, présenté et annoté par Henri Béhar. Vol. I. Paris, 1975.
18. Wilke T. The Making of a Manifesto: Historiography, Transcription, and the Beginnings of Dada. *The Germanic review: literature, culture, theory*. New York, Columbia university editions, 2016, 91 (4), pp. 370–391.

М.В. Шелкович

**«ГЕРОНТИОН» Т.С. ЭЛИОТА:
«РАСПАД ВОСПРИИМЧИВОСТИ»**

В статье рассматривается поэтическое воплощение одного из ключевых понятий литературно-критической теории Т.С. Элиота — «распад восприимчивости» в стихотворении «Геронтион» (опубл. 1919), своеобразном итоге раннего периода его творчества. Несмотря на то что это понятие было сформулировано Элиотом только в 1921 г. в эссе «Поэты-метафизики», идеи, лежащие в его основе, проникают в творчество поэта и раньше. Традиционно это понятие прочитывается в стихотворении только имплицитно. В противоположность этому, в данном исследовании оно выявляется индуктивно, через взаимосвязь поэтических образов, понимание которых основано на анализе сложных интертекстуальных слоев стихотворения. Эссеистика и письма Элиота в тот же период свидетельствуют о том, что видные литераторы викторианской эпохи Генри Адамс и Эдуард Фитцджералд, олицетворявшие для Элиота «распад восприимчивости», послужили прототипами Геронтиона. Изучение произведений этих авторов показывает, что пейзаж в одном из ключевых фрагментов стихотворения восходит не только к «Воспитанию» Адамса, как это считалось традиционно, но и к философскому произведению Фитцджералда «Эуфранор: диалог о юности», образуя таким образом единый континуум «распада восприимчивости». Анализ визуальной стороны образа Христа-тигра, вторгающегося в этот континуум с целью преодолеть «распад», проясняет его функцию. Благодаря такой археологии образов ряд элементов стихотворения, обычно рассматриваемых как фрагментарные, выстраивается в единую структуру, при помощи которой Элиот поэтически преодолевает характерную для «распада восприимчивости» фрагментарность, которую он приписывал современной ему эпохе и которая, на наш взгляд, часто ошибочно приписывается его поэтике.

Ключевые слова: Элиот; Геронтион; Адамс; Фитцджералд; Эуфранор; распад восприимчивости.

В эссе «Поэты-метафизики» (“Metaphysical Poets”) (1921) Т.С. Элиот высказал мысль, что в XVII в. английская поэзия утратила единство мысли и чувства, от чего так и не смогла оправиться. Результат этого события он обозначил термином «распад восприимчивости» (“dissociation of sensibility”), под которым это понятие вошло в историю литературы. За два года до этого Элиот опубли-

Шелкович Михаил Владимирович — свободный исследователь, преподаватель в школе английского языка “Five o'clock” (Санкт-Петербург) (e-mail: mshelkovich@mail.ru).

ковал стихотворение «Геронтион» (*Gerontion*, 1919), в котором, как будет показано ниже, эта идея была выражена поэтически. Хотя о присутствии этой идеи в «Геронтионе» пишут многие исследователи (например, Д. Донохью [Donoghue, 1987: 152] и Э. Зигг [Sigg, 1989: 180]), как правило, они приходят к этому дедуктивно, на основании общего впечатления от стихотворения. В противоположность этому методу, в настоящем исследовании предпринята попытка проследить развитие идеи «распада восприимчивости» в «Геронтионе» индуктивно, через взаимосвязь поэтических образов.

В элиотовском каноне стихотворение «Геронтион» занимает особое место. Подытоживая поэтику раннего творчества Элиота, оно было в то же время задумано как пролог к поэме «Бесплодная земля» (*Waste Land*, 1922), одному из первых произведений его зрелого периода, и уже содержит основные черты последнего. Уже начиная с «Пруфрока» в элиотовскую поэтику входили приемы прямого и косвенного цитирования. Однако если там Элиот цитировал преимущественно литературные источники (Данте, Шекспир, Библия и проч.), то в «Геронтионе», возможно, в соответствии со своим утверждением, что поэт после двадцати пяти должен обладать чувством истории, чтобы продолжать писать, — Элиот помимо художественных текстов цитирует фрагменты таких документов времени, как биография, автобиография, письма. В числе прочего в ткань «Геронтиона» вплетен ряд фрагментов из биографии «Эдуард Фицджералд» А.С. Бенсона (*Edward Fitzgerald*, 1905) и автобиографической книги «Воспитание Генри Адамса» Г. Адамса (*The Education of Henry Adams*, 1907, 1918). На последнюю Элиот написал рецензию, озаглавленную «Патриций-скептик» (*A Sceptical Patrician*, 1919).

В письме Джону Куинну от 9 июля 1919 г. Элиот упоминает два эссе, подготовленных им к публикации, которые он хотел бы объединить под заголовком «Два типа»: уже упомянутое «Патриций-скептик» (*A Sceptical Patrician*), посвященное Генри Адамсу, и «Патриций-романтик» (*A Romantic Patrician*) — Джорджу Уиндэму, викторианскому политику и литератору [Eliot, 2009: 375]. Первый, по его мнению, представляет собой типичного англичанина-викторианца. Второй — американца из Новой Англии, как и он сам. Элиот критикует обоих за неспособность проникнуть в реальность. По его мнению, Уиндэм, литератор-романтик, будучи мастером слова, оставался дилетантом в том, что касается чувств (“if he was an amateur in feeling, he was a craftsman of execution” [Eliot, 1920: 23]). У него было два недостатка: недостаток сбалансированности и недостаток критической глубины. Это близко к тому, что Бенсон пишет о Фитцджералде. Его «критические суждения» (“critical judgement”) были, по преимуществу, «непоследовательны» (“whimsical”), его литературный кругозор был обширен, но лишен «целостности»

(“catholicity”) [Benson, 1905: 155–156]. И Уиндэм, и Фитцджералд прекрасные стилисты, но первому не хватает чувства, а второму — мысли [Blistein, 2008: 63]. Таким образом, оба они страдают от «распада восприимчивости». Тот же недостаток Элиот приписывает и Г. Адамсу: «Несомненно многие согласятся, что самые яркие идеи приходили к ним как чувство-восприятие и что они испытывали свои самые яркие чувства-опыт, как если бы их тело [в это время] мыслило. Ничто не указывает на то, что чувства Адамса цвели или плодоносили: он так и остался маленьким Полом Домби, задающим свои вопросы¹» (“certainly many men will admit that their keenest ideas came to them with the quality of sense-perception; and that their keenest sense-experience has been ‘as if their body thought’. There is nothing to indicate that Adams’s senses flowered or fruited: he remains little Paul Dombey asking questions” [Childs, 2014: 105]). Весьма вероятно, что Элиот имел в виду эти два типа при создании образа Геронтиона. Как отмечает Д. Донохью, большинство исследователей соглашается с тем, что образ Геронтиона восходит к фигурам Адамса и Фитцджералда [Donoghue, 1987: 148]. Подобно им, Геронтион также страдает от «распада восприимчивости», что иллюстрирует следующий фрагмент стихотворения (ст. 55–60):

I that was near your heart was removed therefrom
To lose beauty in terror, terror in inquisition.
I have lost my passion: why should I need to keep it
Since what is kept must be adulterated?
I have lost my sight, smell, hearing, taste and touch:
How should I use it for your closer contact?²

Я был рядом с сердцем твоим, но отделился
И страхом убил красоту и самоанализом — страх.
Я утратил страсть: а зачем хранить,
Если хранимое изменяет себе?
Я утратил зрение, слух, обоняние, вкус, осязание:
Так как я приближусь к тебе с их помощью?

[Элиот, 2013: 100]

Схожим образом Элиот характеризует слепого Милтона (Геронтион, которому мальчик читает вслух, вероятно, также слеп), на которого он в значительной степени возлагает ответственность за «распад чувствительности», обвиняя его в риторичности и отсутствии визуального воображения: «Для моего анализа главным обстоятельством в отношении Мильтона является его слепота. <...> Будь Мильтон человеком очень острых чувств, — я имею в виду все пять

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод иноязычных источников мой. — *М.Ш.*

² Здесь и далее оригинальный текст «Геронтиона» с указанием строки в скобках цит. по изд.: *Eliot T.S. The Poems of T.S. Eliot. Vol. 1. L., 2015. P. 31–33.*

чувств — его слепота не имела бы такого значения. Но для человека, чьи способности к восприятию окружающего мира, рано завяли под грузом книжных знаний и чьи таланты от природы были связаны со слухом, она значила многое. <...> Ни ранняя, ни поздняя поэзия Милтона не свидетельствует о зрительной четкости его воображения» [Элиот, 2004: 591].

В одном из ключевых мест стихотворения Адамс и Фитцджералд пересекаются. Традиционно (см., например, комментарии к «Геронтиону» в издании, по которому в статье приводится текст стихотворения [Eliot, 2015: 476]) считается, что строка 21: «В оскверненном мае: кизил и каштан, цветущее иудино дерево» (“In depraved May, dogwood and chestnut, flowering judas”), — это парафраз из «Воспитания» Адамса: «И только бревенчатые срубы негров то и дело мелькали среди зарослей кизила и иудина дерева, азалии и лавра. Глядя на тюльпаны и каштаны, нельзя было и подумать о необходимости борьбы с неуступчивой природой» (“Here and there a negro log cabin alone disturbed the dogwood and the judas-tree, the azalea and the laurel. The tulip and the chestnut gave no sense of struggle against a stingy nature”) [Adams, 2005: 208].

Однако ряд косвенных цитат указывает на то, что Фитцджералд также послужил источником для этого пейзажа. В письме к известной актрисе и писательнице Фанни Кэмбл от 2 июля 1874 г. Фитцджералд пишет: «Интересно, какова весна в Америке. В апреле у нас стояла погода, абсолютно “magnifique”: но наступил этот вздорный, как мегера, май с его С.В. ветрами» (“I wonder what Spring is like in America. We have had an April of really ‘magnifique’ weather: but here is that vixen May with its N.E. airs” [Fitzgerald, 1902: 42]). “Vixen” значит “сварливый” или “сексуально привлекательный”; весьма вероятно, что Элиот заменил “vixen May” на “depraved May” и, как бы удовлетворяя интерес Фитцджералда, использовал описание весны в Мэриленде из «Воспитания» Адамса при создании своего пейзажа. Примечательно, что Адамс видел Кэмбл на сцене театра в Бостоне [Samuels, 1989: 18]. Также в строке 21 прочитывается инвертированная цитата из вышеупомянутого диалога «Эуфранор: диалог о юности», конец которого Бенсон приводит в биографии Фитцджералда: «Мы шли домой через лужайки, раскинувшиеся между рекой и городом, в чью сторону кучки университетских в мантиях растворялись в полумраке, в то время как повсюду собирались сумерки, и в цветущих каштанах [Колледжа] Иисуса стал слышен соловей» (“We walked home across the meadows that lie between the river and the town, whither the dusky troops of gownsmen were evaporating, while twilight gathered over all, and the nightingale began to be heard among the flowering chestnuts of Jesus”) [Benson, 1905: 133]. Действие «Эуфранора», как и в «Геронтионе», происходит в мае: «В ту пору, когда

я делал вид, что изучаю медицину в Кембридже, однажды в погожий майский полдень я был потревожен, услышав, как кто-то взбегает по лестнице» (“During the time of my pretending to practice medicine at Cambridge, I was aroused one fine forenoon of May, by someone running upstairs”) [Fitzgerald, 1851: 1]. Пейзаж, составленный из фрагментов викторианского «платоновского» диалога о юности и американского автобиографического романа воспитания, с одной стороны, образует иронический контраст с темой стихотворения — старением, дряхлостью, а с другой, как бы восстанавливает единство, утраченное после отделения США от Великобритании.

Как покажет анализ следующего фрагмента (ст. 17–22), появление Христа-тигра в этом пейзаже предоставляет возможность преодоления «распада восприимчивости»:

Signs are taken for wonders. “We would see a sign!”
The word within a word, unable to speak a word
Swaddled with darkness. In the juvenescence of the year
Came Christ the tiger

In depraved May, dogwood and chestnut, flowering judas
To be eaten, to be divided, to be drunk among whippers

Знаки принимают за чудеса. «Хотелось бы нам увидеть знак!»
Слово в слове, бессильном промолвить слово,
спеленутое мраком. С юностью года
Пришел Христос тигр

В оскверненном мае: кизил и каштан, иудино дерево, —
Чтобы быть съеденным, разделенным, выпитым

Стихи 17–20 косвенно цитируют фрагменты двух рождественских проповедей 1618 и 1622 гг. англиканского епископа Ланселота Эндрюса, чью прозу Элиот высоко ценил как образец произведений до «распада восприимчивости». В строке 18 Элиот перефразирует Эндрюса: «бессловесное Слово» (“The Word without a word” [Andrewes, 1841: 204]), которым Эндрюс называет младенца Христа, у Элиота становится «словом в слове» (“The word within a word”). Написание «слова» со строчной буквы позволяет понимать его не только как Христа, но и как просто слово, а «знак» в предыдущей строке 17, следовательно, как лингвистический, сосюрровский знак. Таким образом, Элиот вводит лингвистический план в дополнение к сакральному. Заменяя “without” у Эндрюса на “within”, Элиот подчеркивает замкнутость слов на самих себе, отсутствие реального референта. Слово не может осуществить акт коммуникации (ст. 18: «бессильно промолвить слово»), поскольку оно сокрыто внутри другого слова, и не может быть увидено, поскольку оно «спелёнуто мраком». В своей проповеди Эндрюс, играя словами, противопоставляет «спелёнутость», т.е. бес-

помощность Слова, младенца Христа, в которого воплотился Бог, вселию последнего, который, как сказано в Книге Иова, смиряет море, сделав «мглу пеленами его». В «Геронтионе» же, напротив, слово, «спелёнутое мраком», бессильно и не способно себя сказать. Если Эндрюс всячески подчеркивает чудо рождения Христа — сына Божьего, но родившегося от земной женщины в хлеву, божественного Слова, но бессловесного, спелёнутого, но в то же время пеленающего море мглой, то Геронтион выступает в роли адвоката дьявола: слово в его глазах заключено в другом таком же слове, не способно сказать себя и непонятно, спелёнуто мраком, и только в этом смысле является чем-то удивительным (“wonder”).

Однако «с юностью года» (“juvescence of the year”) — “juvescence”, очевидно, фонетически противопоставлено предшествующему “darkness” — в мае приходит Христос-тигр, бессловесный в своей звериной ипостаси, как и Христос-слово, и, прорываясь огненными полосами сквозь пелёны мрака, манифестирует себя. Христос-тигр явно противопоставлен Христу-слову, однако, наряду с новой тигриной ипостасью, Христос сохраняет и прежнюю словесную, что передается визуально точным образом тигриных черных полос, пеленающих слово, и огненных полос, которые их прорывают. Возможно, здесь также имеется в виду черная краска печатного слова, как бы скрывающая содержание. Образ тигра обычно возводят к «Тигру» У. Блейка, в котором зверь противопоставляется агнцу, т.е. опять-таки Христу. Но из первых строк стихотворения: “Tyger Tyger, burning bright/ In the forests of the night” [Blake, 2000: 75] («Тигр, о тигр, светло горящий/ В глубине полночной чаши» [Мастера поэтического перевода, 1997: 260]), — становится очевидно, что для своего образа прорыва Христа-тигра сквозь мрак Элиот заимствовал из блейковского стихотворения не только образ тигра, но и пейзаж. Другим источником образа Христа-тигра, как отмечают многие исследователи, является “wild-cat” («дикий кот») из проповеди Эндрюса 1622 г. [Andrewes, 1841: 258]. Не спешащие увидеть чудо младенца Христа оправдывают свою медлительность тем, что Христос — не что-то экзотическое вроде дикого кота, чье младенчество быстротечно, и торопиться, следовательно, незачем [De Villiers, 2016: 68]. В «Геронтионе» Христос приходит сам, и он не котенок, а тигр. Явление Христа-тигра происходит на фоне майского пейзажа. Определяющий май эпитет “depraved”, который обычно переводят как «оскверненный», возможно, отсылает к понятию “total depravity” («всеобъемлющая греховность»). Отсылая к первородному греху и обозначая состояние человечества после грехопадения, в поэтике Элиота оно символически связано с «распадом чувствительности» [Manganiello, 1989: 133].

Таким образом, фарисеи видят настоящее чудо в лице Христа-Тигра-Слова. Христос-тигр — слово, ставшее плотью, — соединивший знак с референтом, является в мае, чтобы, с одной стороны, искупить первородный грех, а с другой — устранить «распад восприимчивости». Но вместо того, чтобы причаститься, новые фарисеи в лице м-ра Сильверо, Хакагавы и др. съедают его. Согласно англиканцу Эндрюсу, этим они совершают кощунство: «Так можно съесть козла Антихриста. Христа же Агнца нельзя» (“Antichrist’s goat may be so eaten. The Lamb Christ cannot”). Эндрюс, споря с римско-католической церковью, отрицал пресуществление [Douglas, 2012: 137] и признавал лишь духовное присутствие Христа во время причастия.

В строке 22, отсылающей к Евангелию от Луки 22:17–19, ключевое слово — “divided” (“разделенный”), которое следует понимать в смысле разделения единой сущности Христа-Тигра-Слова на Слово и Тигра, т.е. метафоры «распада восприимчивости». Этим объясняется, почему в строке 48 Геронтиона и его жильцов пожирает уже только тигр: “The tiger springs in the new year. Us he devours” («Тигр бросается в новом году. Нас он пожирает»). По наблюдению В.М. Толмачёва, образ тигра, возможно, связан с китайским календарем, по которому 1914 г. — год начала Первой мировой войны — был годом тигра [Толмачёв, 2011: 86]. Элиот, который рассматривал «распад восприимчивости» как «ментальный симптом» гражданской войны в Англии в XVII в. [Sigg, 1989: 177], в XX в. мог связывать его с Первой мировой войной. Вероятно, не является совпадением, что Элиот использует то же слово “devour” («пожирать») в эссе «Поэты-метафизики» (“Metaphysical Poets”), говоря о способности авторов до «распада чувствительности» впитать любой опыт [Eliot, 1999: 287]. Современность, более не способная воспринимать опыт во всём его разнообразии, оказывается «пожранной» войной.

Итак, Геронтион, образ, основанный на типах английского литератора-викторианца и новоанглийского романтика, является жертвой «распада восприимчивости». К нему, прячущемуся в ветхом доме (“decayed house”), цветущей весной приходит Христос-тигр, предлагающий преодоление «распада». Однако жильцы дома — мысли Геронтиона (ст. 74–75: “Tenants of the house./Thoughts of a dry brain in a dry season”) не дают этому произойти. Вместо того чтобы причаститься, восприняв его духовно, они съедают его, подобно «козлу Антихриста» и, вместо причастия (“communion”, т.е. «единения»), разделяют Христа-тигра, на Слово и Тигра, т.е. совершают нечто обратное причастию. Таким образом, в качестве одного из вариантов прочтения стихотворение «Геронтион» можно понимать как поэтическую иллюстрацию «распада восприимчивости», термина, впоследствии сформулированного в эссеистике и ставшего важным элементом литературно-критической теории Элиота.

Список литературы

1. Мастера поэтического перевода: XX век. СПб, 1997.
2. Жуковский А. Точность и ритм: стихотворения в журнале Т.С. Элиота «Крайтерион» // Вопросы литературы. 2016 (6). С. 148–177.
3. Толмачёв В.М. «Геронтион» Т.С. Элиота: четыре разбора I // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2011. Вып. 1 (23). С. 79–95.
4. Элиот Т.С. Стихотворения и поэмы. М., 2013.
5. Элиот Т.С. Избранное: религия, культура, литература. М., 2004.
6. Adams H. The Education of Henry Adams. Raleigh, 2005.
7. Andrewes L. Ninety-Six Sermons. Vol. 1. Oxford, 1841.
8. Bencon A.C. Edward Fitzgerald. L., 1905.
9. Blake W. The Selected Poems of William Blake. Ware, 2000.
10. Blistein B. The Design of the Waste Land. N.Y., 2008.
11. Brazil K. T.S. Eliot: modernist literature, disciplines and the systematic pursuit of knowledge // Being Modern: The Cultural Impact of Science in the Early Twentieth Century / Ed. by R. Bud, P. Greenhalgh, F. James, M. Shiach. L., 2018. P. 77–92.
12. Childs D. T.S. Eliot: Mystic, Son and Lover. L., 2014.
13. Clifton B. Textual Frustration: The Sonnet and Gender Performance in “The Love Song of J. Alfred Prufrock” // Journal of Modern Literature. Vol. 42, No. 1, 2018. P. 65–76.
14. De Villiers R. Banishing the Backward Devils: Eliot’s Quatrain Poems and “Gerontion” // The New Cambridge Companion to T.S. Eliot / Ed. by J. Harding. Cambridge, 2016. P. 55–70.
15. Donoghue D. Reading America: Essays on American Literature. Berkeley, 1987.
16. Douglas B. A Companion to Anglican Eucharistic Theology. Vol. 1. Brill, 2012.
17. Eliot T.S. The Poems of T.S. Eliot. Vol. 1. L., 2015.
18. Eliot T.S. Selected Essays. London: Faber & Faber, 1999.
19. Eliot T.S. The Sacred Wood. London, Methuen & Co. Ltd., 1920.
20. Eliot T.S. The Letters of T.S. Eliot. Vol. 1. L., 2009.
21. Fitzgerald E. Letters of Edward Fitzgerald to Fanny Kemble, 1871–1883. L., 1902.
22. Fitzgerald E. Euphranor. A Dialogue on Youth. L., 1851.
23. Manganiello D.T. S. Eliot and Dante. Palgrave MacMillan UK, 1989.
24. Samuels E. Henry Adams. Cambridge, 1989.
25. Scully M. Plasticity at the Violet Hour: Tiresias, The Waste Land, and Poetic Form // Journal of Modern Literature. Vol. 41. No. 3. 2018. P. 166–182.
26. Shiach M. Woolf’s atom, Eliot’s catalyst and Richardson’s waves of light: science and modernism in 1919 // Being Modern: The Cultural Impact of Science in the Early Twentieth Century / Ed. by R. Bud, P. Greenhalgh, F. James, M. Shiach. L., 2018. P. 58–76.
27. Sigg E. The American T.S. Eliot: A Study of the Early Writings. Cambridge, 1989.

T.S. ELIOT'S *GERONTION*: 'DISSOCIATION OF SENSIBILITY'

This paper focuses on the poetic embodiment of “dissociation of sensibility”, the key concept of T.S. Eliot’s critical theory, in the poem ‘Gerontion’ (1919) that summarizes his early works. Although this concept was formulated by Eliot as late as 1921 in his essay *Metaphysical Poets*, its underlying ideas are tangible in his previous works. In this poem the concept in question is considered to be given as purely implicit. In contrast, this study reveals it inductively, through the interrelation of poetic images, the understanding of which come through analysis of the complex intertextual layers of the poem. Eliot’s essays and letters of the same period indicate that Henry Adams and Edward Fitzgerald, prominent Victorian men of letters, who personified the “dissociation of sensibility” for Eliot, served as prototypes for *Gerontion*. Studying the works of these authors shows that the landscape in one of the poem’s key fragments can be traced not only to Adams’s *Education* (1907), as has been generally believed, but also to Fitzgerald’s philosophical work *Euphranor: A Dialogue on Youth* (1851), thus forming an unbroken continuum of “dissociation of sensibility”. The analysis of the visual aspect of Christ the Tiger’s image, that encroaches into this continuum aiming to overcome the “dissociation”, clarifies its function. Such archeology of images allows to incorporate a number of elements of the poem, usually regarded as fragmentary, into a structural coherent whole, with the help of which Eliot poetically overcomes the fragmentary quality intrinsic to the “dissociation of sensibility”, which he attributed to his time and which, in turn, is often mistakenly attributed to his poetics.

Key words: Eliot; Gerontion; Adams; Fitzgerald; Euphranor; dissociation of sensibility.

About the author: *Mikhail Shelkovich* — free-lance researcher, teacher at the Five o’clock English magnet school, St. Petersburg (e-mail: mshelkovich@mail.ru).

References

1. *Mastera poe'ticheskogo perevoda: XX vek* [Masters of Poetic Translation: 20th Century]. Saint Petersburg: *Akademicheskij proekt*, 1997, 880 p.
2. Zhukovskiy A.Y. *Tochnost' i ritm: stikhotvoreniya v zhurnale T.S. E'liota "The Criterion"* [Precision and rhythm: T.S. Eliot and poems published in “The Criterion”]. *Voprosy literatury*, 2016 (6), pp. 148–177. (In Russ.)
3. Tolmachyov V.M. «*Gerontion*» T.S. E'liota: *chetyre razbora I* [T.S. Eliot’s “Gerontion”: four interpretations]. *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya* [St. Tikhon’s Review. Series III. Philology], 2011, Vyp. 1 (23), pp. 79–95. (In Russ.)
4. Eliot T.S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Shorter and Longer Poems]. Moscow: *AST*, 2013, 608 p.
5. Eliot T.S. *Izbrannoe: religiya, kul'tura, literatura* [Selected Works: Religion, Culture, Literature]. Moscow: *ROSSPE'N*, 2004, 752 p.

6. Adams H. *The Education of Henry Adams*. Raleigh: *Hayes Barton Pr.*, 2005.
7. Andrewes L. *Ninety-Six Sermons*. Vol. 1. Oxford: *John Henry Parker*, 1841.
8. Bencon A.C. *Edward Fitzgerald*. L.: *Macmillan & co., ltd.*, 1905.
9. Blake W. *The Selected Poems of William Blake*. Ware: *Wordsworth Edition Ltd; New edition*, 2000.
10. Blistein B. *The Design of the Waste Land*. NY: *UP of America*, 2008.
11. Brazil K. *T.S. Eliot: modernist literature, disciplines and the systematic pursuit of knowledge. Being Modern: The Cultural Impact of Science in the Early Twentieth Century*. Ed. by R. Bud, P. Greenhalgh, F. James, M. Shiach. London: *UCL Press*, 2018, pp. 77–92.
12. Childs D. *T.S. Eliot: Mystic, Son and Lover*. L.: *Bloomsbury Academic*; Reprint edition, 2014.
13. Clifton B. *Textual Frustration: The Sonnet and Gender Performance in “The Love Song of J. Alfred Prufrock”*. *Journal of Modern Literature*, Vol. 42, No. 1, 2018, pp. 65–76.
14. De Villiers R. *Banishing the Backward Devils: Eliot’s Quatrain Poems and “Gerontion”*. *The New Cambridge Companion to T.S. Eliot*. Ed. by J. Harding. *Cambridge UP*, 2016, pp. 55–70.
15. Donoghue D. *Reading America: Essays on American Literature*. Berkeley: *Univ. of California*, 1987.
16. Douglas B. *A Companion to Anglican Eucharistic Theology*. Vol. 1. *Brill*, 2012.
17. Eliot T.S. *The Poems of T.S. Eliot*. Vol. 1. L.: *Faber and Faber*, 2015.
18. Eliot T.S. *Selected Essays*. L.: *Faber & Faber*, 1999.
19. Eliot T.S. *The Sacred Wood*. L.: *Methuen & Co. ltd.*, 1920.
20. Eliot T.S. *The Letters of T.S. Eliot*. Vol. 1. L.: *Faber and Faber*, 2009.
21. Fitzgerald E. *Letters of Edward Fitzgerald to Fanny Kemble, 1871–1883*. L.: *Macmillan*, 1902.
22. Fitzgerald E. *Euphranor. A Dialogue on Youth*. L.: *William Pickering*, 1851.
23. Manganiello D. *T.S. Eliot and Dante*. *Palgrave McMillan UK*, 1989.
24. Samuels E. *Henry Adams*. Cambridge: *Harvard UP*, 1989.
25. Scully M. *Plasticity at the Violet Hour: Tiresias, The Waste Land, and Poetic Form*. *Journal of Modern Literature*. Vol. 41, No. 3, 2018, pp. 166–182.
26. Shiach M. *Woolf’s atom, Eliot’s catalyst and Richardson’s waves of light: science and modernism in 1919. Being Modern: The Cultural Impact of Science in the Early Twentieth Century*. Ed. by R. Bud, P. Greenhalgh, F. James, M. Shiach. L.: *UCL Press*, 2018, pp. 58–76.
27. Sigg E. *The American T.S. Eliot: A Study of the Early Writings*. Cambridge UP, 1989.

Richard Tempest

**EMMETS AND EMOTIONS:
REFLECTIONS ON THE FIRST CYCLE
OF A. SOLZHENITSYN'S MINIATURES**

University of Illinois

*2090 Foreign Languages Building, MC-173 707 South Mathews Avenue, Urbana, IL
61801 USA*

Solzhenitsyn's reading of nature was that of a city dweller who sees the countryside as distant and exotic; and of a Russian patriot who moralized rural spaces while identifying them as sites of transcendent beauty that hold national values. His "Miniatures," or prose poems, represent a distillation of these authorial attitudes. The "Miniatures" touch upon themes that are central to this writer's prose: history, tyranny, people in nature, people in confined spaces, the poetics of the body, the ethics of artistic creativity, as well as the presence or absence of God in the lives of his countrymen. Always when thing Soviet, things modern intrude into Solzhenitsyn's bucolic spaces, the mood darkens and the text acquires a polemical edge. Yet, but for the references to the Soviet here and now, there is nothing in the "Miniatures" that would have startled or puzzled Ivan Turgenev or Ivan Bunin, while in places these pieces manifest resonances that may be described as Tolstoyan. So, generically and stylistically, the pieces are out of time, though not out of place, which makes them the most problematic of Solzhenitsyn's artistic creations. As an experiment in the archaization of the literary text the "Miniatures" may be read as pastiches, a receptor stance that interrogates their genre and style from a Postmodern perspective.

Key words: Solzhenitsyn; prose poems; nature descriptions; sentimentalism; theodicy.

Although Solzhenitsyn had a "hatred for cities, asphalt, tall buildings" [Шмеман: запись за 22.11.1974], he was very fond of Ryazan, the central Russian town where he lived before and during the dawn of his fame. But dearest of all to the author is nature, which he loves in the manner of a town dweller for whom such sylvan spaces possess the charm of remoteness. These attitudes inform the very popular "Miniatures" ("Крохотки"), short, lyrical pieces that eulogize the landscapes of his homeland while deploring their devastation by an industrializing and collectivizing state. The "Miniatures" contain descriptions of animals and birds, which are unapologetically anthropomorphized, as are trees and even insects.

Richard Tempest — Associate Professor, University of Illinois at Urbana-Champaign, Department of Slavic Languages & Literatures (e-mail: rtempest@illinois.edu).

Nonetheless, Solzhenitsyn is not a nature writer per se. In his prose, mountains, forests, fields, rivers, and lakes are metaphorical locations of the national spirit, but ultimately evoke the biblical account of the Creation, whether they remain pristine or, as so often is the case, are deformed by the hand and machines of man. In either case, the textual representation of these sites is usually scripted as a direct projection of, or an implied-authorial counterpoint to, a given character's ethical stance or situation. Even Solzhenitsyn's unsympathetic characters such as Lenin (*The Red Wheel*) and Marshal Zhukov ("Times of Crisis") are alive to the beauties of nature, though they respond to them in ways that are expressive of their corrupted inner selves. On the day that news of the February revolution reaches him in faraway Switzerland, the Bolshevik leader climbs one of the hills that overlook the city of Zurich, out of the pragmatic notion that "in the mountains you can stretch your legs and organize your thoughts" [Солженицын, 2008, 12: 697].

Большим куском было видно безмятежное оловянное озеро, и весь Цюрих под котловиной воздуха, никогда не разорванного артиллерийскими разрывами, не прорезанного криками революционной толпы. А солнце — вот уже и заходило, но не внизу, а почти на уровне глаз — за пологую Ютлиберг [Солженицын, 2008, 12: 702].

The antihero's nihilistic imagination transmutes this picture postcard view into a scene of violent class conflict complete with artillery barrage! Lenin is the extreme tourist of revolution.

The shorter works of the 1950s and 1960s hew mostly to nineteenth-century thematic and structural models, so there have been frequent critical comparisons that remark on this very point, e.g., "<...> In the sketch 'A Reflection in the Water' <*sic*> <...> like the Russian poet Tiutchev, Solzhenitsyn passes from a short description of nature to a philosophical aphorism" [Dunlop, Haugh, Klimoff, 1975: 319].

The work referenced in this quotation belongs to the first cycle of "Miniatures," written between 1958–1960. As a *reader*, rather than a *scholar*, I confess that I found these texts resistant — not to an *explication de texte*, which they readily, and even gratefully, open themselves up to — but to an elucidation of the authorial sensibility, or sensibilities, that they simultaneously convey and conceal.

To begin with, the "Miniatures" display an elegiac, anti-industrial aesthetic that would have been recognizable to John Ruskin. Solzhenitsyn's seventeen "microstories" [Mahoney, 2001: 161] and one "Prayer" ("Молитва") started circulating in samizdat almost as soon as their author became a public figure and they remain among his best-read works, at least in Russia. The "Miniatures" represent the writer's divagation into the genre of the prose poem, artistic territory once staked out by Ivan Turgenev and subsequently explored by a succession of authors, nature

lovers of the same melancholic bent. They bear resemblance in theme and tone to Ivan Bunin's prose fragments of 1930 such as "The Idol" ("Идол") and "The Calf's Head" ("Телячья головка")¹. The ultimate generic referent, however, is the *petits poèmes en prose* by Charles Baudelaire (1869), the inventor of this "oxymoronic genre," although his settings were entirely urban [Wanner, 2003: 18]. That said, while Baudelaire's prose poems are "recognized as <his> breakthrough to poetic modernity" [Wanner, 2003: 18], Solzhenitsyn's own exercises in this formal vein constitute something entirely different, a topically themed experiment in the archaization of the literary text. In this regard, they represent an exception within the corpus of his literary productions.

The "Miniatures" show an ever-enduring Russian space, which the communist project had tried to level and then to rebuild as a technocratic utopia. Nostalgic and often mournful, they rue the Soviet uglification of the countryside, anthropomorphise trees and animals, and occasionally feature individual characters or relationships. The autobiographical imperative that operates across Solzhenitsyn's oeuvre remains in evidence: the "Miniatures" are a record of the author's peregrinations, by train, cycle, and on foot, across the Soviet Union. In this itinerant sense, they anticipate the descriptions of the countryside around the village of Rozhdestvo in *The First Circle*, where he lived in the 1960s, or even the appreciations of the Swiss and North American landscapes in his second book of memoirs, *Between Two Millstones* ("Уродило зёрнышко промеж двух жерновов"). A metonymical stress on the historical and the actual is blended with an elaborate, metaphor-rich descriptive style to produce discrete meditations on life, death, history, nature, and beauty. Like other non-Modernist artists, Solzhenitsyn is sentimental in the sense of Friedrich Schiller: "<...> The sentimental poet is always concerned with two opposite forces, has two modes of representing objects to himself, and of feeling them; they are, the real or limited, and the ideal or infinite; and the mixed feeling that he will awaken will always testify to this duality of origin" [Schiller, 1911: 296]. The "Miniatures" are suffused with both attitudes, which the stories and novels contain in more expansive form.

When the author showed his prose poems to Tvardovsky the latter was unimpressed, dismissing them as "jottings on your scribbling pad, for future use" [Solzhenitsyn, 1980: 26]², in effect, an editorial rejection. Hurt but not discouraged by this verdict, Solzhenitsyn began to distribute the pieces privately "to good people" [Solzhenitsyn, 1980: 87]. As a result, they were among the first of his texts to circulate in samizdat, where they enjoyed

¹ I am grateful to Anna Arkatova, who prompted me to make this connection.

² Cf. "[The 'Miniatures'] read like excerpts from a private notebook of random sketches" [Locke, 1971].

an immediate success. This kind of landscape writing has always evoked a sympathetic response with Russian readers, although a non-nature-loving receptor might find the “Miniatures” a touch too maudlin, too saturated with pathetic and affective fallacies, too prone to moralise the countryside and its people — the finer feelings pervading them redolent of William Wordsworth in full Lake District flow. Yet Solzhenitsyn’s sentimentalism, unlike Wordsworth’s, never turns into self-preoccupation or self-pity.

These static or moving pictures in words depict forests, fields, rivers and lakes, historic churches and bell-towers, villages nestling in the folds of a gently undulating landscape, a garden after a summer shower, a puppy playing in the snow, a duckling squeaking for its mother. The geography is central or northern Russian, although “A Storm in the Mountains” (“Гроза в горах”) offers a bombastic celebration of primordial nature in the Caucasus: “Стрелами Саваофа молнии падали сверху в Хребет <...>” [Солженицын, 2006, 1: 541]. “The City on the Neva” (“Город на Неве”), a much superior production, is a reluctant paean to St. Petersburg, an ekphrastic sketch of the city skyline that treats it as an instance of pure architectural form, beautiful but heartless: “чуждое нам” [Солженицын, 2006, 1: 542]. The imperial capital, the lyrical/historical subject reminds us, was built by eighteenth-century slave labor: “Косточки наших предков слезались, сплывались, окаменели в дворцы — желтоватые, бурые, шоколадные, зелёные” [Солженицын, 2006, 1: 542]. There is no mawkishness here, just a terrible sadness about the millions of lives sacrificed over the centuries on the altar of the state’s ambition. St. Petersburg is but a cemetery resting on unhallowed ground.

More typical is “Along the Oka” (“Путешествуя вдоль Оки”), where the travelling persona contemplates a succession of riparian views and identifies village churches, now fallen into ruin, as the cynosure of a quiet, wounded beauty. In an arresting death image, these decaying houses of worship with their missing crosses and “gaping holes between <...> rusty ribs” are likened to cadavers greeting the traveler from afar [Ericson, Mahoney, 2006: 624]. The piece ends on a wistful note, which is disrupted by the rattle of raucous modernity:

В эти камни, в колоколенки эти, наши предки вложили всё своё лучшее, всё своё понимание жизни.

Ковырай, Витька, долбай, не жале! Кино будет в шесть, танцы в восемь... [Ibid.]

Once again, the poetic/prose *I* adduces a historical memory, but on this textual occasion, we learn, the nation’s forefathers and their labours have not just been forgotten, they were desecrated.

Always when thing Soviet, things modern intrude into Solzhenitsyn’s bucolic spaces, the mood darkens. The poetic/prose persona shudders at

the sight of an automobile, a rubber-pawed, smoke-spewing monster that is a ghastly replacement for a horse or a camel, “that two-humped swan” [ibid.: 619]. Solzhenitsyn disliked mechanical conveyances of every kind other than trains and, by extension, streetcars. Death is a frequent subject: in “The Elm Log” (“Вязовое бревно”), a piece of firewood about to be sawed up is likened to a man with his head on the execution block, and “The Fire and the Ants” (“Костёр и муравьи”) describes a colony of the tiny insects perishing when they swarm into the flames: “<...> Какая-то сила влекла их назад, к покинутой родине!” [Солженицын, 2006: 549]. There are Tolstoyan resonances here. One thinks of the scene in *Childhood* («Детство»; 1852) where little Volodya Irtenyev is distracted by the sight of worker ants going about their business on the forest floor, though as creepy-crawly symbols Solzhenitsyn’s emmets carry a heavier burden of meaning. The aforementioned “Reflection in Water” (“Отраженье в воде”) is a stark statement of religious faith that could have come from the pen of Tolstoy in one of his bleakest moods: “Если до сих пор всё никак не увидим, всё никак не отразим бессмертную чеканную истину, — не потому ли, значит, что ещё движемся куда-то. Ещё живём?..” [Солженицын, 2006, 1: 540]. “The Old Bucket” (“Старое ведро”), on the other hand, is wistfully self-referential. The narrator takes a walk in a Byelorussian forest that holds traces of wartime trenches and dugouts, which remind him of “another wood like it nearby” [Ericson, Mahoney, 2006: 620], where he had seen action many years ago. “A Poet’s Ashes” («Прах поэта») describes an abortive visit to the grave of Yakov Polonsky, a nineteenth-century lyricist. The Solzhenitsyn persona is told that the ancient monastery where the gentle Romantic was entombed is now a prison, and thus out of bounds:

— А вот скажите, тут по карте получается могила Полонского, поэта. Где она?

— К Полонскому нельзя. Он — в *зоне*. Нельзя к нему. Да чо там смотреть? — памятник ободранный? Хотя постой, — надзиратель поворачивается к жене. — Полонского-то вроде выкопали?

Ну. В Рязань увезли, — кивает жена с крылечка, щёлкая семячки.

Надзирателю самому смешно:

— Освободился, значит...

[Солженицын, 2006, 1: 538]

This is the only flash of humor in the entire cycle. The joke, though macabre, is not bad, even if it is articulated by one of those squat servants of the gulag who in the good old days used to torment the zeks with wolfish dedication. The authorial voice is pointedly civil, employing the grammatically correct language of the city gentleman or intellectual, while his interlocutor, a prison guard, uses jailhouse jive. Ortega y Gasset’s *el hombre masa* has learned to speak Russian.

The shortest and strangest of these pieces of poetic prose or prosaic poetry is “Approaching the Day” (“Приступая ко дню”), in which the sight of some thirty-young people “bending, squatting, bowing” in a forest reminds the poetic/prose subject of a religious congregation [Ericson, Mahoney, 2006: 623]. Upon closer inspection, he discovers the secular truth of the matter: “Нет, это не молитва. Это зарядка” [ibid.]. The temple of nature has been converted into a gym, in keeping with the modern cult of the body: an offensive development on a variety of fronts.

By way of contrast, the cycle ends with an actual “Prayer” (“Молитва”), penned just after the publication of “One Day in the Life of Ivan Denisovich”. In this orison, the writer (the empirical, believing Solzhenitsyn) gives thanks to God for allowing him “to send mankind a reflection of your rays” (Ibid.: 625) (я смог послать человечеству/отблеск лучей Твоих [Солженицын, 2006, 1: 554]), a phrase that echoes, perhaps inadvertently, Akhmatova’s identically titled poem of 1915:

Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.

[Ахматова, 1979: 109]

This coda to the cycle adumbrates a theodicean connection that aligns the tragic history of twentieth-century Russia to the Creator’s Plan, with the writer assuming, humbly or otherwise, a mediating artistic function between God and country. The “Prayer” is an intensely personal statement of faith, as prayers often are, but there is more to it than that. Personal, yes, but not private: this is a published text, after all. Tzvetan Todorov reminds us that prayers “<coincide> with a speech act that also has a nonliterary existence” [Todorov, 1990: 21], and the religious poetry of St. John of the Cross, John Donne, and Akhmatova herself is a case in point. A literary prayer or a prayer that becomes a fact of literature invites an exegetic treatment that must be supported by two different conceptions of the text, as an expression of a believer’s faith and an aesthetic production. Since Solzhenitsyn’s “Prayer” constitutes part of, or is at least formally appended to, a published *literary* whole, it qualifies on both counts.

In the “Miniatures” the author is writing *against* the twentieth-century loss of faith in nature as a site of transcendent beauty and source of spiritual solace. This numinous stance is in evidence even — especially — when the places he visits have been poisoned and wounded by politics or war. Here, as elsewhere in the oeuvre, his reception of the countryside rests on a traditionalist acceptance of the national value of landscapes and the living things that inhabit them. How very different from the “wakeful” and “hopeful” wanderers on the beach in Virginia Woolf’s *To the Lighthouse*, with their modern (Modernist) “imagination of the strangest kind — of

flesh turned to atoms which drove before the wind, of stars flashing in their hearts, of cliff, sea, cloud, and sky brought purposely together to assemble outwardly the scattered parts of the vision therein” [Leaska, 1984: 69]. Solzhenitsyn’s own vision is of a natural world that remains unatomised and unscattered, and always very Russian.

At the same time, the “Miniatures” all touch upon themes that are central to this writer’s prose: history, tyranny, people in nature, people in confined spaces, the poetics of the body, the ethics of artistic creativity, as well as the presence or absence of God in the lives of his countrymen. But for the references to the Soviet here and now, there is nothing in these texts that would have startled or puzzled the very same Turgenev or Bunin. So, generically and stylistically, the pieces are out of time, though not out of place, which makes them the most problematic of Solzhenitsyn’s literary creations. In our knowing, quotational culture his prose poems will tempt some receptors to approach them with tongue firmly planted in cheek or fingers tightly crossed: to consume them as pastiche. And yet. The narrative/poetic voice is so ingenuous, the works so patently defenseless against a mocking reader response that, perhaps, they remain invulnerable to such sly treatment. Perhaps.

References

1. Dunlop J., Haugh R., and Klimoff A. *Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials*, 2nd ed. N.Y.: Collier Books, 1975.
2. Ericson E., Mahoney D. *The Solzhenitsyn Reader: New and Essential Writings, 1947–2005*. Wilmington: ISI Books, 2006.
3. Leaska M. *The Virginia Woolf Reader: An Anthology of Her Best Short Stories, Essays, Fiction, and Nonfiction*. Wilmington: Mariner Books, 1984.
4. Locke R. *Solzhenitsyn’s Short Fiction*, *The New York Times*. 16.07.1971.
5. Mahoney D. *Aleksandr Solzhenitsyn: The Ascent from Ideology*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2001.
6. Schiller F. *On Simple and Sentimental Poetry*, *The Complete Works of Friedrich Schiller*. New York: P.F. Collier & Son, 1911. Vol. 8.
7. Solzhenitsyn A. *The Oak and the Calf: Sketches of Literary Life in the Soviet Union*, trans. Harry Willetts. New York: Harper and Row, 1980.
8. Todorov T. *Genres in Discourse*, trans. Catherine Porter. New York: Cambridge University Press, 1990.
9. Wanner A. *Russian Minimalism: From the Prose Poem to the Anti-Story*. Evanston: Northwestern University Press, 2003.
10. Akhmatova A. *Stikhotvoreniia i poemy*. <Poems and tales in verse> M.: *Sovetskii pisatel’* <Soviet writer>, 1979.
11. Solzhenitsyn A. *Sobranie sochinenii: v 30 tt.* <Works: in 30 vol.> M.: *Vremia* <Time>, 2006–.

12. Schmemmann A. *Dnevniky. Tetrad' II (noiabr' 1974 — avgust 1975)* <Diaries. Notebook II (November 1974 — August 1975)>. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/dnevniky/2 (accessed: 04.03.19)

Ричард В. Темпест

**МУРАВЬИ И МУРАШКИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ПЕРВОМ ЦИКЛЕ «МИНИАТЮР» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

Иллинойский университет

*2090 Корпус иностранных языков, МС-173 707 South Mathews Avenue, Урбана, ИЛ
61801 США*

Солженицын понимает природу и как горожанин, для которого она представляет собой нечто отдаленное и даже экзотическое, и как русский патриот, видящий в ней нечто наполненное нравственным содержанием и национальными ценностями. Это авторское восприятие присутствует в концентрированной форме в солженицынских «Крохотках», или стихотворениях в прозе. «Крохотки» затрагивают центральные темы в творчестве писателя: историю, тиранию, человека в пространстве природы, человека в ограниченном пространстве, поэтику тела, этику художественного творчества, а также присутствие или отсутствие Бога в жизни русских людей. Когда современность вторгается в буколические места, описанные автором, тональность изложения становится более мрачной и текст обретает полемическую остроту. Тем не менее, за исключением ряда конкретных упоминаний советской современности, «Крохотки» не озадачили бы ни Тургенева, ни Бунина. В то же время в этих текстах присутствуют толстовские отзвуки. В жанровом и стилистическом отношении «Крохотки» оказываются как бы вне времени, но не вне пространства, что делает их самыми проблематичными художественными творениями Солженицына. В своем качестве авторского эксперимента в русле архаизации литературного текста они могут быть прочитаны как пастиши, как попытка рефлексии над жанром и стилем с постмодернистских позиций.

Ключевые слова: Солженицын; стихотворения в прозе; описания природы; сентиментализм; теодицея.

Сведения об авторе: *Ричард В. Темпест* — доцент Отделения славянских языков и литератур Иллинойского университета в Урбане-Шампейне (e-mail: rtempest@illinois.edu).

Список литературы

1. *Dunlop J., Haugh R., and Klimoff A.* Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials, 2nd ed. N.Y., 1975.
2. *Ericson E., Mahoney D.* The Solzhenitsyn Reader: New and Essential Writings, 1947–2005. Wilmington, 2006.

3. *Leaska M.* The Virginia Woolf Reader: An Anthology of Her Best Short Stories, Essays, Fiction, and Nonfiction. Wilmington, 1984.
4. *Locke R.* Solzhenitsyn's Short Fiction // The New York Times. 16.07.1971.
5. *Mahoney D.* Aleksandr Solzhenitsyn: The Ascent from Ideology. Lanham, 2001.
6. *Schiller F.* On Simple and Sentimental Poetry // The Complete Works of Friedrich Schiller. N.Y., 1911. Vol. 8.
7. *Solzhenitsyn A.* The Oak and the Calf: Sketches of Literary Life in the Soviet Union, trans. Harry Willetts. N.Y., 1980.
8. *Todorov T.* Genres in Discourse, trans. Catherine Porter. N.Y., 1990.
9. *Wanner A.* Russian Minimalism: From the Prose Poem to the Anti-Story. Evanston, 2003.
10. *Ахматова А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1979.
11. *Солженицын А.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 2006—.
12. *Шмеман А.* Дневники. Тетрадь II (ноябрь 1974 — август 1975). [Электронный ресурс.] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/dnevniki/2 (accessed: 04.03.19).

К 250-летию ФРАНСУА РЕНЕ ДЕ ШАТОБРИАНА

Н.А. Литвиненко

ШАТОБРИАН И РОМАНТИЧЕСКИЙ КАНОН

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, 10 А*

В статье анализируется роль Шатобриана в формировании французского романтического канона. Предмет исследования — творчество писателя в контексте и перспективе его связей с романтиками и романтизмом. Романтический канон рассматривается как актуальная литературоведческая проблема, изучение которой углубляет представления о роли наследия писателя в развитии европейской литературы, о генеалогии и эволюции романтизма, в том числе за пределами традиционно отводимых ему, по-разному понимаемых «границ» и эпох. Романтический канон исследуется как пребывающая в становлении и развитии открытая динамическая структура диалогически взаимосвязанных мотивов, интертекстуальных связей, формируемых социокультурной и эстетической ценностной парадигмой. В основании создаваемого Шатобрианом канона — сакрализация христианско-романтической утопии духа. Доказывается, что мотивы и архетипы многожанрового шатобриановского канона аккумулируют личностный и исторический опыт переходной эпохи, порождают новые экзистенциальные, символические, интертекстуальные смыслы, формируют новые стратегии романтического письма, типологически родственные различным течениям европейского романтизма; содержат признаки угрозы распада природного мира. Шатобриан ввел в литературу новые повествовательные архетипы, новую парадигму изображения человека в истории, соотношения «истории и Истории», проблематику, мотивы, героев, предваряя художественный опыт Гюго и Ламартина, Мюссе, Виньи и Жорж Санд, Байрона и Вальтера Скотта, Бодлера и Верлена... Лирическое волшебство художественного стиля Шатобриана моделировало романтический канон, усиливало воздействие творчества писателя на одновременные пласты не только французской литературы. Проза писателя формировала «новый общественный образ автора», актуальные для европейской культуры «модели референции», оказывавшие воздействие на стереотипы массовой и не массовой литературы XIX в. Утопия духа, сакрализирующая шатобриановский романтический канон, стала мощным ресурсом обновления горизонта его трансформаций в литературе

Литвиненко Нинель Анисимовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета (e-mail: ninellit@list.ru).

и представлений о нем в науке последующих эпох. В статье использованы разнообразные исследовательские методики, связанные с принципами историко-литературного, типологического, рецептивно-эстетического изучения процессов развития и взаимодействия литератур.

Ключевые слова: Шатобриан; романизм; нормативность; романтический канон; актуальность; архетипы; горизонты трансформаций; модели референции; символические смыслы; интертекстуальные связи; переходная эпоха; жанры; утопия; сакрализация.

250-летие Шатобриана — дает новый повод обратиться к наследию писателя, сыгравшего основополагающую роль в становлении французского романтизма. В связи с юбилеем “*Société Chateaubriand*” в сотрудничестве с другими научными центрами (La Maison de Chateaubriand — отделение Hauts-de-Seine, EA ELN — Университет Тулузы 2 Jean Jaurès, UMR CELLF 19–21 — Париж Сорбонна, UMR IHRIM Saint-Étienne) и при поддержке “*Commémorations nationales*” в 2018 г. организует в Париже международный симпозиум, призванный по-новому взглянуть на произведения писателя, — от “*Essai sur les révolutions*” (1797) до «посмертной» публикации “*Mémoires d’outre-tombe*” (1848–1850); от “*Génie du christianisme*” (1802) до рассказов о путешествиях в Италию, Америку и на Восток; романов, таких как “*Atala*” (1801), “*René*” (1802), “*Les Aventures du dernier Abencérage*” (1826) и “*Les Natchez*” (1826) до журнальных публикаций и переписки; от «удивительной (stupéfiante) биографии» “*la Vie de Rancé*” (1844) до исторических и политических трудов [Escola, 2016]. Организаторы симпозиума подчеркивают актуальность исследования религиозной проблематики, стиля, исторического дискурса Шатобриана. В 1967–1968 г. два французских журнала опубликовали статьи под названием “*Actualité de Chateaubriand*” (J. B. Buset. *La table ronde* № 241, février 1968; Lyautey. *Revue des Deux Mondes*, 1 octobre 1967), годом позднее вышли ставшие вехой в отечественной науке статьи Н. С. Шрейдер [Шрейдер, 1969: 133–178]. Через пятьдесят лет в контексте новых филологических запросов актуальность приобрела новый смысл. Эпохи «аукаются», созданные писателями художественные миры вступают в новые взаимодействия, возникают новые интерпретационные модели. Это касается и Шатобриана, которого А. Компаньон назвал «выразителем духа нации» (*l’esprit de sa nation*) [Compagnon, 2015], А. Вайан — в ряду великих создателей литературных форм, мифов современной культуры, упоминая вслед имени Ламартина, Стендаля, Гюго, Бальзака, Бодлера, Флобера, Верлена, Рембо, Золя, Малларме... находивших в разочаровании убежище от «утраченных иллюзий» [Vaillant, 2016]. А. С. Пушкин по праву увидел в Шатобриане «учителя всего пишущего поколения» [Пушкин, 1950: 393].

Исследовательские методы и методологии, возникшие в XX–XXI вв., открыли новые горизонты в понимании и интерпретации романтизма, в том числе за пределами традиционно отводимых ему, по-разному понимаемых «границ» [Réévaluations... 2012]. Эпоха постмодернизма обнаружила в парадигме своей ризомы романтические следы, истоки, востребованность эстетических принципов, мифов и идей, связанных с романтизмом [Roy, 2007; Фролов, 2002: 72–76], диалогические связи с экзистенциальным и эстетическим опытом XIX в. Изучение наследия Шатобриана, французского романтизма, его истории и историографии в этой связи приобрело новую актуальность. В рамках небольшой статьи наша цель — обозначить некоторые аспекты подхода к данной проблеме.

Специфика шатобриановского вклада в литературу связана с феноменом переходности эпохи, к которой он принадлежал, с острым ощущением кризиса, исторического разлома временных пластов, произошедшего в конце XVIII — первые десятилетия XIX в. В экзистенциальном трагизме завершающейся, пребывающей в становлении революционной и постреволюционной эпохи писатель уловил ритмы, мотивы и символы, наделил их огромной эстетической энергией, уходящей далеко за пределы своего времени.

Шатобриановская проза содержит множественные свойства, знаки сентименталистских, руссоистских, оссианических идей; в «Мучениках» — классической эпопеи, библейские, мильтоновские мотивы, в мемуарах — аналитической, философской мысли XVII–XVIII вв. Автор и его герои — Рене или Эвдор, как и их создатель — путешественник, романист, изгнанник, политический деятель, прозаик-поэт, наделены чувствительностью, мистическим даром слияния с природой, лирико-аналитической рефлексией, вписаны в пространство длящегося и ускользающего потока жизни. Символические детали, лирические ламентации и размышления повествователя воскрешают разнообразные пласты культурной памяти человечества, создают и передают новый «способ чувствовать», новое мироощущение. В оплакивающем прошлом, пропитанное лирическим автобиографизмом, герое проступает «часть цепи бытия, устремленной к своему телеологическому концу» [De Man, 1999: 99], но и стремление найти новую «соразмерность», новые начала начал. Ученые обоснованно видят в реконструкции «современника прошлого», преобразованиях «структур чувства» влияние Шатобриана на основу всей истории литературы [Baetens Jan et Ben de Bruijn, 2014].

Лирическая проза писателя формировала повествовательные архетипы, новый «общественный образ автора», «модели референции», актуальные для европейской культуры. Недаром Сент-Бев, не всегда по достоинству оценивавший великих современников,

поставил фигуру писателя в центр своего труда «Шатобриан и его литературная группа в годы Империи» (1861), опубликованного на основании лекций, прочитанных в 1848–1849 гг. Масштаб признания Шатобриана — как эмблему, как смысл и цель, как выражение высшего романтического императива сформулировал Гюго в своей юношеской максиме «Быть Шатобрианом или ничем (*Chateaubriand ou rien?*)». Будущий автор «Эрнани», «Собора Парижской богородицы», «Осенних листьев», «Отверженных» чувствовал свое генетическое родство с Шатобрианом, зачинателем многих основополагающих романтических идей, одним из создателей общеевропейского романтического канона.

Проблема литературного канона в последние десятилетия привлекает серьезное внимание ученых [Лосев, 1973; Ямпольский, 1998; Baudouin, Lata, 2017]. Французские литературоведы посвятили ей специальный номер журнала “*Revue d’Histoire littéraire de la France*” (2014, № 1) [Diaz José-Luis], где затрагиваются разные аспекты феномена трансформации канона, его связи с традициями нормативности и исканиями нового времени. Французские литературоведы подчеркивают актуальность подхода к литературной истории с точки зрения процессов канонизации, непрерывного отбора и реинтерпретации текстов прошлого [Baetens et Ben de Bruijn, 2014]. Речь идет о значении и роли филологических методов осмысления литературного материала [Debaene et Pasquier, 2000]. Характеризующее современную эпоху обилие литературной продукции, кризис в понимании «нового» и «новизны», о котором писала Н.Т. Пахсарьян, актуализировали необходимость выработки новых ценностных подходов [Пахсарьян, 2006], с этим, в частности, связан и интерес исследователей к проблеме литературного канона.

«Битва за романтизм» не привела к «отмене» классицизма. Творцы нового искусства неизменно отстаивали право на своеобразие и неповторимость письма. В многочисленных манифестах понятие канона [Canon, 2001, 1: 254] “*canon classique*” как свода нормативных правил решительно отвергалось; идея образцовости, связи с национальным искусством, с представлением о Пантеоне как памятнике великим людям и идеям [Escola, 2015], приобретала новую семантику; шла выработка ненормативных принципов романтического письма. С. Зенкин прав, полагая, что культура XIX в. пребывала «в конфликте с литературным каноном» [Zenkine, 2011]. Но сам конфликт свидетельствовал о коллизии «конкурентного» противоборства, взаимодействия с ценностно-нормативными формами мышления предшествующих эпох. «Традиция, — заметил Г. Блум, — это не только переход и процесс благостной трансляции; это также распря между гением прошлого и устремлениями настоящего, и ставка здесь — литературное выживание, то есть включение в канон» [Блум,

2017: 18]. Процессы эстетической идентификации в литературном сознании эпохи происходили бурно и противоречиво. Не только для Низара, но и для Г. Лансона, вплоть до конца XIX в., традиции классического искусства, XVII в. сохраняли высшую ценность.

Отвергая любую нормативность, романтики создавали личностные художественные миры. Однако существование в каждой из национальных литератур разнообразных течений и школ, — трансфер таких социокультурных и эстетических явлений, как байронизм или жоржсандизм — и романтизм, возникновение таких новых жанровых форм, как исторический роман, лиро-эпическая поэма, романтическая драма или неистовая школа, — все это свидетельствовало о существовании в пространстве романтизма разнообразных центров канонизации и деканонизации, векторов эстетического «излучения» романтических принципов и идей. Шли процессы формирования ненормативного романтического канона.

Рассматривая канон как концепт, исследователи подчеркивают его междисциплинарную и историческую семантику; лежащую в его основании проблему отбора и интерпретации произведений или жанров, социокультурные и стилевые функции канона. Автор фундаментального исследования о каноне, американский литературовед Г. Блум (Harold Bloom. *The Western canon. The Books and school of the ages.* New York: Harcourt Brace, 1994)¹, расширил понимание канона до общеевропейского масштаба, поставив в центр фигуру и творчество Шекспира, — к художественному опыту которого настойчиво апеллировал и романтизм. Его труд зафиксировал зависимость концепции от формируемого, структурируемого ученым объекта исследования.

Мы рассматриваем романтический канон как открытую эстетическую систему, которая в процессе становления и эволюции создает новое пространство интертекстуальных связей, взаимодействие эстетических переменных, социокультурных и онтологических «констант». Не только Шекспир может быть системообразующим центром канона, но и мифы, христианский или ренессансный миф, фигуры и творчество основоположников национальных литератур или литературных направлений. Канон может исследоваться на основе разных аксиологических принципов, императивов сакрализации, порождать разные интерпретационные парадигмы.

Романтический канон обнаруживает совокупность относительно устойчивых структурно-семантических ценностных мотивов, моделей, социокультурных мифов, в которых в соответствии с генетиче-

¹ Русский перевод вышел в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2017 г. Блум включил в европейский канон 26 писателей, в том числе произведения Шатобриана: «Атала», «Рене», «Гений христианства».

ской моделью времени, по словам Гегеля, «результат только потому тождествен началу, что начало есть цель» [Гегель, 1992: 11]. Это определяет временную и вневременную семантику романтического канона. Порождаемые сходными социокультурными условиями, идейно-эстетические составляющие европейского романтического канона по-разному трансформируются в процессе его эволюции, в каждой из национальных литератур.

Можно говорить о динамической, принципиально не завершенной целостности, обладающей относительно общим генезисом и множественностью векторов взаимодействия с другими — предшествующими и современными эстетическими системами; о формировании общеромантического канона как обширного, сложно структурированного художественного целого, где романтизм Шатобриана будет перекликаться с исканиями иенских романтиков или поэтов озерной школы или байронизмом... В канон вписываются на диалогической и полифонической основе национально и индивидуально сложившиеся инварианты, при этом каждая часть вступает в связи с целым, вытекает из него и потенциально или явно содержит его. Эти модели и инварианты в тексте романтизма, взаимодействуя, образуют «интерактивную динамичную матрицу отношений», все части которой взаимно и избирательно резонируют в пространстве новых смыслов, новой эстетической реальности; продолжают резонировать и актуализироваться в последующие века.

Шатобриан обладает качествами, которыми «наделил» Г. Блум создателей канона: исключительной авторитетностью, репрезентативностью, самобытностью, «бременем влияния» и «бременем освобождения от влияний», присущими «сильным» авторам [Блум, 2017]. Почвой шатобриановского канона стало претерпевшее в революционную эпоху ущерб и по-новому востребованное общественным сознанием христианство. Формируемый писателем романтический канон связан с христианским мифом, погрузившим в лирическую рефлексию музу Ламартина, сближает писателя с французскими искателями социалистической утопии, такими как П. Леру, Ламенне или Жорж Санд, в нем находят воплощение мотивы христианского милосердия, составлявшие этический и социальный пафос творчества Гюго [Alain et Arlette Michel, 2008; Gueden, 2009], которому принадлежит особая заслуга демократизации канона, включения в пространство канона популярной, массовой французской литературы XIX в. Объединяя на лирико-романтической основе язык веры с поисками абсолюта, Шатобриан создавал новые модели художественного мышления и жанры.

Общепризнана заслуга Шатобриана в создании «личного романа» (*le roman personnel*) романтического образа-типа «сына века», страдающего “*maladie de siècle*”. Его «Рене», подобно «Генриху фон

Офтердингену», может рассматриваться как разновидность «универсального романа», в нем писатель создал психологический архетип эгоцентрического героя, выпавшего из социума, погруженного в глубины собственного я-бытия. Он открыл его — до Сенанкура, Байрона, автора «Лелии» (1833), Мюссе, Пушкина или Лермонтова.... Он создал тип страдающего байронического героя-индивидуалиста, созерцателя до Чайльд-Гарольда; исторический роман нового типа до Вальтера Скотта; органично связанный с традициями эпической поэмы роман-эпопею, — до создателей более поздних образцов этого жанра; субъективно-лирические и исторические мемуары [Jeannelle, 2008], вызвавшие восхищение и возмущение читателей; лирическую прозу нового типа, покоровшую своим волшебством современников и потомков [Пруст]. Шатобриан, как известно, ввел в европейскую литературу до Ф. Купера индейскую тему («Атала», «Начезы»), был одним из зачинателей романтических интерпретаций восточных мотивов. Он воплотил их не в фантастических, готических или философских жанрах, а в исторических художественных картинах «Мучеников», в описании путешествия в Иерусалим (1811), в «Последнем из Абенсерагов».

Биография писателя и его творчество, исторический опыт эпохи и личных переживаний переплелись в его «волшебной и трансцендентной личности» (выражение М. Пруста), пробуждали «звучное эхо», сходные чувства и настроения, широкий читательский резонанс; находили отклик во Франции и Европе, формировали общеевропейское пространство романтического канона.

Мотив сродства душ, прекрасной души Шатобриан приблизил к романтическому мотиву двойничества, внеся в него «след» разрушительного инцестуального начала. Его Амели и Рене предвзряют Астарту и Манфреда в драматической поэме Байрона, Ашера и Медилейн в новелле Э. По («Падение дома Ашеро́в»), Жака и Сильвию в романе Жорж Санд «Жак», драматическую коллизию в «Матильде» М. Шелли. Это мотив, в глубине которого отдаленно прорисовывается угроза распада «естественного» мира, преступивший «границу» герой «Эликсиров сатаны», бросившей вызов морали и современным нравственным нормам герой «восточных поэм» Байрона, надевший маску порока герой «Лоренцаччо» А. де Мюссе... Трансформируя элементы готических традиций, Шатобриан включил в роман в качестве сюжетобразующего мотив «постыдной» роковой тайны, связывающей героев — Рене и Амели. XX в. на новой основе актуализирует пограничные аспекты романтического дискурса Шатобриана.

Писатель изменил традиционную возрастную парадигму романного героя, ввел в романтическую прозу изображение раннего юношеского возраста. В «Рене» это не «возраст грехов», автор обнажил

иррациональные основы психофизического состояния юного героя, испытывающего поэтические экстазы, “*delire d’illusion Romanesque*” “*ideal d’ivresse*”, по выражению Сент-Бева [Sainte-Beuve]. До Ламартина, Гюго, Виньи или Мюссе, задолго до Бодлера и Верлена... Шатобриан создал новый — романтический язык зыбких страстей, одиночества, иллюзий и ассоциаций, тайного соприкосновения с неведомым и непостижимым. В нем проявила себя эстетическая парадигма, о которой писал М. Фуко: «Отход от рационализма на рубеже XVIII и XIX вв. определил возникновение новой эпистемы: «связь позитивностей с конечностью человеческого бытия, удвоение эмпирического в трансцендентальном, постоянное отнесение *сogito* к немислимому» [Фуко, 1977: 356]. Герой Шатобриана и сам Шатобриан были выразителями этой эпистемы, завладевшей европейской художественной мыслью, формирующей в том числе символистское сознание, опыт и традиции символизма.

Романы Шатобриана воплотили доминантные черты, философско-эстетический синтез формирующегося романтического канона: психологический комплекс — единство утопии, идиллии и катастрофы. Романтизм Шатобриана формируется как целостное мировидение, философское и художественное, где христианство мыслится как основа западной цивилизации, объединяет в романтическом синтезе искусство, страдание и энтузиазм.

Возрастной модус героев романтического канона — на границе молодости и зрелости, «между восторгом и отчаянием» (выражение А.Б. Ботниковой), это возраст напряженных исканий, первой и единственной любви, которая наделена трепетной энергией поисков идеала — Агала и Шактасом, юным Рене, Эвдором и Кимодокеей, позднее — Жаном Сбогаром-Лотарио и Антонией, Лаоном и Цитной, Консуэло и графом Альбертом, Гиперионом и Диотимой, Демоном и Тамарой... В любви находит воплощение символично-утопический потенциал романтизма — поиски «голубого цветка», тайны, скрывающейся под покрывалом Изиды, философский синтез конечного и бесконечного, попытка личностной и всечеловеческой идентификации, устремленность к абсолюту, в котором на новой основе слиты истина, добро и красота. И, однако, прозвучавший апофеозом в «Агала» и «Мучениках», мотив романтического энтузиазма в «Рене» подвергся разрушительной деформации, породив бесконечную галерею героев-скорбников, утративших способность любить. У Шатобриана возникает амбивалентная модель героя, находит воплощение философско-психологическая ирония, сродни шлегелевской, объектом которой становится романтическое сознание и романтический герой.

Переход из одного состояния в другое происходит без промежуточных фаз, без последовательно развертывающейся рефлексии.

В героэ-романтике иллюзия и разочарование слились в нестерпимой, проникнутой самолюбованием меланхолии. Максималистскую утопию устремленного к абсолюту духа не сумела разрушить роковая неидеальность Амели. «Жизнь» вторглась в идиллию под видом естественно-природного, непредсказуемо-иррационального начала, хотя сакральность эстетизированная, искушаемая, вступающая в «конфликт» с эротикой [Baudoin Sébastien], все-таки побеждает. «Историк современности», как его порой называют [Alain et Arlette Michel], Шатобриан предчувствует, угадывает рождающийся новый романтический нарциссизм, звучание мотива «цветов зла», проявившего свою двойственность, неоднозначность в жизнестроительстве многих романтиков и их последователей в эпоху модерна.

В романтизме художник и его творение пребывают в динамике постоянных трансформаций, «игры взаимных превращений»: Шатобриан вкладывал автобиографический опыт в Рене, Жорж Санд и Мюссе в любви угадывали и предугадывали героев своих романов, не только Байрон, Гофман, Лермонтов напоминали некоторых созданных ими героев. Авторы и герои проецировали на свои странно и драматично переплетающиеся судьбы художественный опыт своих произведений, а «реальная» жизнь разрушала книжные стереотипы. В перспективе это породило кризис новой романтической «рациональности», столь очевидно возведенной в культ массовым сознанием, отвергаемой Флобером, Мопассаном, Золя, решительно трансформирующей искателями новой свободы и сексуальности на рубеже XIX и XX вв.

Живой опыт существования шатобриановского канона удостоверяет его функционирование в различных литературных жанрах. Влияние его эстетических идей различимо не только в поэзии, романах Ламартина, Мюссе, Виньи, Жорж Санд, Гюго, в произведениях раннего Флобера; типологическая связь с ним проявилась в поэмах, драмах Байрона, в романах Ш. Бронте, Э. Бронте, в произведениях Пушкина и Лермонтова. «Бремя» влияния французского романтического канона обнаруживают произведения популярной, массовой литературы, такие как «Граф Монте-Кристо», «Жозеф Бальзамо», или «Парижские тайны», где канон подвергался упрощению, вписывался в манихейскую драму борьбы добра и зла, в черно-белую картину контрастов, но продолжал удерживать проблемно-событийный каркас, в основании которого одинокий герой, индивидуалист, пребывающий в конфликте с обществом и миром, стремящийся одержать победу над злом. Разумеется, это самая общая модель, но она продолжала работать и в массовой литературе XX в., создающей эффектных Героев и антигероев — от Шерлока Холмса, Фантомаса до Роланда из Гилеада, объединившего своей фигурой многотомный романский цикл Ст. Кинга «Темная башня». Универсализация от-

дельных мотивов и комплексов романтического канона позволяла проецировать их на разные эпохи. Составляющие канона, как и романтизм в целом, стали предметом анализа и полемики в философии XX в., исследующей эпистемологию современного гуманитарного знания, семантику мифов и знаков, специфику «немыслимого», роль сознательного и бессознательного в культуре — от Ницше и Шопенгауэра до Хайдеггера, Сартра, М. Фуко.

Исследователи видят своеобразие французского романтизма в «смешении утопии и энтузиазма» [Vaillant]. В это единство вписываются Жермен де Сталь, Гюго, Виньи, Жорж Санд и многие другие писатели и поэты XIX в. Но не менее важно и то, что французский романтизм, романтизм Шатобриана созданный писателем канон насыщены воздухом времени, проблемами, волновавшими его творцов, в нем конкретно-историческое знание о мире сочетается с поиском онтологических смыслов, проецируется на все «пространство человеческого опыта», служит основанием разнообразных литературных рентерпретаций.

Ценности, воспеваемые и оплакиваемые Шатобрианом, приобрели новую актуальность в буржуазную эпоху — вошли в ностальгически окрашенную утопию духа, запрос на которую связывает каждую последующую эпоху с романтизмом. Аккумулируя на новой почве этот запрос, возникали героини Ростана и Метерлинка, Пер Гюнт и трагический максималист Бранд, ищущие абсолюта героини «Призвания» и «Звонаря» Роденбаха, на одной из недосягаемых и пустынных вершин расположился Маленький принц Сент-Экзюпери, в сказочном мире «Волшебника Земноморья» возникли героини Урсулы Ле Гуин, погруженные в психологическую и культурную ретроспекцию героини Патрика Модяно или «Таинственного пламени царицы Лоаны» У. Эко... Утопия духа, сакрализирующая романтический канон, стала мощным ресурсом обновления горизонта его трансформаций в литературе и науке последующих эпох.

«Посетивший мир» в «его минуты роковые» Шатобриан, оказавшийся в эпицентре грандиозных исторических перемен, предугадывал более поздний опыт поисков «истории в себе и истории себя», осваивал «пространство между историей и Историей» (выражение М. Фуко), воплотил его разрывы и смещения в разнообразных литературных формах и жанрах. Свойственные его прозе субъектность и субъективность, контекст и подтекст времени продуцировали поиск исторических и экзистенциальных смыслов существования, связанных с судьбой индивида и культурным опытом человечества. Выработанные Шатобрианом художественные модели в процессе эволюции французского романтизма, в интертекстуальном пространстве европейского романтического канона претерпевали разнообразные трансформации, наделялись новыми художествен-

ными смыслами, впитывались, переосмысливались или отторгались философско-эстетическими системами более поздних эпох, порождая новые варианты меланхолии, тоски-тревоги, абсурда и рока, разочарования, поиска смысла существования в мире, утрачивающем или утратившем свои ценностные ориентиры. Пограничность шатобриановского опыта вошла в архетип европейской культуры последующих переломных эпох, порождая феномен повторяемости лежащих в его основании моделей и мотивов, порождая рефлексию «на границе» различных областей гуманитарного знания и уровней и типов культуры. Структурно-семантические составляющие формируемого писателем канона легли в основу его интерпретаций и реинтерпретаций в европейских литературах XIX–XX вв.

Список литературы

1. Блум Г. Западный канон. М., 2017.
2. Де Ман П. Аллегии чтения. Екатеринбург, 1999.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб, 1992.
4. Лосев А.Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.
5. Мегрелишвили Т. Русский литературный канон в зеркале современности. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_megrelishvili.pdf (accessed: 16.07.2018).
6. Пахсарьян Н.Т. Теория постмодернизма и современный французский роман // Литература XX века: Итоги и перспективы изучения. Четвертые Андреевские чтения. М., 2006. 216 с.
7. Пруст М. О Шатобриане // Пруст против Сент-Бева. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/prust-protiv-sent-beva/o-shatobriane.htm> (accessed: 29.07.2018).
8. Пушкин А.С. О Мильтоне и переводе Шатобрианом «Потерянного рая» // Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. М., 1962. С. 233.
9. Фролов Г.А. Постмодернизм и романтизм: диалог и вызов // Концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: Материалы итоговой научной конференции. Казань, 2002. URL: <http://old.kpfu.ru/fil/kn3/index.php?sod=50> (accessed: 16.06.2018)
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
11. Шрейдер Н.С. Шатобриан // Шрейдер Н.С. Из истории литературного наследия. Днепропетровск, 2011. С. 133–178.
12. Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12.
13. Alain et Arlette Michel. La littérature française et la connaissance de Dieu (1800–2000), Paris, Genève, 2008.
14. Baetens J., Ben de Bruijn. Éloge de la canonization // *Fabula-LhT*, n° 12, mai 2014. URL: <http://www.fabula.org/lht/12/mdrn.html> (accessed: 28.07.2018).

15. Baudouin C., Lata M. (dir.). *Sacré canon. Autorité et marginalité en littérature*. Éditions Rue d'Ulm, 2017 // Collection *Actes de la recherche à l'Ens* n° 22. URL: https://www.fabula.org/actualites/c-bodouin-m-lata-dir-sacre-canon-autorite-et-marginalite-en-litterature_82225.php (accessed: 18.06.2018)
16. Baudouin S. Chateaubriand ou les ambiguïtés de la passion romanesque // *Acta fabula*, vol. 11, n° 7, Notes de lecture, Juillet 2010, URL: <http://www.fabula.org/acta/document5821.php> (accessed: 15.07.2018).
17. CANON.s. m. Dictionnaire de L'Académie française, 6th Edition (1832–5) (Page 1:254) Copyright © 2001 ARTFL Project, The University of Chicago. URL: <http://portail.atilf.fr/cgi-bin/dico1look.pl?strippedhw=canon&headword=&docyear=1800–1899&dicoid=ALL&articletype=1> (accessed: 30.07.2018)
18. Compagnon A. Pas très ancienne, cette notion d'“écrivain national”, non? LaRepubliqueDelivres. Le 16 avril 2015. URL: <http://larepubliquedeslivres.com/compagnon/> (accessed: 30.07.2018)
19. Debaene V., Pasquier R. Que vaut la littérature? publiée sous la direction de Denis Saint-Jacques, Québec, Nota Bene, “Cahiers du CRELIQ”, 2000. URL: <http://www.fabula.org/cr/114.php> (accessed: 03.08.2018).
20. Diaz J.-L. Introduction. Le XIXe siècle face aux canons littéraires. Persistance, remises en cause, transformations // *Revue d'Histoire littéraire de la France* 114e Année, No. 1. P., 2014. URL: <https://www.jstor.org/stable/42796845> (accessed: 16.07.2018).
21. Diaz J.-L. Quand les lecteurs étaient victimes de personnages (1800–1871) // *Fabula/Les colloques*, Le personnage, un modèle à vivre. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document5084.php> (accessed: 26.06.2018)
22. Escola M. Entretien P. Assouline et A. Compagnon (la république des livres.fr). Information publiée le 27 avril 2015 par “Le français serait-il plutôt la langue de Montaigne”. P., 2015. URL: <http://larepubliquedeslivres.com/compagnon/>
23. Escola M. Chateaubriand. Nouvelles perspectives critiques (Paris). Information publiée le 10 décembre 2016 par (source: Jean-Marie Roulin). Le 30 janvier 2017. Paris. “*Société Chateaubriand*”. Colloque du 250e anniversaire de la naissance de Chateaubriand — 1768–2018. Paris — Mardi 5 et mercredi 6 juin 2018. Société Chateaubriand. P., 2016. URL: <http://www.societe-chateaubriand.fr/> (accessed: 12.07.2018)
24. Gueden M. “Et le Verbe s'est fait chair”: la littérature et Dieu ou la quête du beau par le verbe” // *Acta fabula*, vol. 10, n° 5, Essais critiques, Mai 2009. URL: <http://www.fabula.org/acta/document5060.php> (accessed: 11.07.2018).
25. Jeannelle J.-L. *Écrire ses Mémoires au XXe siècle: déclin et renouveau d'une tradition*. P., 2008.
26. Réévaluations du romantisme. 1860–1940. Colloque ANR — HIDIL. Montpellier, 26 et 27 avril 2012. URL: <http://litterature20.paris->

- sorbonne.fr/images/site/20111215_113459montp_r____valuations_du_romantisme.pdf (accessed: 12.06.2018)
27. Roy N. De l'ironie romantique au roman contemporain: l'esthétique réflexive comme philosophie dans la trilogie «Soifs» de Marie-Claire Blais. Thèse présentée comme exigence partielle du doctorat en sémiologie. Université de Québec à Montréal. 2007. URL: <https://archipel.uqam.ca/893/1/D1618.pdf> (accessed: 09.08.2018)
 28. Sainte-Beuve C.-A. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'empire: cours professé à Liège en 1848–1849/par C.-A. Sainte-Beuve. T. 1–2, P., 1861.
 29. Vaillant A. L'Art de la littérature. Extrait (Introduction) de “L'Art de la littérature. Romantisme et modernité”. P., 2016.
 30. Zenkine S. *L'Expérience du relatif. Le romantisme français et l'idée de culture*. P., 2011.

Ninel Litvinenko

CHATEAUBRIAND AND ROMANTIC CANON

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio str., 10A*

This paper discusses the role of Chateaubriand in the formation of the French romantic canon. The research object is the work of Chateaubriand in the context of romanticism. The romantic canon is a literary problem, the study of which helps to understand the place and role of the writer's heritage in the development of European literature, and the genealogy and evolution of romanticism. The romantic canon is explored as an open dynamic structure of interconnected dialogue-related motifs, intertextual links formed by the socio-cultural and aesthetic value paradigm. The canon created by Chateaubriand sacralizes the Christian-romantic utopia of the spirit. It is proved that the motifs and archetypes of the Chateaubriand multi-genre canon accumulate the personal and historical experience of the transitional age, generate new existential, symbolic, intertextual meanings, form new strategies of romantic writing that are typologically related to the different trends of European romanticism. The semantics of the Chateaubriand canon contains a threat to the collapse of the natural world. In *Rene* it was manifested in the tragic fallout of the hero from 'real life'. Chateaubriand introduced a new paradigm for the depiction of man in history, the relationship between 'history and History', problems, motifs, heroes, anticipating the artistic experience of Hugo and Lamartine, Musset, Vigny and George Sand, Byron and Walter Scott, Baudelaire and Verlaine... The lyrical magic of Chateaubriand's artistic style modeled the romantic canon, reinforced the impact of his work on the different layers of French literature. The lyric prose of the writer formed the 'new public image of the author', the 'reference models', relevant to European culture, which influenced the stereotypes of mass and non-mass literature of the 19th century. The author concludes that the utopia

of the spirit, which sacralizes the Chateaubriand romantic canon, has become a powerful resource for updating the horizon of its transformations in literature and its perception in the science of subsequent ages. The article uses a variety of research methods related to the principles of historical-literary, typological, receptive-aesthetic study of development processes, the interaction of literatures and cultures.

Key words: Chateaubriand; Romanticism; normative; romantic literary canon; archetypes; existential motives; reference models; symbolic meanings; intertextual communications; transitional era; genres; utopia; sacralization.

About the author: *Ninel Litvinenko* — Prof. Dr., Department of History of Foreign Literatures, Moscow State Regional University (e-mail: ninellit@list.ru).

References

1. Bloom H. *Zapadnyy kanon*. [H. Bloom. The Western Canon. The Books and School of the Ages] (In Russ.) M., *Novoe literaturnoe obozrenie*. [The New Literary Review] 2017. 668 p. (In Russ.)
2. De Man Paul. *Allegorii chteniya*. [Allegories of Reading...] Ekaterinburg, *Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.*, 1999. (In Russ.) 368 pp. (In Russ.)
3. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukha*. [Phenomenology of the spirit], SPb., *Nauka*, 1992. 444 pp. (In Russ.)
4. Losev A.F. *O ponyatii khudozhestvennogo kanona. Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki*. [On the concept of the artistic canon. The problem of the canon in the ancient and medieval art of Asia and Africa] M., *Nauka*, 1973. 256 pp. (In Russ.)
5. Megrelishvili T. *Russkii literaturnyi kanon v zerkale sovremennosti*. [The Russian Literary Canon in the Mirror of Modernity] URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_megrelishvili.pdf (accessed: 16.07.2018) (In Russ.)
6. Pakhsarian N.T. *Teoriya postmodernizma i sovremennyy frantsuzskiy roman*. *Literatura XX veka: Itogi i perspektivy izucheniya. Chetvertyye Andreyevskiy chteniya*. [The Theory of Postmodernism and the Modern French Novel. Literature of the Twentieth Century: Results and Prospects of Study. The Fourth St. Andrew's Readings] M., *Ekon-Inform*, 2006. 216 pp. (In Russ.)
7. Proust M. *O Shatobriane. Prust protiv Sent-Beva*. [About Chateaubriand. Proust v. Sainte-Beuve] URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/prust-protiv-sent-beva/o-shatobriane.htm> (accessed: 29.07.2018). (In Russ.)
8. Pushkin A.S. *O Miltone i perevode Shatobrianom "Poteryannogo raya"*. [About Milton and translation of Chateaubriand's "Paradise Lost."] M., *Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury*, 1962. T. 6. C. 233 (In Russ.)
9. Frolov G.A. *Postmodernizm i romantizm: dialog i vyzov*. Kontseptualno-semanticheskiy i sistemno-funktsionalnyy aspekty. Materialy itogovoy

- nauchnoy konferentsii. Kazanskiy Gosudarstvenniy Universitet [Post-modernism and Romanticism: Dialogue and Challenge. Conceptually-semantic and system-functional aspects. Materials of the final scientific conference. Kazan State University. Kazan, *Unipress*, 2002. URL: <http://old.kpfu.ru/fil/kn3/index.php?sod=50> (accessed: 16.06.2018). (In Russ.)
10. Foucault M. *Slova i veschi. Arheologiya gumanitarnyih nauk*. [Words and things. Archeology of the humanities] M., *Progress*, 1977. 408 pp. (In Russ.)
 11. Shreyder N.S. *Chateaubriand. Iz istorii literaturnogo naslediya*. [Chateaubriand. From the history of literary heritage] Dnepropetrovsk, *Art-press*, 2011, pp. 13–178. 425 c. (In Russ.)
 12. Yampolskiy M. *Literaturnyyi kanon i teoriya “silnogo” avtora. Inostrannaya literatura*, n° 12, 1998. [The literary canon and the theory of a “strong” author. Foreign literature] (In Russ.) URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html> (accessed: 16.07.2018). (In Russ.)
 13. Alain et Arlette Michel. *La littérature française et la connaissance de Dieu (1800–2000)*, Paris, Genève, *Editions du Cerf, Ad solem*, 2008.
 14. Baetens J., Ben de Bruijn. *Éloge de la canonization. Fabula-LhT*, n° 12, mai 2014. URL: <http://www.fabula.org/lht/12/mdrn.html> (accessed: 28.07.2018).
 15. Baudouin C., Lata M. (dir.). *Sacré canon. Autorité et marginalité en littérature*. Éditions Rue d’Ulm, 2017. *Collection Actes de la recherche à l’En* n° 22. 140 pp. URL: https://www.fabula.org/actualites/c-bodouin-m-lata-dir-sacre-canon-autorite-et-marginalite-en-litterature_82225.php (accessed: 18.06.2018).
 16. Baudouin S. Chateaubriand ou les ambiguïtés de la passion romanesque. *Acta fabula*, vol. 11, n° 7, Notes de lecture, Juillet 2010. URL: <http://www.fabula.org/acta/document5821.php> (accessed: 15.07.2018).
 17. CANON.s. m. Dictionnaire de L’Académie française, 6th Edition, 1832, 5 vol., t.1, p. 254. Copyright © 2001 ARTFL Project. The University of Chicago. URL: <http://portail.atilf.fr/cgi-bin/dico1look.pl?strippedhw=canon&headword=&docyear=1800–1899&dicoid=ALL&articletype=1> (accessed: 30.07.2018).
 18. Compagnon A. *Pas très ancienne, cette notion d’“écrivain national”, non? La République de livres*. Le 16 avril 2015. URL: <http://larepubliquedeslivres.com/compagnon/> (accessed: 30.07.2018).
 19. Debaene V., Pasquier R. *Que vaut la littérature? publiée sous la direction de Denis Saint-Jacques*, Québec, *Nota Bene, “Cahiers du CRELIQ”*, 2000. 375 p. URL: <http://www.fabula.org/cr/114.php> (accessed: 03.08.2018).
 20. Diaz J.-L. *Introduction. Le XIXe siècle face aux canons littéraires. Persistence, remises en cause, transformations. Revue d’Histoire littéraire de la France 114e Année, No. 1. P.*, 2014. URL: <https://www.jstor.org/stable/42796845> (accessed: 16.07.2018).
 21. Diaz J.-L. *Quand les lecteurs étaient victimes de personnages (1800–1871). Fabula. Les colloques*, Le personnage, un modèle à vivre, URL: <http://www.fabula.org/colloques/document5084.php> (accessed: 26.06.2018).

22. Escola M. *Information publiée le 27 avril 2015 par “Le français serait-il plutôt la langue de Montaigne”*. Entretien P. Assouline et A. Compagnon (la république des livres. fr). URL: <http://larepubliquedeslivres.com/compagnon>
23. Escola M. *Chateaubriand. Nouvelles perspectives critiques (Paris)*. Information publiée le 10 décembre 2016 par (source: Jean-Marie Roulin). Le 30 janvier 2017. Paris. “*Société Chateaubriand*”. Colloque du 250e anniversaire de la naissance de Chateaubriand — 1768–2018. Paris — Mardi 5 et mercredi 6 juin 2018. Société Chateaubriand. URL: <http://www.societe-chateaubriand.fr/>(accessed: 12.07.2018).
24. Gueden M. “*Et le Verbe s’est fait chair*”: la littérature et Dieu ou la quête du beau par le verbe. *Acta fabula*, vol. 10, n° 5, Essais critiques, Mai 2009. URL: <http://www.fabula.org/acta/document5060.php> (accessed: 11.07.2018).
25. Jeannelle J.-L. *Écrire ses Mémoires au XXe siècle: déclin et renouveau d’une tradition*. P., Gallimard, coll. “Bibliothèque des idées”, 2008. 432 pp.
26. *Réévaluations du romantisme. 1860–1940*. Colloque ANR—HIDIL. Montpellier, 26 et 27 avril 2012. URL: HTTP://LITTERATURE20.PARIS-SORBONNE.FR/IMAGES/SITE/20111215_113459MONTP_R_____VALUATIONS_DU_ROMANTISME.PDF (accessed: 12.06.2018).
27. Roy N. *De l’ironie romantique au roman contemporain: l’esthétique réflexive comme philosophie dans la trilogie “Soifs” de Marie-Claire Blais. Thèse présentée comme exigence partielle du doctorate en sémiology*. Université de Québec à Montréal. 2007. URL: <HTTPS://ARCHIPEL.UQAM.CA/893/1/D1618.PDF> (accessed: 09.08.2018).
28. Sainte-Beuve C.-A. *Chateaubriand et son groupe littéraire sous l’Empire: cours professé à Liège en 1848–1849* par C.-A. Sainte-Beuve. T. 1–2, P., Garnier frères, 1861.
29. *L’Art de la littérature. Romantisme et modernité*. P., Classiques Garnier, 2016.
30. Zenkine S. *L’Expérience du relatif. Le romantisme français et l’idée de culture*. P., Éditions Classiques Garnier, coll. “Études romantiques et dix-neuviémistes”, 2011. 244 pp.

ИЗ АРХИВА

А.И. Журавлева, В.Н. Некрасов

ЗВУЧАЩЕЕ СЛОВО: ПРОБЛЕМЫ ЕГО СЦЕНИЧЕСКОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ

К десятилетней годовщине смерти А.И. Журавлевой и В.Н. Некрасова по авторской машинописи с правкой публикуется текст, представляющий собой, видимо, начало доклада на тему, так и не получившую развернутого письменного (печатного) воплощения, но долго занимавшую авторов (см. прежде всего близкое по идеям, однако не совпадающее с публикуемым здесь ни концептуально, ни по формулировкам: [Журавлева, Некрасов, 1986: 41–45; Журавлева, 2001]).

Непосредственно связанный с научными интересами А.И. Журавлевой как исследователя творчества А.Н. Островского и теми практическими просветительскими задачами, которые Журавлева и Некрасов решали, сотрудничая со Всероссийским театральным обществом, — публикуемый текст одновременно отражает актуальную художественную ситуацию, то значение, которое приобрело живое звучание слова в русской поэзии второй половины XX в. (в противовес пониманию поэтического слова как слова по преимуществу книжного).

Доклад, видимо, был прочитан во время одной из последних командировок, в которые Журавлеву и Некрасова отправляло ВТО, в 1986 или 1987 гг. (судя по упоминанию «книги»: [Журавлева, Некрасов, 1986]).

Ключевые слова: А.Н. Островский; А.П. Чехов; Всероссийское театральное общество; драматургия; театр; перформативная поэзия.

Звучащее слово — речевой лад и живая интонация — основа метода Островского. Его театр едва ли не в большей мере театр звучащего слова, чем даже действия. Более того, Островский сделал язык почти объектом художественного изображения, так что его пространные экспозиции, где, казалось бы, ничего не происходит, могут смотреться не только без скуки, но и с захватывающим интересом при единственном условии: зрителю надо дать возможность следить за речью, за живым словом, полным юмора, тонкой игры смыслов и интонаций.

Современная Островскому бытовая речь, многообразие словаря, в который он и его великие предшественники щедро впустили народ-

Журавлева Анна Ивановна (1938–2009) — профессор филологического факультета Московского университета, исследователь русской литературы XIX в., супруга поэта Всеволода Некрасова.

Некрасов Всеволод Николаевич (1934–2009) — поэт, в 1960-е годы принадлежал к так называемой лианозовской школе, в 1970-е — один из создателей русского концептуализма.

ное просторечие и народное красноречие, творческое отношение к слову не только у писателей, но вообще у современников великого драматурга — это была та почва, на которой расцветало и великое актерское искусство Малого театра, та жизненная реальность, на которой вырос театр Островского как театр звучащего слова. «Писать для народа надо не так, как он говорит, а так, как он хотел бы говорить», — обронил как-то драматург. И это действительно нерв его отношения к речи на сцене.

Но развитие не только театра, а и всей культуры в конце прошлого века <т.е. XIX века> — с распространением грамотности, журналистики, привычки к письменному слову — постепенно изменяло отношение к языку: речь стала не предметом личного творчества, собственным, если угодно, эстетическим актом говорящего, а прежде всего функциональной, утилитарной и усредненной. Всё больше стало важно, что сказать, всё меньше думали, как сказать. Игровое и праздничное начало речи, отношение к разговору как к радости и творчеству (помните у Островского: «люблю разговор рассыпать» <слова Кулигина>) уходило из жизни. Уходило оно и из театра. Чеховский театр — полная победа этого нового отношения к языку и слову. Колоритные особенности речи становятся у него предметом «цитирования», выполняют только характерологическую роль, да и вообще достаточно редки, а вне комического употребления что-то и не припоминаются.

...два ангела
на двух велосипедах —
любовь моя
и молодость моя

(поэтическая формула двуединой природы)¹.

Чехову становится важна не речь, не слово, а то, что за словом, то, что утаивают и прикрывают форсированно жизнеподобные бытовые диалоги. Новая актерская школа воспитала в поколениях современных актеров недоверие к открытому слову, к его прямому и полному смыслу.

Театр меняется во времени, и многие актерские навыки, на которых базируется, из которых вырастает театр Островского, в

¹ Цитата из стихотворения Михаила Светлова «Бессмертие» вписана на нижнем поле машинописи почерком Некрасова; слова Светлова воспроизводятся точно, но графика текста изменена. Хотя именно эти строки Некрасов любил, часто цитировал и, видимо, они существовали для него в значительной степени автономно, вне контекста всего стихотворения Светлова, — возможно соотнести с тезисами Журавлевой именно последующие строфы «Бессмертия», где говорится о «золоте», «полновесном рубле» полноценной речи и «гривенниках», на которые этот рубль нельзя разменять.

сегодняшнем театре оказываются утраченными или, во всяком случае, ослабленными. Что для читателя выглядит чем-то само собой разумеющимся, то театру, как видим, приходится открывать заново, верней, добывать немалыми трудами. Важно только понимать и помнить, что это не чья-то злая воля, прихоть или причуда — так сложился путь самого нашего театра, его история. Режиссер же имеет дело с сегодняшним состоянием театра и с профессиональными навыками сегодняшних актеров, с сегодняшними зрителями. И простыми разъяснениями, призывами, тем более — запретами и окриками тут ничего не изменить. Должна меняться культурная ситуация в целом, вырасти поколение зрителей, не глухих к слову как к искусству. Театр же пока что вынужден искать путей и способов, как заставить прозвучать слово классика так, чтобы его смог без фальши произнести актер и услышать зритель, способов, пусть иногда в чем-то искусственных и, может быть, временных. И театр такие пути ищет, в иных случаях — находит. Тема эта весьма обширна, отчасти нам приходилось писать о ней в книге и говорить в выступлениях на конференциях по Островскому. Сегодня же мы намерены остановиться на одном ее аспекте, на одной, быть может, самой трудной задаче: как быть современному театру с патетическим словом героя, с «декламацией» (ее значение и место в классическом театре — проблема сложнейшая, исторических аспектов ее мы не коснемся — речь пойдет именно о современном звучании такого текста).

Театр Островского — это театр с положительным героем, т.е. с таким, который не только вызывает сочувствие зрителей, но и выражает авторскую и зрительскую точку зрения на события пьесы и жизнь в целом. Как бы много или мало (у Островского это бывает по-разному) в пьесе ни значила интрига, побеждает герой всегда словом. Прямое, открывающее истину слово — важнейший элемент поэтики Островского. Поэтому для современной постановки Островского всегда есть опасность не справиться с такими оценивающими, прямыми, патетическими монологами...

Публикация Г.В. Зыковой

Список литературы

1. *Журавлева А.И., Некрасов В.Н.* Театр А.Н. Островского. М., 1986.
2. *Журавлева А.И.* Речь как средство и как предмет изображения в театре Островского // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы. М., 2001. С. 446–447.

Anna Zhuravleva, Vsevolod Nekrasov

**A WORD THAT SOUNDS: PROBLEMS OF THE ONSTAGE
ACTUALIZATION OF THE WORD**

It is ten years since Anna Zhuravleva and Vsevolod Nekrasov passed away. This article is a tribute to their literary talents and dedication to literature and theatre. This paper is the beginning of their public lecture about something that was very important to them, but which, nevertheless, has never been published. Anna Zhuravleva was a connoisseur of the Russian dramatist Aleksandr Ostrovsky, and together with Vsevolod Nekrasov she was an outstanding promoter of the National Theatre Society. Although time flies, this paper sounds as if it were specifically written to reflect the current situation in the theatre, it is about making the literary word sound right onstage, it is about the contrast between the spoken word and the written word. This lecture was, apparently, commissioned to Zhuravleva and Nekrasov by the National Theatre Society and they read in 1986 or 1987.

Key words: A.N. Ostrovsky; A.P. Chekhov; the National Theatre Society; dramatic art; theatre; performative poetry.

About the author: *Anna Zhuravleva* (1938–2009) — Professor of the Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, researcher in Russian literature and wife to Vsevolod Nekrasov; *Vsevolod Nekrasov* (1934–2009) — a Russian poet; belonged to the so-called Lianozovo School in the 1960s, and was a founder of Russian conceptualism in the 1970s.

Published by G.V. Zykova

References

1. Zhuravleva A.I., Nekrasov V.N. *Teatr A.N. Ostrovskogo* [Theatre of A.N. Ostrovsky]. M. *Prosveshhenie* [The Enlightenment], 1986. 208 p.
2. Zhuravleva A.I. *Rech' kak sredstvo i kak predmet izobrazhenija v teatre Ostrovskogo* [Speech as a means and as a subject of representation in Ostrovsky theatre] *Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Mezhdunarodnyj kongress rusistov-issledovatelej. Moskva, filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 13–16 marta 2001 g. Trudy i materialy [Russian Language: its Historical Destiny and Present State. The International Congress of Russian Language Researchers. Moscow State University, Faculty of Philology, March 13–16, 2001. Proceedings and Materials]. M., *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta* [Moscow University Press], 2001, pp. 446–447.

РЕЦЕНЗИИ

В.Г. Кульпина

**Рецензия на кн.: Е Р М А К О В А О. П.
МЕСТОИМЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. М.: Флинта; Наука, 2018. 80 с.**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензия посвящена книге, в которой описываются местоимения всех типов. Местоимения рассматриваются в рецензируемой книге как вторичная система частей речи, функционирующая в качестве параллельной системы к основным частям речи. Автор затрагивает проблему классификации местоимений и дополняет ее некоторыми единицами, которые ранее не включались в местоимения. Показываются специфические грамматические и семантические признаки местоимений по сравнению с основными частями речи, что полезно с точки зрения выявления специфики обеих систем.

Ключевые слова: местоимение, часть речи, классификация частей речи, грамматика, семантика, русский язык.

Исследователи постоянно обращаются к проблематике местоимений как отдельного лексико-грамматического класса в стремлении выявить у них такие признаки части речи, которые безоговорочно могли бы свидетельствовать об их частеречной автономности. В книге О.П. Ермаковой путем охвата описанием всех разрядов местоимений решаются задачи объяснения их общности и представления как целостной системы. Характерно употребление автором при описании местоимений термина *местоименная система частей речи* в противопоставлении *системе основных частей речи*.

В первой главе «Местоимения как микросистема частей речи, параллельная основной» О.П. Ермакова в качестве причины объединения местоимений в нашем сознании в единое целое указывает на их семантическую общность, грамматическую соотносительность с *основными частями речи* и союзными словами, а также целый ряд общих корней и постфиксов (*кто-то, что-нибудь*). Местоимения предстают в качестве «особой, второй микросистемы частей речи,

Кульпина Валентина Григорьевна — доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vgrkulpina@mail.ru).

параллельной основной, и с известными особенностями повторяющей первую» (с. 5). Свообразие местоименной системы частей речи, по мнению автора, проявляется, в частности, в представленности в отдельных разрядах местоимений целого набора частей речи: ср. частеречное разнообразие сферы указательных (*тот, этот, там, так, столько*); отрицательных (*никто, никакой, нигде, нисколько*), неопределенных местоимений (*такой-то, тогда-то, столько-то*) и др.

Среди характерных особенностей местоимений называется отсутствие у них системы аффиксального словообразования и, соответственно, неприменимость к ним понятий неологизма, окказионализма и производности. Словообразовательный потенциал местоимений ограничен (*здесьний, тамошний, всегдашний*) и реализуется в пополнении лексикона основных частей речи (*тыкать, выкать, междусобойчик, отсебятина*), но не местоимений. Общность корней у разных разрядов местоимений не сопровождается отношениями производности.

Синтаксические особенности местоимений проявляются, в частности, «в одинаковой прикрепленности местоимений одного синтаксического ряда, но различных по частеречной принадлежности, к определенным структурным, функциональным и модальным типам предложений» (с. 13). Примером служат безличные предложения особого структурного типа, в которых отрицательные местоимения выступают с частицей *не*-исключительно в сочетании с инфинитивом (*ничего этим заниматься, некуда пойти*). Обращается внимание на специфическую сочетаемость личных местоимений с прилагательными лишь при обособлении (*он, мятежный...*).

Стилевая дифференциация внутри класса местоимений выступает как в пределах одного разряда местоимений, так и в внутри отдельных членов разряда и реализуется на лексическом уровне, не затрагивая грамматического уровня. Представлены формы, относящиеся к кодифицированному литературному языку, разговорной речи и к просторечию (*ейный*), что проявляется в составе употребляемых местоимений, более активном использовании каких-либо разрядов местоимений в ущерб другим и др. Представленность частей речи внутри семантических разрядов такова: местоимения-существительные имеются во всех семантических разрядах; прилагательные выступают везде, кроме возвратного *себя* и отрицательных местоимений с частицей *не*. Числительные охватывают несколько семантических разрядов. К местоименным глаголам автор относит *что делать/что сделать* и выделяет *местоименные предикативы*, способные выполнять роль сказуемого (*не по себе; так себе; так* и др.) и пополняющие систему частей речи. У местоимений-существительных выражено противопоставление лица и предмета, реализуемое через чередование *к/ч* (*кто/что, никто/ничто* и др.).

Отношение местоимений к категории рода отмечается как неединообразное. К общему роду относятся местоимения *я* и *ты*; к мужскому роду — местоимения с *к-корнями* (*кто сказал*) и к среднему — с *ч-корнями*. Описывая отношение к категории числа, О.П. Ермакова высказывает мнение, что местоимения не изменяются по числам, выступая или в един. числе, или во множ. числе (*я — мы, ты — вы*). У местоимений *он, она, оно, они* категория числа выражена как морфологически, так и синтаксически. Отношение местоимений к категории падежа рассматривается О.П. Ермаковой достаточно детально. Среди отличий категории падежа существительных от таковой у местоимений отмечаются: 1) супплетивизм (*я — меня, он — его*); 2) неполнота падежной парадигмы (у некоторых местоимений отсутствует именительный падеж (*себя* и *некого, нечего*)). Склонение разнообразно по типам: представлен субстантивный тип (*я, ты*), адъективный тип склонения (*он*), субстантивно-адъективный (*она, оно, они*), Местоимения с *к-корнями* имеют субстантивный тип склонения. У разных разрядов местоимений фиксируется целый ряд парадигматических лакун (например, отсутствует родительный принадлежности у местоимений существительных).

Семантика существительного (метафорическая или метонимическая определенного типа) может выступать как фактор, блокирующий замену существительного местоимением. Местоимения *к-корней* (*кто, что* и др.) имеют склонение смешанного, субстантивно-адъективного типа. Из местоимений *к-корней* наибольшим диапазоном употребления обладает местоимение *что*, способное соотноситься с предметом и с ситуацией, выражать значения субъекта, объекта (*Что произошло?; То, что он увидел ему не забыть; Чем это пахнет?*). Выражая семантику причины и цели, местоимение *что* может выступать с разнообразными предлогами (*из-за чего, для чего...*) и беспредложно, через формы *что/чего* выражая причину и следствие (*Чего же ты плачешь?; Что вас давно не видели?*). На вопрос *почему?* требуется ответ ситуативного плана (*Почему концерт отменили? — Певец заболел*).

В подразделе «Местоименные прилагательные» подчеркивается факт морфологической соотнесенности местоимений-адъективов с основной системой частей речи в плане изменения по числам, родам и падежам; склонение осуществляется по адъективному и субстантивно-адъективному образцам (*какой, никакой, какой-нибудь*). В системе местоименных прилагательных местоимения *его, ее, их* рассматриваются как несклоняемые (и уподобляются несклоняемым прилагательным *мини, бордо, ретро* и т.п.). Утверждается, что синтаксические свойства местоименных прилагательных варьируют в широких пределах. Некоторые из них могут быть употреблены пре-

дикативно, без определяемого ими существительного. Акцентируются текстообразующие свойства местоименных прилагательных, а именно, возможность употребления без придаточного предложения (ср. *теперь, брат, я не тот*). Местоименные прилагательные (за исключением *ничей* и *никакой*) характеризуются способностью к образованию вычленяемых именных сочетаний с существительным (*этот дом*).

Местоименные числительные формируют небольшую группу неопределенно-количественных слов с субстантивно-адъективным типом склонения, в основных чертах отражающих морфологосинтаксические свойства соотносимых частей речи; их окончания аналогичны окончаниям прилагательных во множ. числе (*нескольких, нескольким*), такова и сочетаемость: они управляются существительными и с ними согласуются (*стоят несколько домов*). Местоименное числительное *столько* согласуется с неопределенным количеством денотатов (в отличие, например, от *несколько*).

Местоименные наречия в их разнообразии представлены качественными местоимениями (*так, как*), местоимениями места (*там, туда*), цели (*зачем*) и др. и отсутствуют лишь у разрядов личных, притяжательных и возвратных местоимений. Впрочем, хотелось бы здесь добавить, что такие конструкции личных местоимений, как у *него* (= 'в его доме') весьма распространены и обозначают именно место, связанное с каким-либо лицом. Отмечается, что шире всего наречия представлены в разрядах вопросительных, относительных и указательных местоимений (при этом весь «комплект» частей речи наиболее полно представлен у вопросительных, относительных и указательных местоимений).

Предикативы образуются на основе разных разрядов местоимений, для них характерна подверженность процессам лексикализации (*Я сегодня никакой; Что мне за дело...?*).

О.П. Ермакова устанавливает значительные различия в классификациях местоимений, фиксируемые в лингвистической литературе. Среди различий отмечаются терминологические (*определятельные* — они же *обобщительные* (по Пешковскому)). Значительные различия вычленяются в делении местоимений по разрядам. О.П. Ермакова полагает, что вывод относительных местоимений из разряда знаменательных в разряд служебных слов (несмотря на наличие у многих из них форм словоизменения) нарушает целостность местоименной микросистемы. Она отрицательно оценивает стремления объединить *вопросительные* и *относительные* местоимения в один разряд, считая их омонимами.

В качестве традиционной классификации местоимений О.П. Ермакова приводит следующую (приводимую нами или без примеров,

или со значительными сокращениями экземпляфикации): 1. Личные. 2. Притяжательные. 3. Указательные. 4. Определительные (обобщительные): *сам, самый, весь, всякий, каждый, иной, другой, везде, всегда* и др. 5. Неопределенные: *некто, нечто, некоторый, некогда* ('когда-то'), *кое-что, чей-то, зачем-то* и др. 6. Отрицательные: *некого, нечего, некуда, незачем, никто, ничто* и др. 7. Вопросительные: *кто, что, какой, который, каков, почему, когда* и др. 8. Относительные — с аналогичным составом, что и вопросительные. 9. Возвратное.

Приводимая классификация содержит целый ряд местоимений, фиксирующих отношения неопределенности: 10. Неопределенно-указательные: *тот-то, такой-то, так-то* и др. 11. Вопросительно-неопределенные: *кто-то? что-то? как-то? где-то? куда-то?* и др. 12. Относительно-неопределенные: *кто-то, что-то* и др. — совпадают по составу с вопросительно-неопределенными. О.П. Ермакова полагает, что вопросительно-неопределенные и относительно-неопределенные в грамматиках и учебных пособиях обычно не приводятся. Ею выделяются также неопределенно-указательные типа *такой-то, то-то, тот-то, столько-то* и др.

Выделяются также указательно-уточнительные местоимения: *такой-то* (*Вот такой-то человек мне и нужен; потому-то* (которые не следует смешивать с вопросительно-неопределенными и относительно-неопределенными, выступающими в отношении указательно-уточнительных местоимений как омонимы: *так-то* (*так-то ты меня любишь*))).

О.П. Ермакова утверждает, что семантическая классификация местоимений не отражает их реального состава в русском языке в полной мере и указывает на существование многочисленных составных местоименных единиц, которые в отечественной грамматической традиции получают квалификацию местоимений с частицами или таковую грамматических фразеологизмов. В то же время О.П. Ермакова считает целесообразным включать такие единицы в состав местоимений. Она выделяет среди них идентифицирующие местоимения: *тот же, такой же, так же, не что иное, как, не кто иной, ка*; местоимения-интенсификаторы: *так — такой, как — какой* (*Он так хорош!*; *Какая она красивая!*). Автор указывает на трудности построения полностью логичной квалификации местоимений в связи с совмещением значений многими из них.

О.П. Ермакова отмечает неоднородность категории неопределенности с точки зрения выражаемого содержания. В сфере неопределенных местоимений ее интересуют прежде всего различия в выражении неопределенности как таковой между местоимениями с постфиксами *-то, -нибудь* и *-либо*. Слова с приставкой *кое-*,

наряду с семантикой неопределенности как неизвестности, несут еще и дополнительную информацию о том, что объект известен говорящему, но неизвестен собеседнику (*Я Вам кое-что принес*). Специфичностью семантики отмечено местоимение *кое-где*, означающее ‘не везде’ (*Кое-где нашел в рукописи неточности*). Добавим, что это местоимение имеет дистрибутивный оттенок. Постфикс *-то* служит обозначению неизвестного как для говорящего, так и для слушающего (*Вас кто-то спрашивал*). С названиями животных употребляются скорее родовые термины (*какая-то птица, какая-то букашка*). Местоимения с постфиксами *-нибудь* и *-либо* являют собой сочетание семантики неизвестности с незаинтересованностью лица в этом неизвестном, в том числе при выборе какого-либо объекта (*Хочется летом куда-нибудь поехать*). Среди неопределенных местоимений выделяется группа с приставкой *не-* (*некто, нечто, некоторый, некогда* (с семантикой ‘когда-то’), характеризующая особой стилистикой принадлежности к книжной речи. В основной массе своих употреблений они синонимичны местоимениям с постфиксом *-то* (*некто в сером*). Местоимение *некоторый*, наряду с семантикой неизвестности, содержит еще и семантику ограниченной неопределенности (*некоторые деревья засохли*).

Отрицательные местоимения с приставкой *не-* представляют собой безлично-предикативные слова (*незачем, нечего...*): (*мне незачем к ней ходить*). Эти местоимения с модальной семантикой могут включаться в систему основных частей речи в результате лексикализации, степень которой у них разная. Так, *незачем* имеет семантику ‘не надо’. У *нечего* выступает иной оттенок значения (*нечего жевать, нечего переживать*). *Некуда* выступает в значениях: 1) ‘нет такого места, куда можно было бы идти’, и 2) жизненной ситуации (*ей некуда деваться*). Второе значение — это ‘не стоит’, ‘нет необходимости’ (‘торопиться некуда’). И таким образом, местоимения типа *нечего* выходят за пределы системы местоимений в связи с их подверженностью процессам лексикализации.

Анализируя местоимения с приставкой *ни-*, выступающие в отрицательных и утвердительных предложениях, О.П. Ермакова терминологически обозначает их как *типа никто*. При этом в утвердительных предложениях эти местоимения лексикализуются (*Он для меня ничто. Этот дом ничего*). Отмечается их распространенность в художественной речи и возможности употребления в устной речи (*дорога никуда: Продал дом ни за что*). Местоимения с *ни-* в отрицательных предложениях обладают особой специфичностью семантики. Фактически это предложения с частицей *ни-*, а не с приставкой *ни-* (*Никто не пришел на лекции*). Отмечается возможность их употребления с прилагательными (*никто другой; ни от кого другого она не примет помощи*).

Несмотря на наличие в книге раздела «Прономинализация», может создаться впечатление, что описывая отдельные случаи прономинализации, автор в какой-то мере отказывает в существовании самому явлению. В то же время представленный в книге материал свидетельствует в пользу прономинализации как явления, а индикатором его экзистенции являются именно семантическая обобщенность, «незаполненность» и лексическая недостаточность.

О.П. Ермакова устанавливает оппозиции между местоимениями разных разрядов. При этом суть этих отношений, их дистрибуции — самая разная, устанавливаемая по разным семантическим параметрам. Дробность устанавливаемых оппозитивных отношений, их детализация говорят о том, что мы имеем здесь дело уже не с грамматической семантикой, но с лексической, в которую тем не менее местоимения привносят свою грамматическую семантику и свои категории, позволяющие увидеть мир в специфических когнитивных ракурсах.

В разделе «Лексикализация местоимений» автор выделяет контекстно обусловленные факты лексикализации: личных *я, мы, вы* и возвратных местоимений (*не в себе; быть вне себя* ('в ярости'); *не по себе; так себе*).

Во второй главе «Взаимодействие двух систем частей речи» приводятся традиционные утверждения и примеры прономинализованных слов и структур, таких, как *человек, вещь, дело, штука* и др. под. В то же время О.П. Ермакова считает, что прономинализация и лексическая пустота — не есть явления одного порядка. Неоднородность подтверждается, по мнению О.П. Ермаковой, наличием разнообразных лексически опустошенных лексем в разговорной речи типа *вот такая петрушка, вот такие пироги, такая дрянь (прелесть, роскошь)*. Указывается на нередко выполняемую десемантизированными словами функцию структурных подпорок.

Приводятся примеры активности процессов лексикализации местоимений, затрагивающих каждый из разрядов местоимений, особенно в разговорной речи, но нередко и в поэтической речи и в публицистике.

В сфере личных местоимений процессам лексикализации подвержены такие местоимения, как *я, он (она сказала — это он), мы и вы (не про нас; не про вас)*. Для возвратных местоимений отмечаются такие местоименные сочетания, как *не в себе, не по себе* и др. У притяжательных местоимений выделяется, например, *мой* (в значении 'муж'), *мои* (в значении 'родственники'), *наш* ('близкий по духу') и др. У неопределенных местоимений выделяется *нечто* как служащее оценке.

Таким образом, книга О.П. Ермаковой вносит большой вклад в изучение категориальной детализации местоименной семантики

и позволяет по-новому взглянуть на когнитивные механизмы на уровне субститутивного мышления и их значимость для лингвомыслительных процессов.

Valentina Kulpina

Book Review: Y E R M A K O V A O . P .

RUSSIAN PRONOUNS. Moscow: Flinta, Nauka, 2016. 80 p.

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The paper reviews the book by Olga Yermakova on pronouns in Russian. The pronouns are considered as a secondary system of parts of speech which function parallel to the basic part-of-speech system. The book revisits the pronouns classification, proposing to enlarge it with some more units which have been treated as other parts of speech. Grammatical and semantic features of pronouns are contrasted to features of basic parts of speech, which helps to better understand specifics of both systems.

Key words: pronoun; part of speech; part of speech's classification; grammar; semantics; Russian language.

About the author: *Valentina Kulpina* — Prof. Dr., Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vgrkulpina@mail.ru).

А.И. Изотов

**Рецензия на кн.: Skalička V. OPAVŠTINA
PRO SAMOUKY. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s.**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В рецензии представлен «Самоучитель опавского языка» — идиома, формируемого говорами жителей окрестностей городов Опавы (чешск. Орава, нем. Троппау) и Глучина (чешск. Hlučín, нем. Hultschin) в Чешской Силезии и рассматриваемого как один из славянских микроязыков, способный вступать в сложные ди- и полигlossные отношения с чешским литературным языком (чешск. spisovná čeština), а также с чешским обиходно-разговорным койне (чешск. obecná čeština) и отнюдь не совпадающий с «силезским» микроязыком Польской Силезии (чешск. slezština, пол. język śląski, нем. Wasserpolnisch).

Ключевые слова: микроязык; койне; чешские диалекты; силезский язык; ляхский язык; опавские говоры; опавский язык; диглоссия; полиглоссия.

В предисловии к рецензируемому учебнику его автор признается, что сам термин «опавский язык» (чешск. opavština) не входит в научный обиход и что речь идет об идиоме, известном в чешской диалектологии как «западная (опавская) группа силезско-моравских (= «ляшских») говоров» [чешского языка. — *А.И.*], вполне способном, однако, рассматриваться в качестве микроязыка, носителями которого являются около 150 тыс. жителей окрестностей городов Опавы (чешск. Орава, нем. Троппау) и Глучина (чешск. Hlučín, нем. Hultschin) в Чешской Силезии, а также некоторых прилегающих территорий.

На большей части Силезии (и прежде всего в Силезии Польской) этот идиом известен как «моравский язык» (moravština), в Моравии и в части Чешской Силезии — как «силезский язык» (slezština) или «пруссский язык» (prajzština/prajsština; аннексированная в 1742 г. Фридрихом Великим часть Силезии получила у ее жителей и их соседей название «прусская», в отличие от оставшейся в составе Священной Римской империи «имперской» части), в отечественной богемистике в последнее время популярен термин «североморавские» (= «силезские» = «ляшские») диалекты/говоры чешского языка, см.,

Изотов Андрей Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a.i.izotov@mail.ru).

например: [Скорвид, 2005: 234, 272–234]. Сами же носители данного идиома, как это часто и происходит с носителями микроязыка, полагают, что они говорят просто «по-нашему» (po našem), ср. [Skalička, 2017: 6; Дуличенко, 1993: 152].

Как выглядит фраза на «опавском языке» (opavština) на фоне изучаемого всеми гражданами Чешской республики в школе литературного чешского языка (spisovná čeština), а также экспансирующего за пределы территории собственно-чешских диалектов обиходно-разговорного чешского койне (obecná čeština), автор самоучителя иллюстрирует на с. 7 следующими примерами (порусски означающими одно и то же — ‘Поскольку эта тележка там мешала, я в нее врезался, слетел вниз и ушиб себе при этом локоть о старую бочку’):

[opavština:] Jak tam ten vuzek zavazał, tak sem doňho žduchnuł, sletěł sem naduł a nachrapał sem se při tym łokeť o staru bečku.

[spisová čeština:] Jak tam ten vozík překážel, tak jsem do něho šťouchl, sletěl jsem dolů a natloukl jsem si při tom loket o starý sud.

[obecná čeština:] Jak tam ten vozejk překážel, tak sem do něho šťouchnul, sletěl sem dolu a natlouk sem si při tom loket vo starej sud.

Бесспорно являясь частью чешского языкового континуума, рассматриваемый идиом расположен где-то поблизости пересечения границ континуумов чешского, польского и моравско-словацкого (= «восточноморавского»). С польским ареалом его сближает (противопоставляя чешскому и моравско-словацкому ареалам), в частности, отсутствие фонологической долготы гласных и ударение на втором от конца (а не на первом от начала) слоге, с ареалом чешским — наличием <ř>, с ареалом моравско-словацким — мягкое окончание/суффикс инфинитива и т.д. Эту близость/удаленность идиомов автор самоучителя метафорически иллюстрирует на с. 9 перекрестком с указателем Opavské nářečí [чешск. ‘Опавские наречия’]: газон с одной стороны снабжен табличкой Česká oblast [чешск. ‘Чешский регион’], газон с другой — табличкой Okręg polski [пол. ‘Польский регион’], с третьей стороны — табличкой Slovenská oblasť [словац. ‘Словацкий регион’], а стрелки в соответствующих направлениях сообщают: «Литературный чешский язык — 3 км», «Обиходно-разговорное чешское койне — 5 км», «Польский язык — 6 км», «Польско-силезские наречия — 4 км», «Валашские [северные восточно-моравские] наречия — 2 км», «Словацкий язык — 4 км» и предлагает два составленных им отрывка «на опавском языке», первый из которых звучит почти по-словацки, а второй — почти по-польски:

1. V zoologickej zahrade maju volny deň. Ružova opice a lemury môžu čítať encyklopediu a hryzť šalát a kel. Navštevníci idu preč. Hroch hraje hry na mobile, ide spať do izby až neskoro rano. Další deň v pavilone vítajú cvičiteľ. Ten ma šikovne ruky a robí kusky, jaké ště ešte nĕvidĕli <...>

2. Raz bylo pani Volne zle. Tajak by ju nožicama pchať v pucheřině. V tym tydnu něbylo u nich dochtora, tuž šla do svych děcek. Martin ju vzať na vože s koněm. <...>

При обращении к «опавским» текстам в глаза бросается также и обилие германизмов, вполне закономерное, учитывая многовековое сосуществование его носителей с немцами Силезии, а также политику германизации, которая в Пруссии проводилась гораздо более жестко, чем в относительно толерантной в языковом отношении Священной Римской империи, подробнее см. [Střibrný 2010], ср. сценку на с. 52, в которой владелец дома соглашается с гостем, обратившим внимание на плачевное состояние крыши, и обещает всё починить; лексические германизмы выделены нами полужирным шрифтом:

Ja, maš recht. Rynštok a dekelfyra v luftě, mur bez pucu, dachpapa je durch a jakystyk krysbaum už leze raus. Muj švigerfoter, un je taky bajstler, un ma na to vercajk a zycher aj ybryšny plech. Němusitě měť v šlafcimře vašpeky. Albo na ten dach přinaglujemy tepich a fertig!

Для записи «опавских» слов и текстов автор использует расширенный за счет графем ě, š, ž, ů современный чешский алфавит, детально изложив на с. 13–17 правила чтения букв этого расширенного алфавита в трех основных группах говоров Чешской Силезии. Например, буква ě читается как мягкий [tʲ] в группе А (южная группа), как [č] в группе В (западная группа) и как [č] в группе С (восточная группа), буква ě обозначает твёрдый [l] в группе А и [ŭ] неслоговой в группах В и С, буква ř в группах А и В (а также части говоров группы С) имеет те же фонетические реализации, что и в литературном чешском языке, однако в некоторых говорах группы С может обозначать обычные [ž] или [š], что же касается буквы ů, то дистрибуция её фонетических реализаций проходит «поверх» названных трех групп — на большей части территории Чешской Силезии эта буква соответствует назальному [u] или же сочетанию [um], на южной и на восточной периферии — обычному [u]. На обороте обложки автор разместил трехцветную (каждой из названных трёх групп говоров соответствует определенный цвет) карту региона и сводную таблицу произношения используемых им букв. Это позволило автору унифицировать графический облик регулярно привлекаемых им художественных и фольклорных текстов других авторов (при взгляде «со стороны» на говоры Чешской Силезии в глаза бросаются прежде всего их фонетические расхождения, различия же в словоизменении и синтаксисе менее заметны), а потенциальному читателю предоставило возможность изучать данный идиом в нужном для него (читателя) варианте произношения. В результате получился самоучитель не только заявленного в предисловии «опавского языка», но и «ляшского языка» в целом, в сферу которого входят также и записанные чешской графикой тексты в Сети (ср., например, материалы в

интернет-журнале <http://denik.ostravaka.cz/> или статьи известного блогера Ладислава Ветвички на <https://vetvicka.blog.idnes.cz/>), а также, что особенно важно, основывающаяся на верхне-остравских говорах Чешской Силезии поэзия номинанта на Нобелевскую премию по литературе 1970 г. Ондры Лысогорского, «ляшский язык» которого А.Д. Дуличенко рассматривает как один из литературных микроязыков Славии, см. [Дуличенко, 1993: 154, 158 след.].

Самоучитель построен по образцу классических учебников близкородственного языка. Лексический и грамматический материал разбит на 12 уроков со сходной структурой. Каждый урок открывается учебным текстом и диалогом, снабженными «опавско»-чешским словариком, где представлены лексемы, отсутствующие в чешском языке либо расходящиеся с похоже звучащим чешским словом семантически или грамматически. После текста и диалога идет грамматический и лексический материал, подаваемый в последовательном сопоставлении с чешским языком (литературным и/или обиходно-разговорным).

Например, на с. 20 в параграфе «Чешско-моравские литературные дублеты» (*Česko-moravské spisovné dublety*) сообщается, что на территории Силезии могут активно употребляться лексемы, характерные для всего моравского региона (в состав которого входит и Чешская Силезия), в том числе и допустимые в чешском литературном языке «восточные» (моравские) дублеты «западных» (чешских в узком смысле) лексем, ср. *truhlař — stolař* ‘столяр’, *vesnice — dědina* ‘деревня’, *prkno — deska* ‘доска’, *borovice — sosna* ‘сосна’, *sud — bečka* ‘бочка’ и т.д. Автор дает сначала «чешский», а потом «моравский» вариант, специально это не оговаривая (поскольку носителю чешского языка, на которого и ориентирован самоучитель, это и так очевидно), зато отмечает случаи фонетических/графических особенностей «ляшской» версии «моравского» варианта, ср. *větev — haluz* (laš. hałuż) ‘ветка’, *světnice — jizba* (laš. izba) ‘комната’, *čtyřka — čtverka* (laš. štverka) ‘четверка’ и т.д. Заметим, что очень часто, хотя и не всегда, «восточный» вариант оказывается ближе к соответствующей русской лексеме, чем «западный», ср. русск. *Столяр, доска, сосна, бочка, изба, четверка*.

На с. 21 из рубрики «Говоря по-простому» (*Ausdruky od ruščiska*) мы узнаем, что «любимое словечко жителей Силезии — *fajnu*», которое «употребляется чуть ли не в любом сочетании, обозначающем нечто хорошее, красивое или приятное», причем «употребляется еще чаще, чем несклоняемое *fajn* в обиходно-разговорном чешском», так что *fajna děvucha* — это ‘шикарная девчонка’ (чешск. *prima holka*), *fajny synek* — ‘отличный парень’ (чешск. *dobrý kluk*), *fajny čas* — ‘хорошая погода’ (чешск. *pěkné počasí*), *fajna zabava* — ‘классная вечеруха’ (чешск. *bezva zábava*), *fajne ponožky* — ‘удобные носки’ (чешск. *příjemne ponožky*), *fajny material* — ‘качественный материал’ (чешск. *kvalitní materiál*).

В рубрике «Об именах и названиях» (O jménech a názvech) на той же странице отмечаются местные способы образования феминативов, например, Šnajder > Šnajderka (лит. чешск. Šnajderová), Jedlička > Jedliččena (лит. чешск. Jedličková), [Kreuzberger >] Krajcbergřena (лит. чешск. Kreuzbergerová) и т.д. Тут же читателя предупреждают, что подобные огласовки звучат фамильярно, а иногда и насмешливо, и рекомендуют при «вежливом» способе обращения использовать всё же литературную модель, а также отсылают к встречающимся на последующих страницах огласовках *Vuška* и *Klajnka* (первую даму мы находим на с. 26 в песне «*Hrušky*» [‘Груши’], где она была застигнута в соседском саду во время кражи, а вторую — под надписью *Řeznictví Kleinová* [‘Мясная лавка Клейновой’] в комиксе на с. 27 в роли владелицы соответствующего магазина).

В приводимых на с. 25 комментируемых словоизменительных парадигмах **roba** ‘жена, женщина’, **ruža** ‘роза’, **siň** ‘зал; сени’ выделены окончания, не совпадающие с окончаниями соотносительных слов и парадигм литературного чешского языка (тип *žena* ‘жена, женщина’, тип *říže* ‘роза’, тип *říseň* ‘песня’, по которому склоняется и слово *siň*).

На с. 32 в рубрике «Можно перепутать» (*Může se plést*) сообщается, что **židla** — это совсем не «стул» (в литературном чешском языке *židle*, в реплике приехавшего в Прагу моравского провинциала из фильма “*Vrchní, prchní*” — *židla*), а «сундук» (= чешск. *truhla*). Точно так же к «стулу» не имеет никакого отношения и **židlo** (= чешск. *pramen* ‘источник’, ср. чешскую же лексему *žídlo* с тем же значением, однако в 22 раза менее употребительную, чем лексема *pramen*, если верить нашему пилотному поиску в Чешском национальном корпусе); пример *Děvucha pije z čisteho židla* переводится автором на чешский как *Holka pije z čistého pramene* ‘Девчонка пьет из чистого источника’ и иллюстрируется цветной фотографией. «Стул» же «по-опавски» будет **stolek** или **mały stuł**, а в случае с «ночным» стулом — **nachkasla**.

На последовательном сопоставлении с чешским языком строятся и упражнения (снабженные, как правило, ключом). Так, на с. 28 в упражнении 1 читатель тренируется произносить слова и словосочетания, содержащие **mě**, которое в «опавском» языке (в отличие от чешского литературного языка, а также большинства чешских диалектов) читается как [mje], в упражнении 2 — восстанавливает пропущенные (и не совпадающие с литературными) окончания существительных, в упражнении 4 — заменяет в приведенных словах пропущенный «чешский» дифтонг **ou** на «ляшский» краткий **u** (в истории чешского языка возникший в результате стяжения либо по какой-либо иной причине долгий [ū] в собственно-чешских говорах в позиции после твёрдого согласного дифтонгизировался в [ou], а в ляшских говорах просто сократился — в любой позиции) и т.д.

Самоучитель богато иллюстрирован цветными рисунками и фотографиями, выполненными самим автором.

Во-первых, это своего рода «словарь в картинках» (до полусотни слов) в каждом уроке. Например, на с. 22–23 перед нами раскинулся сельский пейзаж, где на переднем крупном плане трубочист (подпись *kominař*) с каким-то мотком на плече (подпись *ščetka*) балансирует на крыше дома (подпись *dach*), за трубочистом виднеется огороженное каменной стеной (подпись *mur*) кладбище (подпись *krchov/krchovo*) с церквушкой (подписи *zakrystija*, *veža*, *baňa*), мимо кладбища вот-вот проедет тележка (подпись *hnojnica*), где-то вдали на пастбище (подпись *pastvisko*) пасутся коровы (подпись *jařuvku*) и т.д.

Во-вторых, это авторские комиксы в рубрике «Случаи с иностранцами в нашем городе» (*Minifrky s cuzincama v našim městě*) и его же картинки о злоключениях вымышленных персонажей, одного из которых автор называет *Pukel*, потому что это «парнишка с шишкой на голове, торчащим шнобелем и заячьим прикусом» (*chłopek s buřc na hlavě, vystupřtým šnupakem a zajičim předkusem*), а второго — *Paduř*, так как «однажды ему что-то свалилось на башку, вот у него там и вмятина» (*raz mu cosyk spadřo na bařnu, temu v ni ma paduř*). Автор самоучителя утверждает, что именно Пукел разработал используемый в данной книге алфавит — «пуклицу» (*puklica*), тогда как изобретенная Падулом на основе кириллицы «падолица» (*padolica*), которая приводится на с. 11 параллельно с «пуклицей», на последующих страницах не используется.

В-третьих, это картинки и фотографии к регулярно встречающимся на страницах книги мини-текстам страноведческого характера, к завершающей каждый урок рубрике «Из дневника» (*Napisane do zeřita*) или же просто к тем или иным грамматическим/лексическим фрагментам.

В восьми приложениях на с. 172–187 приводятся словоизменительные парадигмы рассматриваемого идиома, списки лексем, пишущихся и/или читающихся с отступлениями от общих правил, реестр топонимов, грамматический индекс, а также библиография, включающая 48 лингвистических и социолингвистических наименований (от классических работ А. Лампрехта середины прошлого столетия до изданий последних лет), 16 художественных изданий, а также 37 адресов интернет-ресурсов, использованных при написании самоучителя.

Подводя итоги, констатируем, что рецензируемое издание является поистине бесценной находкой для зарубежного богемиста, желающего ознакомиться с современным чешским языком во всей его полноте.

Список литературы

1. Дуличенко А.Д. Литературная ляштина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М., Наука, 1993. С. 151–161.
2. Скорвид С.С. Чешский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005. С. 234–274.
3. Skalička V. *Opavština pro samouky*. Štěbořice, 2017. 192 s.
4. Stříbrný T. *Einfluss des Deutschen auf die Hultschiner Mundart*. Brünn, 2010. 76 s.

Andrey Izotov

**Book Review: SKALIČKA V. OPAVŠTINA
PRO SAMOUKY. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 199991*

This is a review of the Manual of Opava lect, the Czech Silesia vernacular, construed as a West Slavic microlanguage, which can form a diglossia and polyglossia situation with Standard Czech and Common Czech. Opava lect does not coincide with (Upper) Silesian in Poland.

Key words: microlanguage; kojné; Czech dialects; Silesian language; Lachian language; Opava dialects; Opava lect; diglossia; polyglossia.

About the author: *Andrey Izotov* — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a.i.izotov@mail.ru).

References

1. Dulichenko A.D. *Literaturnaya lyashtina Ondry Lysogorskogo v kontekste zapadnoslavjanskikh jazykov i v svyazi s literaturnymi mikroyazykami sovremennoy Slavii* [Literary Lachian of Ondra Lysohorsky in the West Slavic context and in connection with literary microlanguages of modern Slavia]. In: *Slavyanskoye yazykoznanije. XI Mezhdunarodnyy syezd slavistov* [Slavic Linguistics. XI International Congress of Slavists]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 151–161. (In Russ.)
2. Skorvid S.S. *Cheshskiy yazyk* [Czech language]. In: *Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki* [Word languages: Slavic languages]. Moscow: Academia, 2005, pp. 234–274. (In Russ.)
3. Skalička V. *Opavština pro samouky*. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s. (In Czech)
4. Stříbrný T. *Einfluss des Deutschen auf die Hultschiner Mundart*. Brünn: FF MU, 2010. 76 s. (In German)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.Е. Яковец

КОГНИТИВНАЯ ПОЭТИКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (Институт языкознания РАН, 16 октября 2018 г.)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Автор обзора указывает на множественность подходов, которые покрывает понятие когнитивной поэтики, и выделяет теоретические константы российской когнитивной поэтики: сосредоточенность на реакциях адресата и преемственность по отношению к герменевтике, лингвопоэтике, фоносемантике, семиотике, литературной прагматике. В центре рассмотрения находятся доклады о проблемах познания как поле взаимодействия когнитивистики и герменевтики, читательской реакции на неконвенциональное использование дейксиса в литературе, метафоре как области продуктивного сотворчества читателя и писателя, лирике и наррации как двух способах моделирования реальности, поэтике жестов при декламации стихов и др. При неоспоримом доминировании литературного материала у автора возникает вопрос о целях обращения когнитивистов к художественной словесности. В этом шаге она видит логическое следствие базовой посылки когнитивистики, рассматривающей литературу как один из видов языкового мышления, однако не учитывающей ее отличие от бытовой речи. Стремясь выявить роль когнитивного компонента в каждом из представленных исследований, автор делает вывод о том, что речь здесь идет не о поэтике как таковой, а о новом метаязыке научного общения.

Ключевые слова: когнитивная поэтика; лингвопоэтика; фоносемантика; дейксис; метафора; поэтика жеста.

Подступаться к когнитивной поэтике следует со стороны когнитивистики и когнитивной лингвистики, учитывая преемственность по отношению к ним. Ожидая от когнитивной поэтики третьего шага по направлению к порождающей теории речевых процессов, мы с удивлением обнаружим, что вопросы речепроизводства и связи художественного речевого целого с процессами памяти, восприятия и мышления занимают ее меньше, чем уточнение фундаментальных понятий литературоведения.

Яковец Анна Евгеньевна — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (кафедра общей теории словесности) (e-mail: la-traviata@yandex.ru).

Когнитивная поэтика определяется как «теоретический и практический подход, занимающийся разработкой литературоведческой проблематики (прежде всего восприятие структур текста) на основе допущений о процессах и состояниях человеческого разума» [Burdorf & Fasbender, 2007: 387]. То, что новый подход занимается решением очевидных для предшествующего литературоведения вопросов (роль дейксиса, механизм актуализации риторического приема), уже вменялось когнитивной поэтике в вину: негативным последствием такого распределения сил представлялось отсутствие у когнитивного литературоведения собственной проблематики и, как следствие, нехватка сильных теоретических утверждений¹. Однако предсказуемость исследовательских проблем еще не является поводом для фундаментальной критики: в конце концов, многолетний опыт когнитивной лингвистики в изучении процессов генерирования и дешифровки речевых структур может помочь литературоведению в уточнении понятий авторской интонации, литературности и поэтичности текста [Fauconnier, 1985; Langacker, 1987, 1991; Talmy, 2000a, 2000b; Tomasello, 2003]. Думается, что проблема заключается в самом принципе приложения нового инструментария к знакомому полю: как показал В.В. Фещенко, наиболее устойчивым механизмом образования новых концепций в когнитивной поэтике до сих пор является наложение терминологической матрицы когнитивистики на уже существующие парадигмы мышления, прагматику или лингвистику текста [van Dijk, 1979; Stockwell, 2002]. Эта тенденция отразилась и в выступлениях участников круглого стола.

В.З. Демьянков («Об интерпретации поэзии в когнитивной лингвистике») представил герменевтику как донора идей, заложившего в основу когнитивной лингвистики убежденность в том, что любое знание о тексте недостоверно. Глубокую гносеологическую тревогу усиливает и сама герменевтика, устремленная к такому каверзному моменту литературной рецепции, как вопрос о пределах читательской интерпретации. Есть соблазн считать герменевтику пройденным этапом в анализе художественной речи, методом, строящимся на

¹ Рецензируя аналитический обзор Е.В. Лозинской «Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX и XXI веков» (2007), В. Третьяков пишет: «Когда же новое направление все-таки пытается определить, что такое литературность, то едва ли, опять-таки, оно говорит здесь что-то принципиально новое... Стоит ли напоминать, что об актуализации как особом использовании языковых средств говорили еще в начале прошлого века — не только Мукаржовский, но и другие представители Пражского лингвистического кружка, — а термин Брика/Шкловского “остранение” скоро отпразднует столетний юбилей? Похоже, что когнитивная критика в лучшем случае способна лишь дать эмпирическое подтверждение эффекту, описанному задолго до нее — когнитивной критики, — придумавшей связать его с заимствованной из психологии оппозицией фигуры/фона» [Третьяков, 2009: 321].

вопросах без ответа, на смену которому должен прийти когнитивный подход с рациональным разделением сфер ответственности. Тем не менее, утверждает Демьянков, сопротивление этому соблазну оправданно, и причиной тому интерес герменевтики к разности авторского и читательского сознаний, проживание которой образует центральный нерв коммуникации как таковой, а художественной коммуникации в особенности.

Свой доклад «Дейксис и Theory of Mind: взаимодействие в художественном тексте» *Д.Н. Ахапкин* предварил рассуждением о смысле применения когнитивного подхода к анализу литературного текста. В отличие от канонической речевой ситуации литературное высказывание предполагает «высшую инстанцию ответного понимания» (Ковтунова), описать которую можно при помощи когнитивного инструментария, локализовав адресацию к высшей инстанции в неконвенциональном использовании дейксиса². Ахапкин рассказал об экспериментах по отслеживанию читательской концептуализации потенциально пустых референтов: испытуемые (студенты гуманитарных факультетов Смольного института) должны были прочитать отрывок из «Поэмы без героя» Ахматовой, содержащий отсылку к фигуре и стихотворению Блока, и указать, кто имеется в виду, как они узнали об этом и как это знание влияет на понимание фрагмента в целом. Хотя большинство не уловили контекст и не опознали цитату, по словам испытуемых, незнание первичного контекста не помешало пониманию текста, а, напротив, подогрело их читательский интерес и заставило обратиться к тексту еще раз — в стремлении растолковать темное место произведения.

Проявившаяся в выступлениях Демьянкова и Ахапкина сосредоточенность когнитивной поэтики на рецептивной стороне коммуникации является родовым признаком подхода со времен выхода пособия П. Стоквелла [Stockwell, 2002], рассматривающего процесс художественной коммуникации с позиции читателя. Эту установку сохранила в своем выступлении «Метафора в аспекте литературной прагматики» и *Т.Д. Венедиктова*, указавшая на близость лингвокогнитивного литературоведения и прагматики. Поскольку оба подхода живут интересом к чувственной, эстетической, а также интерактивной, социоконструирующей природе мысли, им свойственно понимание языковой метафоры как инструмента коллаборативной познавательной деятельности, стимула к взаимодействию, совместному и индивидуализированному порождению смысла. Анализируя

² См., например, «Развивая Платона» (1976) у Бродского: «Там была бы эта кофейня с недурным бланманже./где, сказав, что зачем нам двадцатый век, если есть уже/девятнадцатый век, я бы видел, как взор коллеги/надолго сосредотачивается на вилке или ноже».

пример из романа Дж. Элиот «Миддлмарч», Венедиктова показала, что совокупный эвристический эффект реалистической прозы Элиот состоит в погружении в текстуру отражений, и это открывает читателю возможность быть не только получать информацию, но и участвовать в литературной и социальной трансформации.

В целом блоке научных высказываний получил выражение обратный импульс —сосредоточиться на тексте, его эстетической организации текста, используя лингвостилистическую и лингвопоэтическую схемы анализа. Присутствие обоих подходов до сих пор сильно в академической традиции; кроме того, лингвостилистика по-прежнему представляет собой поле наиболее устойчивого контакта между литературоведением, риторикой и лингвистикой. К их сильным сторонам, безусловно, относится доказательность рассуждений, которые лингвостилистика и лингвопоэтика подкрепляют «медленным чтением» структур текста. Вводные рассуждения *Е.Г. Беляевской* ясно указывают на острые проблемные точки литературоведческого анализа: на метафоричность употребления понятий «голос автора», «тембр автора», «авторская интонация», за которыми, как правило, не стоит ничего кроме смутного ощущения, что голос Гоголя звучит выше, чем у Толстого, а синтаксис Хемингуэя производит впечатление разговорного. Возникает естественное побуждение понять, откуда берется данное впечатление. Предложенное Беляевской решение заключается в применении инструментария фреймового анализа и выявлении принципов когнитивного моделирования художественного текста.

Фоносемантика также выступает как общее для лингвостилистики и когнитивной поэтики. *Е.А. Шамина* («Проблема поэтического иконизма в разных языках») указала на то, что присутствие звукового символизма в художественном тексте позволяет поставить вопрос о когнитивной стратегии пишущего, специфичность которой обуславливается иконизмом конкретного языка. На примере переводов «Лодорского водопада» Р. Саути докладчик продемонстрировала, как разность фоносемантических ресурсов русского и английского языков (слабо выраженная иконичность русских глаголов движения) заставляет переводчиков избирать компенсаторные пути создания звукового образа. С некоторой долей условности можно сказать, что этот вывод повторяет добрый старый тезис о принципиальной непереводаемости поэзии. За пределами обсуждения остался вопрос о том, в какой мере авторская стратегия Саути и других поэтов, уделявших значительное внимание фоносемантическому аспекту текста, исчерпывается созданием технически безупречного звукоподражания.

Вопрос о том, что именно когнитивный подход прибавляет к испробованным ранее методам анализа, оказывается актуальным

и для доклада *Т.Б. Радбиля* «Лирика и наррация как две версии когнитивного моделирования реальности». Радбиль постулировал существование двух способов когнитивного моделирования реальности: протонарратив и протолирику, языковыми образцами для которых являются повествовательное предложение, междометие и перформатив. Переход к поэзии совершается за счет ритма и монотонической интонации, позволяющей речевому субъекту «отключиться от режима адресованности и бытового существования». Однако последовавший за докладом эксперимент по превращению «протонарративного» заявления в авангардный стих при помощи разбиения на строки сработал не столько как доказательство действительности выводов, сколько как иллюстрация к извечному вопросу, что превращает когнитивную деятельность в произведение искусства.

Повод для обращения литературоведения к когнитивному подходу как к вспомогательному инструменту не раз проговаривался составителями тематических справочников и их рецензентами³. Цель обращения когнитивной лингвистики к литературе эксплицировать несколько труднее, и ее непроговоренность красноречиво характеризует самосознание когнитивистики: в своей адресованности к предельным условиям речевой деятельности она полагает себя способной внести ясность в вопрос о том, как работает художественное мышление. Влияние этой логики ощущается в выборе художественного авангарда, намеренно обнажающего свою сделанность, в качестве материала докладов *И.В. Зыковой* и *О.В. Соколовой*. Зыкова («Роль идиоматики в поэтике авангардного манифеста: когнитивный подход») представила тему в рамках проекта «Идиоматика русского авангарда. Словарь нового типа». Выделив «установку на идиоматизацию» в качестве интенции, характеризующей авангард, докладчик указала, что особенно интенсивно проблема лингвистического инопорядка разрабатывается поэтами в авангардном манифесте. Применение метода фреймовых семантик к корпусу из 25 манифестов позволило сосредоточиться на таких компонентах феномена, как образность, выразительность, непрозрачность, алогичность, устойчивость, межсемиотичность, и проследить за их лексической активацией.

Мы вновь вынуждены спросить, что же именно анализ лексической конфигурации текста добавляет к пониманию его поэтического устройства. Однако до тех пор, пока когнитивная лингвистика обре-

³ См. замечание рецензента Г. Лауэра на сб.: Lisa Zunshine (ed.), *The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies*. Oxford: Oxford University Press 2015: “The majority of contributions draw quite natural insights from cognitive science to sharpen their arguments and to strengthen the basic assumptions of how literature works” ([Lauer, 2015] (URL: <http://www.jltonline.de/index.php/reviews/article/view/853/1913>)).

тает свой исследовательский объект не в коммуникативном событии, а в статике текста, ее вклад в поэтологические штудии когнитивистики ограничивается эффективной, но герметичной классификацией художественных фактов. Впрочем, как показала *Л.О. Чернейко* («Понятие *проекция* и «проективный смысл» в системе базовых инструментов когнитивной лингвистики»), потребность в уточнении целей исследования рождается не только из встречи лингвистики с литературным материалом, но и из попыток лингвистики освоить новый понятийный аппарат: из-за обаяния новизны языковая фактура когнитивистского анализа нередко ведет за собой его структуру, производя на свет примеры «ненаучной метаречи» (Греймас).

Еще одно рассуждение касается совместимости исследуемого материала (художественного авангарда) и базовой посылки когнитивистики, видящей в искусстве и литературе особый род ментальной деятельности. Как отметил в своей реплике *С. Огулов*, применение категории образности к авангардным идиомам кажется парадоксальным решением: формалисты, теоретическое крыло авангарда, открыто полемизировали с потебнианским пониманием поэзии как «мышления образами». Соотнесение художественной деятельности и мышления подводит нас к выводу о том, что пространство речи континуально, а литературное и практическое его использование представляют собой лишь различные точки речевого спектра. Попытки теоретизировать литературность как правило реализуются за счет второго члена парадигмы — языка бытового общения — тем не менее нам трудно смириться с растворением литературы в общем потоке коммуникации. Возможным решением видится обращение к тексту как «созданному путем обработки соответствующего материала эстетического целого» [Ромашко, 1985: 84]. Такое понимание текста — в противоположность статическому, свойственному структурной лингвистике, — учитывает, что эта деятельность направляется не инерцией языка, а человеческой волей.

Другой вариант сопряжения когнитивной лингвистики и литературоведения предложила *И.А. Тарасова* («Когнитивная поэтика в парадигме междисциплинарности»). Представленная Тарасовой трехчастная модель интерпретации художественного текста привлекает внимание за счет культурно-исторического уровня анализа, на котором происходит соотнесение языкового устройства конкретного текста с ближними и отдаленными контекстами литературной культуры, горизонтом ожиданий и поэтической компетенцией читателя эпохи, актуальным для нее состоянием «поля литературы» (Бурдые). Такая оптика позволила бы не только «выявить содержательность художественных форм», но и выйти за пределы поэтики восприятия в поле прагматического мышления о литературном произведении,

рассмотреть отношение конкретного автора к литературному стандарту эпохи, оценить характер и модальность конструктивных для текста факторов.

Поводом для разговора о телесности послужил доклад *О.К. Ирисхановой* «Когнитивная поэтика жестов: к постановке проблемы»: докладчик отметила, что несмотря на усиливающееся влияние теорий полимодальности, мультиканальности, воплощенности (embodiment), когнитивная поэтика и стилистика остаются по преимуществу мономодальными подходами. Анализ коммуникативно значимых движений тела, допускает докладчик, позволяет внести ясность в спор о том, задействуются ли в художественном режиме мышления те же самые когнитивные механизмы и ментальные структуры, что и в бытовом. К поэтике жестов, по Ирисхановой, относятся литературные произведения, построенные на описании конкретного жеста, а также модели жестового поведения, актуализированные при чтении стихов автором или декламатором; научный вопрос состоит в том, «какие свойства жестов превращают его из повседневного движения тела в неотъемлемую часть художественного творчества, инструмент поэтического замысла, компонент перформанса». По сравнению с вводными замечаниями о телесности и ее роли в «художественном мышлении» подобное вопрошание выставляет поэтический жест в иной плоскости, превращая его из соучастника акта творческого созидания в элемент разыгранного представления. Логика этого превращения прослеживается и в выборе материала: в качестве прототипических жестов Ирисханова рассматривает те, что сопровождают декламирование стихов, непосредственной эмпирической базой выступили видеозаписи актеров, читающих стихи русских поэтов XX в. (студийные записи «Живая поэзия. Антология XX века», концертные выступления и интервью чтецов).

Когнитивная поэтика — это новый для России, предельно энергичный и амбициозный факт научной жизни, претендующий на уточнение самых базовых понятий литературной коммуникации. Оглядываясь на Запад, где когнитивное литературоведение переживает уже волну своего становления и постепенно обращается в ключевой инструмент критической теории роли [Lauer, 2015], можно утверждать, что потенциал использования этого подхода выходит далеко за пределы той коммуникативной функции, которую когнитивная поэтика играет в отечественной науке сейчас. Чтобы из общего языка научного общения превратиться в полноценную парадигму мысли, когнитивистике, кажется, необходимо совершить один небольшой шаг: обрести свой объект не в «литературе как мышлении», а в «литературном мышлении».

Список литературы

1. Булгакова О. Фабрика жестов. М., 2005.
2. Ромашко С.А. Эмпирические основания лингвистического изучения поэтического текста // Структура и функционирование поэтического текста: Очерки лингвистической поэтики. М., 1985. С. 72–87.
3. Третьяков В. Когнитивная наука о литературе. Рец. на кн.: Лозинская Е.В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX и XXI веков. М., 2007) // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98). С. 317–324.
4. Цивьян Ю.Г. На подступах к карпалистике: Движение и жест в литературе, искусстве и кино. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
5. Яковец А.Е. Круглый стол «Тело, опыт, воображение: Реалистическое vs. Фантастическое» (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 11 ноября 2017) // Новое литературное обозрение. 2018. № 4 (152). С. 423–428.
6. Яковец А.Е. Жестовый язык филологии (Рец. на кн.: Strätling S. Die Hand am Werk: Poetik der Poiesis in der russischen Avantgarde. Paderborn, 2017) // Новое литературное обозрение. 2018. № 5 (153). С. 332–339.
7. Burdorf D. & Fasbender Ch. (Hrsg.). Metzler Lexikon Literatur. Begriffe und Definitionen. Springer-Verlag, 2007.
8. Dijk van T. Cognitive Processing of Literary Discourse // Poetics Today. 1979. № I (1–2). P. 143–159.
9. Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge, 1985.
10. Fillmore Ch. Lectures on deixis. Stanford, 1997.
11. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1 (Theoretical Prerequisites). Stanford: Stanford University Press, 1987.
12. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 2 (Descriptive Application). Stanford: Stanford University Press, 1991.
13. Lauer G. Ready for a Handbook? Cognitive Literary Studies on a Threshold [Lisa Zunshine (ed.), The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies, 2015] // Journal of Literary Theory. URL: <http://www.jltonline.de/index.php/reviews/article/view/853/1913> (accessed: 30.10.2018).
14. Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. London: Routledge, 2002.
15. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 1 (Concept Structuring Systems). Cambridge, 2000a.
16. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Volume 2: Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge, 2000b.
17. Tomasello M. Introduction: Some surprises for psychologists. In: The new psychology of language: Cognitive and functional approaches to language structure. Vol. 2. Lawrence Erlbaum, 2003. P. 1–14.

Anna Yakovets

**COGNITIVE POETICS IN LINGUISTIC PERSPECTIVE.
INSTITUTE OF LINGUISTICS, RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The author discusses the plurality of approaches around the term ‘cognitive poetics’, including in Russia (hermeneutic, linguopoetics, phonosemantics, semiotics, literature pragmatics). In this review, the focus is on the reports dealing with human knowledge as a common issue for cognitive poetry and hermeneutic, with the reader’s response to unconventional deixis on literature, with metaphor as a cooperation field for both the reader and the author, poetry and narration as two modes of reality modelling, gesture poetics in poetry declamation, etc. The dominant presence of literature as an object of study prompts the author to question the objective. This move, as the author believes, results from the basic premise of cognitive poetics, which considers literature to be a certain mode of thinking but does not give credit to its alterity. Seeking to reveal the relevance of cognitive tools in each of the reports, the author concludes that this all is not about poetics, but a new metalanguage of humanities.

Key words: cognitive poetics; lingvopoetics; phonosemantics; deixis; metaphor; gesture poetics.

About the author: *Anna Yakovets* — PhD Student, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: la-traviata@yandex.ru).

References

1. Bulgakova O. *Fabrika zhestov*. [Factory of gestures] M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
2. Romashko S.A. *Empiricheskie osnovaniya lingvisticheskogo izucheniya poeticheskogo teksta*. [Empirical foundations of linguistic analysis of poetic texts] *Struktura i funkcionirovanie poeticheskogo teksta: Ocherki lingvisticheskoi poetiki*. M., Nauka, 1985, pp.72–87.
3. Tretyakov V. *Kognitivnaya nauka o literature (Rez. na knigu: Lozinskaya E.V. Literatura kak myshlenie: kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX i XXI vekov. M., 2007)* [Cognitive science of literature: Review of the book: Lozinskaya E.V. Literature as thinking: cognitive literature studies at the turn of the 20–21st centuries, 2007]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009. № 4 (98), pp. 317–324.
4. Tsivyan Yu.G. *Na podstupah k karpalistike: Dvizhenie i zhest v literature, iskusstve i kino*. [Approaching carpalistics: Motion and gesture in literature, art and film] M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.

5. Yakovets A.E. *Kruglyi stol "Telo, opyt, vobrazhenie: Realisticheskoe vs. Fantasticheskoe"* (MGU imeni M.V. Lomonosova, filologicheskiiy fakultet, 11 noyabria 2017) [Round table "Body, experience, imagination: the Reals vs. the Fantastic, 11th November 2017]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. № 4 (152), pp. 423–428.
6. Yakovets A.E. *Zhestovyyi yazyk filologii (Rez. na knigu Strätling S. Die Hand am Werk: Poetik der Poiesis in der russischen Avantgarde. Padeborn, 2017)*. [Gesture language of philology: Review of the book: Strätling S. Die Hand am Werk: Poetik der Poiesis in der russischen Avantgarde. Padeborn, 2017] M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. № 5 (153), pp. 332–339.
7. Burdorf D. & Fasbender Ch. (Hrsg.). *Metzler Lexikon Literatur. Begriffe und Definitionen*. Springer-Verlag, 2007.
8. Dij van T. Cognitive Processing of Literary Discourse. *Poetics Today*. 1979. № I (1–2), pp. 143–159.
9. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.
10. Fillmore Ch. Lectures on deixis. Stanford: CSLI Publications, 1997.
11. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Volume 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
12. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Volume 2: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press, 1991.
13. Lauer G. Ready for a Handbook? Cognitive Literary Studies on a Threshold [Lisa Zunshine (ed.), The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies, 2015.]. *Journal of Literary Theory*. URL: <http://www.jltonline.de/index.php/reviews/article/view/853/1913> (accessed: 30.10.2018).
14. Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. L.: Routledge, 2002.
15. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 1 (Concept Structuring Systems). Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000a.
16. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 2: Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000b.
17. Tomasello M. Introduction: Some surprises for psychologists. The new psychology of language: Cognitive and functional approaches to language structure. Vol. 2. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2003, pp. 1–14.

М.Л. Ремнёва, Е.А. Кузьминова, Т.В. Пентковская, А.В. Уржа

**«МАКСИМОВА ГРАММАТИКА» ОТ РАННЕГО
НОВОГО ВРЕМЕНИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ: ИТОГИ
КОНФЕРЕНЦИИ «МАКСИМ ГРЕК И РАЗВИТИЕ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ»**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В обзоре подводятся итоги конференции, прошедшей в декабре 2018 г. на филологическом факультете, которая была посвящена 500-летию со дня прибытия в Москву Максима Грека, гуманиста, афонского монаха и русского книжника. В фокусе научного обсуждения находились такие области деятельности Максима Грека, как перевод текстов, их глоссирование и толкование, преломление идей итальянского гуманизма в оригинальных сочинениях афонского инока, а также развитие грамматического подхода в русской книжности от периода раннего Нового времени до современности. Филологическая работа Максима Грека определила и дальнейшие судьбы церковнославянского языка, и направления книжной справки, и развитие славянорусской грамматической традиции. Максим Грек утверждает восходящий к западноевропейской гуманистической традиции и инновационный для Московской Руси XVI в. грамматический подход к книжному языку и тексту. Вторая часть конференции объединила доклады, посвященные грамматике и семантике переводных текстов более позднего времени.

Ключевые слова: Максим Грек; церковнославянский язык; переводческая техника; гуманистическая традиция; грамматика.

В 2018 г. исполнилось 500 лет со дня прибытия в Москву Максима Грека (1470–1556). Грек по происхождению, итальянский гуманист по образованию, святогорский монах, ученый богослов, переводчик,

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dekan@philol.msu.ru).

Кузьминова Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elenk2002@mail.ru).

Пентковская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatiana.pentkovskaya@gmail.com).

Уржа Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aourja@gmail.com).

писатель всю вторую половину своего жизненного пути провел в России, став одним из первых русских филологов. Филологическая работа Максима Грека определила и дальнейшие судьбы церковнославянского языка, и направления книжной sprawy, и развитие славяно-русской грамматической традиции. Максим Грек не оставил после себя целостной грамматической теории или описания грамматического строя церковнославянского языка, однако именно с его приездом в Москву грамматическое учение начинает осмысляться здесь как «*начáло ѿ конѣць всáкомъ любомъдрію ... вѣждь къ бгѡвѣднѡмъ смѡтрѣнію, || ѿ предѣвнѡмъ ѿ непристоупнѡмъ бгѡсловію*» (Грамматика 1648 г., л. 353–353 об.).

В честь этой памятной даты 18 декабря 2018 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась конференция «Максим Грек и развитие грамматической традиции в России», в которой приняли участие российские исследователи различных аспектов масштабной деятельности преподобного Максима и его обширного наследия из Московского государственного университета, Петрозаводского государственного университета и различных подразделений Российской академии наук, а также итальянские ученые из университетов Флоренции, Пизы, Кьети-Пескара. Прозвучали доклады, посвященные как литературной деятельности и филологической работе самого Максима Грека, так и филиации его идей, развитию вплоть до настоящего времени тех направлений, которые были имплицитно заложены в его творчестве.

Конференцию открыла декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проф. *М.Л. Ремнёва*, выступившая с докладом «Максим Грек как гуманист и филолог», в котором было отмечено, что Максим Грек утверждает восходящий к западноевропейской гуманистической традиции и инновационный для Московской Руси XVI в. грамматический подход к книжному языку и тексту. Грамматический подход, при котором правильность связывается не с древностью, а с ученой обработанностью, играл главную роль и в переводческой стратегии Максима, и в его практике книжной sprawy. Особое внимание в докладе было уделено полемическим трактатам Максима Грека «Исповедание православной веры...», «Слово отвещательно о исправлении книг русских...», «Слово отвещательно о книжном исправлении...», содержащим развернутое обоснование его работы по переводу и редактированию. Поставленные в этих трактатах проблемы правильности языка, точности и адекватности перевода, правомерности внесенных исправлений станут ведущими в богословской и филологической полемике не только XVII в., но и Нового времени. Уже в XVII в., когда задолго до официальной канонизации устанавливается почитание Максима Грека и его фигура

приобретает во многом символическое значение «нового Богослова» и «мудрого учителя» (по словам соловецкого книжника Сергия Шелонина), фрагменты из этих трактатов привлекаются адептами грамматического подхода в целях распространения и внедрения грамматической образованности. Широко известно, что они включаются в предисловие второго московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г., которая благодаря этому и начинает восприниматься как «Максимова грамматика». Значительно менее известен тот факт, что слова Максима Грека, в которых владение грамматикой признается залогом совершенного знания церковнославянского языка и успешной профессиональной книжно-языковой деятельности, используются и в качестве вступления в московских рукописных версиях другой авторитетной юго-западнорусской грамматики — Лаврентия Зизания. В заключение М.Л. Ремнёва подчеркнула, что имя Максима Грека стало в Московской Руси знаком «легитимности», «правверности» грамматического искусства.

К проблеме флорентийского наследия в деятельности и произведениях Максима Грека в России были обращены доклады исследователей из Италии. Анализ глосс рукописи Парижской Национальной библиотеки (Paris, Slave 123), представленный *М. Гардзанини* (Флорентийский университет), дал слушателям уникальную возможность войти в лабораторию Максима Грека, чтобы понять его подход к языку и тексту. В докладе *Ф. Ромоли* (Пизанский университет) были выявлены цитаты из Книг Исаии и Иеремии, использованные Максимом Греком в «Слове противу тщасшихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком», и установлены их посреднические источники. В зеркале интеллектуальной лексики рассматривала произведения Максима Грека *М.К. Ферро* (Университет им. Г. Даннунцио гг. Кьети-Пескара). Детали биографии Максима Грека, его переводческая деятельность и его выбор в случаях семантического несовпадения греческого и русского слова позволили исследовательнице высказать предположение, что употребление им традиционных лемм в нетрадиционных значениях и введение новых слов и понятий было обусловлено влиянием итальянского гуманизма.

На основе анализа посланий Максима Грека и Федора Карпова *Л.В. Журова* (Институт истории СО РАН, Новосибирск) определила признаковое пространство их интеллектуальной идентичности. Близость взглядов и позиций Максима Грека и Федора Карпова по вопросам правды и справедливости в обустройстве общества, проявление гуманистических подходов в решении ряда общественных проблем, а также сохранение чувства собственного достоинства в ситуации размолвки объединяют участников переписки в элитар-

ную группу Московской Руси. По мысли автора доклада, история складывавшихся на протяжении ряда лет отношений двух ярких личностей Московской Руси первой половины XVI в. служит основой для изучения групповой идентичности в эпоху русского Средневековья как научной проблемы. Они оба были публицистами и переводчиками и находились в одном сегменте культурного и географического пространства (Московский Кремль) и, безусловно, оказывали большое влияние на формирование интеллектуальной среды столичного общества. Выявив доминанты групповой идентичности афонского монаха и московского дипломата, *Л.В. Журова* установила, что достигнутое взаимопонимание построено на совпадении параметров внутреннего мира ученого грека и просвещенного потомка тверских бояр.

Доклад *Л.И. Щеголевой* (Институт всеобщей истории РАН) был посвящен греческо-славянской Псалтири в переводе Максима Грека с маргинальными глоссами, переписанной в Троице-Сергиевой лавре в первой четверти XVII в. с более ранней рукописи. Анализ ее текста и глосс в сравнении с исправлениями Максима Грека в Псалтири Киприановой редакции (РГБ, ф. 304/1, № 315) и с текстами Псалтири в переводе Максима Грека в рукописях XVI—XVII вв. позволил прийти к заключению о «промежуточном» этапе перевода, отраженном в рукописи РГБ, ф. 173/1, № 9, и об особом типе перевода, представляющем собой совокупность переводных вариантов.

К уникальной особенности лексической справы Псалтыри 1552 г. — ее зависимости не только от межъязыковых соответствий, но и от стоящей за той или иной лексемой экзегетической семантики — обратилась в своем выступлении *И.В. Вернер* (Институт славяноведения РАН). Инкорпорирование в «сущий» текст толковых значений было проиллюстрировано с опорой на комментарии Толковой Псалтыри 1522 г. на примере стандартных и повторяющихся в тексте замен некоторых старших чтений лексемами-синонимами, а также постоянного выбора одного из представленных в старшем тексте вариантов перевода одной и той же греческой лексемы.

В докладе *Т.В. Пентковской* (МГУ) и *И.М. Фроловой* (*Гневшевой*) (ИРЯ имени В.В. Виноградова РАН) рассматривались цитаты из Псалтири, представленные в переводах Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и Евангелие от Иоанна, выполненных старцем Силуаном при участии Максима Грека. В сопоставлении с различными редакциями Псалтыри была выявлена специфика работы переводчиков при цитировании псалтырного текста, а также определен тип источника, бывшего в распоряжении переводчиков.

Реализация грамматических предписаний в книжности второй половины XVII в. была центральной темой доклада *Е.А. Кузьмино-*

вой (МГУ) и *Т.В. Пентковской* (МГУ). Случаи обращения книжников второй половины XVII в. к авторитетным грамматикам церковнославянского языка свидетельствуют о том, что авторы и копиисты могли применять в своей практике не только эксплицитно сформулированные правила в области орфографии и морфологии, но и ориентироваться на образцы, т.е. руководствоваться представленными в грамматиках парадигмами.

Отражению грамматики латинского оригинала в церковнославянском переводе Атласа Блау (*Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus*), выполненном в Москве в середине XVII в. Епифанием Славинецким, был посвящен доклад *Н.В. Николенковой* (МГУ) и *Н.В. Пресновой* (МГУ). Было отмечено, что при переводе некоторые грамматические конструкции трансформировались в соответствии с законами церковнославянской системы, однако переводчик мог и сохранять латинскую модель. Так, вариативность при переводе оборота *Ablativus absolutus* зависела от необходимости передать одновременность протекания двух действий (дательный самостоятельный) или предшествование одного действия другому (сочетание причастия и глагола в личной форме).

Инь Сюй (МГУ) посвятил свое выступление рукописному трактату Буковница 1592 г., в котором получила воплощение концепция грамматического словаря. Установленные автором функционально-типологические характеристики Буковницы (полифункциональность, селективный характер, алфавитный принцип организации материала и его структурирование в соответствии с парадигматическим принципом, справочно-ссылочный аппарат и др.), имеющие прямые аналоги в современной лексикографической практике, свидетельствуют о становлении в конце XVI в. научной модели описания церковнославянского языка.

М.В. Махова (МГУ) рассмотрела исчерпывающий перечень маргинальных глосс Нового Завета в составе Московской Библии 1663 г. Сопоставив глоссы Московской Библии с чтениями основного текста и чтениями предшествующих редакций Нового Завета, а также Новым Заветом Епифания Славинецкого, греческим и латинским текстами, автор предприняла попытку определить возможные источники, используемые при работе над Московской Библией, выявить преемственность грамматической мысли, которая нашла свое отражение в справе московских книжников.

Анализ глосс на различных уровнях языковой системы в Беседах Иоанна Златоуста на Послания апостольские, изданных в типографии Киево-Печерской лавры в 1623 г., был представлен и в докладе *И.С. Сусоевой* (МГУ).

Е.А. Матвеевко (МГУ) обратилась к трансформации структуры толкований в русских переводах начала XVIII в. польской комменти-

рованной версии «Метаморфоз» Овидия, созданной В. Отвиновским (“Księgi Metamorphoseon, to iest, Przemian, od Publiusa Owidyusza Nasona Wierszami opisane”, Kraków, 1638). Перестройка структуры светского сочинения, переведенного в Новое время, в соответствии с традицией, характерной для славянских библейских текстов толкового типа, по мысли автора, представляет пример специфического воспроизведения более ранней традиции на новом инокультурном материале.

В докладе *Н.В. Патроевой* (ПетрГУ) рассматривались синтаксические особенности стихотворного перевода «Слова о полку Игореве», выполненного Аполлоном Майковым. Следование выбранной автором ритмо-метрической схеме пятистопного хорейского стиха, а также стремление приблизить восприятие образной и смысловой системы «Слова о полку Игореве» современному читателю, усилить модально-оценочное и эмоциональное начало в авторском повествовании потребовали от переводчика увеличения доли полипредикативных конструкций с семантикой обусловленности, инфинитивных конструкций и обособленных уточняющих синтагм, а также использования сближающих поэтический слог с живой разговорной речью вводных, вставных и присоединительных конструкций.

А.В. Уржа (МГУ) в докладе «Выбор формы глагола в функциональном контексте: решения переводчиков» заострила внимание на сходстве целого ряда исследовательских объектов, обнаруживаемых в средневековых и современных переводных текстах. Среди таких объектов — глоссы, преобразовавшиеся со временем в подстрочные комментарии переводчиков, а также приемы интерпретации реалий в древних и новых переводах, воссоздание метатекстовых оборотов, ситуации предпочтения переводчиками одних грамматических форм другим. Один из самых драматичных эпизодов переводческой деятельности Максима Грека был связан, как известно, с выбором форм глагола при исправлении переводов Цветной Триоди и Псалтири. Упомянув об этом, А.В. Уржа обратилась к ситуациям предпочтения определенных форм глагола другим в современных русских переводах. Выбор форм прошедшего времени глаголов совершенного или несовершенного вида, предпочтение настоящего исторического или прошедшего нарративного, личных или неличных форм глагола было проанализировано А.В. Уржей с опорой на представление о текстовых функциях глагольных форм, а также на теорию первого плана и фона нарратива. Решения переводчиков были рассмотрены в контексте семантики вербализуемых предикатов, характеристик субъектов соответствующих клауз, сопутствующих модальных и эмотивных значений, выбора точки зрения в рамках перспективы текста.

В выступлении *В.А. Немковой* (МГУ) «Функционирование форм настоящего времени в текстах современных русских писателей

и их интерпретации в английских переводах» были рассмотрены различные употребления настоящего времени в современных русских художественных текстах и их переводах на английский язык. В фокусе доклада оказались формы настоящего времени, выполняющие в тексте различные композиционные функции, способные выдвигать события на первый план, участвующие в формировании репродуктивного регистра и способствующие перцептивизации, а также эмоциональной актуализации. Данное грамматическое средство помещает события в пространство и время читателя, делая его непосредственным наблюдателем событий. Поскольку в нарративе настоящее время является стилистически маркированным (в противоположность более привычному прошедшему нарративному), оно становится мощным средством эмоционального воздействия на читателя. В.А. Немкова проанализировала интерпретации фрагментов в настоящем времени в переводах, подчеркивая, что в англоязычной литературе, как оригинальной, так и переводной, «тотальное» настоящее время в повествовании до недавних пор было практически маргинальным явлением, однако в последнее время этот прием используется в текстах на английском языке всё чаще. В связи с этим показательным становится сопоставление оригинальных русских текстов с англоязычными переводами разных лет, где представлены различные варианты интерпретаций русских форм презенса. Кроме того, перевод в таком исследовании может сыграть роль того фона, который заставляет исследователя более пристально приглядеться к на первый взгляд не столь заметным особенностям оригинала. Материалом для доклада стали произведения А.и Б. Стругацких, В. Маканина, Т. Петрушевской и их переводы на английский язык, выполненные в разные годы.

В докладе «Особенности перевода глаголов перцептивного восприятия в контексте апелляций к читателю (по материалу романа Р. Желязны “Порождения Света и Тьмы” и его русских переводов)» Г.А. Филатова (МГУ) представила нетривиальный объект исследования, а именно апелляции — прямые обращения к внефикциональному адресату, используемые автором для того, чтобы вовлечь читателя в контекст произведения и усилить ощущение реальности происходящего в фантастическом повествовании. Предметом для сопоставительного лингвистического анализа в контексте романа Р. Желязны стали глаголы перцептивного восприятия в форме второго лица, перевод которых значительно различается в русских интерпретациях произведения. Охарактеризовав подход каждого из переводчиков к передаче функций соответствующих форм, Г.А. Филатова сопоставила выявленные ей переводческие стратегии.

Конференция внесла весомый вклад в осмысление филологического наследия Максима Грека и его продолжателей и наметила пути дальнейших исследований проблем экзегезы грамматики, взаимосвязи формы и семантики переводного текста.

**Marina Remneva, Elena Kuzminova,
Tatjana Pentkovskaja, Anastasija Urzha**

**MAKSIMOVA GRAMMATIKA FROM THE EARLY MODERN
TIMES TO THE PRESENT: ABOUT THE CONFERENCE
'MAXIMUS THE GREEK AND THE DEVELOPMENT
OF THE GRAMMATICAL TRADITION IN RUSSIA'**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The review accumulates the results of the conference at the Faculty of Philology, Moscow University, marking the 500th anniversary of the arrival in Moscow of Maximus the Greek, a humanist, a monk from Athos and a Russian scholar. The discussion revolved around Maximus the Greek as a translator, gloss-maker and commentator, interpreter of Italian Humanism, and promoter of grammatical trends. Philological studies of Maximus the Greek predetermined the future of Church Slavonic language, influenced the trends of book amendment and the development of Slavic and Russian grammar tradition. Maximus the Greek established a grammatical approach to the literary language and its texts: this approach, originating in West European humanistic tradition, was new for Moscow Rus in the 16th century. The second part of the conference accumulated the papers considering grammar and semantics of translations produced in later periods.

Key words: Maximus the Greek; Church Slavonic language; translation technique; humanist tradition; grammars.

About the authors: *Marina Remneva* — Prof. Dr., Head of the Department of Russian Language, President of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dekan@philol.msu.ru); *Elena Kuzminova* — Prof. Dr., Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elenk2002@mail.ru); *Tat'jana Pentkovskaja* — Prof. Dr., Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tatiana.pentkovskaya@gmail.com); *Anastasija Urzha* — PhD in Philology, Associated Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aourja@gmail.com).

Л.И. Жолудева, П.Э. Егизарян

**VIII и IX МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ
КОНФЕРЕНЦИИ «РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ:
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Авторы обзора кратко информируют о прошедших на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 26–27 ноября 2015 г. и 30 ноября — 1 декабря 2017 г. VIII и IX Международных научных конференциях «Романские языки и культуры: от античности до современности». Описывается тематика секций и докладов, охват научных мероприятий, а также их специфика, в частности, вклад молодых ученых в работу конференций. Анонсирована следующая, юбилейная, конференция «Романские языки и культуры».

Ключевые слова: романское языкознание; литература стран романской речи; классическая филология; культурология; история лингвистики.

26–27 ноября 2015 г. на филологическом факультете состоялась VIII Международная научная конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности». По традиции, ее тематика отличалась широтой: в своих выступлениях участники представили результаты исследований в области романского языкознания (в синхронии и диахронии), литературоведения, классической филологии, культурологии, истории стран романской речи, истории лингвистики, методики преподавания романских языков и литератур.

Восьмая конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности» была посвящена памяти Татьяны Борисовны Алисовой (20.02.1924–28.11.2014) — выдающегося ученого, международно известного романиста, основателя школы итальянистики на филологическом факультете. Значительная (если не сказать большая) часть исследователей, принявших участие в конференции, могут назвать себя учениками Татьяны Борисовны, а самые молодые

Жолудева Любовь Ивановна — старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: l.zholudeva@gmail.com).

Егизарян Павел Эдуардович — аспирант кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: pavel@egizaryan.ru).

из участников знакомы с ней по учебникам, с которых начиналось их знакомство с романской филологией.

Еще одной особенностью романской конференции 2015 г. стало возросшее количество участников: более 120 человек. Из них порядка 60 представляли различные факультеты МГУ (филологический, исторический, философский, факультет иностранных языков и регионоведения), восемь — институты Российской академии наук (Институт языкознания, Институт мировой литературы, Институт всеобщей истории, Институт Африки), четыре — зарубежные университеты (Университет Рим III, Сорбонна, Веронский университет, Белорусский государственный университет), более 30 — высшие учебные заведения Москвы (МГИМО (У) МИД России, РГГУ, РУДН, МГЛУ, МПГУ, МГПУ, Литературный институт имени А.М. Горького, НИУ Высшая школа экономики, Военный университет Министерства обороны РФ, Дипломатическая академия МИД РФ, РАНХиГС при Президенте РФ, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ); порядка 20 участников представили российские города, где давно существуют научные школы и на высоком уровне ведутся исследования в области романского языкознания (Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Орел, Белгород, Смоленск). По результатам выступлений в 2016 г. было опубликовано два сборника статей.

В рамках конференции состоялось два пленарных заседания; на них выступили Г.А. Гринина, Е.С. Романова, И.Н. Кузнецова, Н.М. Азарова (в соавторстве с С.Ю. Бочавер), Т.Ю. Загрязкина, М.В. Зеликов, О.С. Чеснокова, Ю.Л. Оболенская, М.М. Раевская, Т.И. Ретинская, И.А. Цыбова, Д.А. Шевлякова, С.Н. Кузнецов.

Тематика одиннадцати секционных заседаний отличалась особой широтой и разнообразием. Назовем лишь несколько тематических разделов: «Грамматика, семантика, прагматика»; «История романских языков; история стран романской речи»; «Принципы и методы преподавания романских языков»; «Лексикология. Языковая картина мира»; «Литературоведение»; «Теория и практика перевода»; «Социолингвистика»; «История романского языкознания». Впервые в рамках конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности» молодые исследователи — не только аспиранты, но и магистранты, а также студенты старших курсов бакалавриата — получили возможность выступить на специально организованных для них секционных заседаниях: «Доклады молодых ученых: литературоведение, стилистика, теория и практика перевода» и «Доклады молодых ученых: лингвистика; лингвокультурология; теория и практика перевода». Впоследствии материалы лучших из представленных докладов молодых романистов были опубликованы

в сборнике «VIII Международная научная конференция “Романские языки и культуры: от античности до современности”». Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова 26–27 ноября 2015 г. Доклады молодых ученых» (М.: МАКС Пресс, 2016).

Спустя два года, 30 ноября — 1 декабря 2017 г., на филологическом факультете прошла IX Международная научная конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности». В пленарных и секционных заседаниях приняли участие романисты из различных университетов Москвы и институтов Академии наук, а также из университетов Санкт-Петербурга, Смоленска, Белгорода и Орла. Кроме того, доклады представили коллеги из Италии и Болгарии. Всего было подано более 130 заявок, а в ходе двух пленарных и двенадцати секционных заседаний прозвучали 114 докладов.

В открытии конференции принимали участие заместитель декана филологического факультета по международным связям Г.Е. Кедрова и министр-советник посольства Португалии Фернанда И.К.В. Коэльо, обратившиеся к участникам с приветственным словом и пожелавшие им успешных выступлений и плодотворной научной дискуссии.

Пленарные заседания отразили междисциплинарную направленность конференции: речь шла о вопросах, касающихся и общего языкознания, и истории языка, и лексикологии, и литературоведения, и перевода. Доклады представили Н.А. Ганина, М.Ф. Надъярных, И.И. Челышева, В.А. Иовенко, М.А. Косарик, М.М. Раевская, М.В. Зеликов, Ю.Л. Оболенская, Т.Ю. Загрязкина, С.Н. Кузнецов, Е.Н. Михайлова, Т.И. Ретинская, О.А. Сапрыкина, И.А. Цыбова, О.С. Чеснокова, Д.А. Шевлякова.

Почти все секционные заседания из-за большого количества докладов проходили в два дня. Наряду с традиционными для конференции секциями («Грамматика, семантика, прагматика», «Лексикология, лексическая семантика», «Переводоведение», «Литература стран романской речи», «Социолингвистика, психолингвистика», «Методика преподавания романских языков»), на этот раз была организована междисциплинарная секция «Античность, средневековье, современность», объединившая историков, философов, культурологов и филологов. Кроме того, как и в 2015 г., два секционных заседания стали площадкой для научного общения молодых ученых-романистов.

После второго пленарного заседания состоялось закрытие конференции, в котором по традиции приняли участие студенты-романисты: итальянисты второго курса выступили с вокальным номером, который объединил испанский, итальянский, французский, португальский и румынский текст. С благодарственным словом вы-

ступили организаторы и участники конференции, выразив также желание участвовать в работе следующей, юбилейной X конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности», которая состоится 28–30 ноября 2019 г.

Избранные материалы IX конференции опубликованы в журнале “Stephanos”.

Liubov Zholudeva, Pavel Egizaryan

**VIII AND IX INTERNATIONAL CONFERENCES
ON ROMANCE LANGUAGES AND CULTURES:
FROM ANTIQUITY TO MODERNITY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a brief overview of the VIII and IX international conferences on Romance Languages and Cultures: From Antiquity to Modernity held at the Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology in 2015 and 2017. Special emphasis is laid on the panel discussions and contributions of young scholars.

Key words: Romance languages; Romance literatures; classical philology; cultural studies; history of linguistics.

About the authors: *Liubov Zholudeva* — PhD in Philology, Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: l.zholudeva@gmail.com); *Pavel Egizaryan* — PhD Student, Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: pavel@egizaryan.ru).

Т.С. Зевахина, Т.Г. Рошектаева

**КРУГЛЫЙ СТОЛ (НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ)
«ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

В статье рассматривается тематика и проблематика научных докладов, представленных на Круглом столе (научной конференции) «Диалекты в современном языковом пространстве», который был организован кафедрой русского языка и кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Обсуждались вопросы теоретического и лексикографического описания диалектов русского языка и языков других ареалов, а также проблемы параметризации диалектной речи.

Ключевые слова: диалектология; диалект; язык; языковые ареалы; лексикология; областной словарь.

6 июня 2018 г. на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова был проведен Круглый стол (научная конференция) «Диалекты в современном языковом пространстве». В работе Круглого стола приняли участие ведущие диалектологи филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и Института языкознания РАН, а также все те, кто интересуется актуальными проблемами диалектологии.

В докладе *Ю.Б. Корякова* (ИЯ РАН) «Как нам отличить язык от диалекта?» был дан обстоятельный анализ социо-этно-политического и структурного подходов к проблеме разграничения языков и диалектов. Социо-этно-политический подход к данной проблеме основан на выделении следующих четырех параметров: общая наддиалектная норма; этническая ориентация; мнение носителей языка или диалекта; официальный статус идиома. Докладчиком была предложена методика разграничения разных языков, а также

Зевахина Татьяна Сергеевна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tzev@mail.ru).

Рошектаева Татьяна Геннадьевна — канд. филол. наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatiana.univers@mail.ru).

диалектов одного языка, основанная на определении процентного совпадения по 100-словному списку М. Сводеша — С.А. Старостина. Был представлен материал, показывающий распределение пар языков по процентам совпадений базовой лексики и уровню взаимопонятности идиомов. Ю.Б. Коряков определил процентное соотношение пороговых показателей совпадений базовых единиц языка и диалекта, позволяющих провести между ними разграничения. Были приведены примеры распределения групп пороговых показателей совпадений базовых единиц языка и диалекта, так как данное соотношение пороговых показателей позволяет провести между ними разграничения. Были приведены примеры распределения групп языков разных ареалов по процентам совпадений и таксономическому статусу. Основываясь на сведениях, представленных в Глобальной лексикостатистической базе данных (The Global Lexicostatistical Database), докладчик привел примеры использования лексикостатистического метода для анализа идиомов разных языковых ареалов (славянские языки, скандинавские языки, романские языки Италии, обско-угорские языки). Автор достаточно убедительно показал, как результаты разграничения языков и диалектов, полученные с помощью лексикостатистического метода анализа языкового материала, соотносятся с традиционными подходами к решению этой проблемы. Данный доклад вызвал оживленную дискуссию, которая послужила отправной точкой для дальнейшей работы Круглого стола.

И.Б. Качинская (МГУ) в докладе «Говор молокан с. Ивановка (Азербайджан)» рассказала о работе ежегодных диалектологических экспедиций в село Ивановка Исмаиллинского района Азербайджана, проводимых докладчиком со студентами русского отделения филологического факультета Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Баку. Русские молокане, переселённые на Кавказ в 30-е годы XIX в., остались приверженцами своих религиозных воззрений, сохранили многие обычаи и язык. Докладчиком были представлены результаты анализа говора русских молокан села Ивановка. Анализ диалектного материала показал, что особенности фонетики и грамматики говора молокан села Ивановка (Азербайджан) позволяет предположить связь данного говора с восточной зоной южнорусского наречия, с рязанскими или тамбовскими говорами. Интерес у присутствующих на научной конференции вызвала информация И.Б. Качинской о текстах (надписях), которые женщины, проживающие в селе Ивановка, вышивают на платках. Предмет бытовой этнокультуры — платок — снабжен текстом, который становится объектом изучения и описания диалектологов. Доклад И.Б. Качинской сопровождался показом богатого иллюстративного материала, отражающего обычаи и традиции молокан села Ивановка (Азербайджан).

Е.А. Нефёдова (МГУ) выступила с докладом «Архангельский областной словарь: параметры и характеристики». Е.А. Нефёдова отметила, что «Архангельский областной словарь» (АОС) — это полидиалектный системный словарь, фиксирующий функциональные особенности живой диалектной речи и содержащий сведения этнокультурного характера. Возможность совмещения параметров «полидиалектность» и «системность» определяется такими характеристиками словаря, как состав словника; иллюстративная база; свободная и полусвободная сочетаемость; синонимические связи; географические пометы. В докладе Е.А. Нефёдовой было показано, что в состав словника АОС, кроме собственно диалектной лексики, включается также лексика, которая является в литературном языке разговорной, просторечной или устаревшей, а в архангельских говорах не имеет такой стилистической окрашенности. Особое место в АОС занимают общерусские слова, имеющие в пространстве диалекта системообразующее значение. За время работы над АОС сотрудниками и студентами филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова были созданы бумажная и электронная картотеки словаря, которые включают в себя более шести миллионов карточек. Наиболее частотные слова представлены в картотеке АОС множеством разнообразных контекстов. Наряду с речевыми высказываниями, в картотеке имеются также сентенции, пословицы и поговорки, примеры из других фольклорных жанров, а также сведения, содержащие этнолингвистическую информацию. Е.А. Нефёдова подчеркнула, что широкая представленность свободной и полусвободной сочетаемости в словарной статье АОС позволяет отразить особенности функционирования слова в диалекте, зафиксировать тонкие речевые смыслы, выявить палитру разнообразных метонимических и метафорических употреблений, образованных как от исходных, так и от производных значений. В своём выступлении Е.А. Нефёдова отметила, что синонимические связи в АОС показаны с помощью перекрестных ссылок. Полный ряд синонимов дается при словодоминанте. В заключение доклада до слушателей была доведена важная информация о том, что включенные в АОС географические пометы определяют географию каждого слова (словозначения), которая представлена в словарной статье в виде перечня районов и населенных пунктов, что позволяет выявить внутрисистемные отношения в каждом конкретном говоре.

Л.О. Чернейко (МГУ) в своём выступлении «Беседы с информантами: из опыта диалектологических экспедиций» затронула актуальные теоретические проблемы общелингвистического характера и частной лексикографической методики. Л.О. Чернейко напомнила участникам Круглого стола, что её первая диалектологическая практика под руководством выдающегося диалектолога О.Г. Гецовой на

долгие годы определила круг ее собственных научных интересов. Л.О. Чернейко отметила, что ценность полевой работы заключается в формировании лингвистического мышления и в понимании того методологически важного факта, что звучащая речь является единственным источником лингвистической реальности при сборе диалектного материала. Слушание речи носителя диалекта развивает у филолога фонетический слух и слух герменевтический, под которым Л.О. Чернейко подразумевает умение понимать непонятное с опорой на контекст, а также умение наладить общение с информантом. Приведя примеры диалектологических диалогов, Л.О. Чернейко изложила свое видение проблемы соотношения предметного и умозрительного миров, а также раскрыла специфику отношения к ним носителей диалекта. Л.О. Чернейко отметила, что носители диалекта уделяют особое внимание реалиям внешнего мира, которое выражается в тонком и точном отображении различий в номинации природных объектов. Л.О. Чернейко также коснулась неоднозначной семантики терминов «абстрактное–конкретное», подчеркнув, что отражение предметного мира тем конкретнее, чем больше сем выделяется в сигнификате наивного понятия, а количество этих сем производно от количества семантических оппозиций, которые образует данное слово с другими единицами парадигмы. В заключение доклада Л.О. Чернейко отметила, что созданная на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова диалектологическая школа воспитала и продолжает воспитывать филологов, которые могут понять и описать языковую систему изучаемого диалекта и раскрыть картину мира его носителей.

Т.Г. Рошкетаяева (МГУ) в докладе «Изучение диалектов венгерского языка на современном этапе» привела ключевые сведения по истории венгерской диалектологии (XVIII–XX вв.). В ходе доклада было представлено описание исследований в области венгерской диалектологии, проведенных в XXI в., и были изложены точки зрения венгерских лингвистов на важность изучения современного состояния диалектов венгерского языка. Т.Г. Рошкетаяева отметила роль венгерских периодических научных изданий, в которых публикуются материалы по описанию диалектов венгерского языка и их функционированию с учетом социолингвистических параметров.

Т.С. Зевахина (МГУ) свой доклад посвятила теме «Редупликации дунганского языка в словаре и в тексте». Речь шла об описании функций и определении количества редуплицированных форм в дунганском языке, который по происхождению является одним из северо-западных диалектов Китая. Материалом для исследования послужила картотека дунганско–русского семантического словаря, подготовленная сотрудниками и студентами отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ

имени М.В. Ломоносова и являющаяся результатом работы Среднеазиатских лингвистических экспедиций, которые проводились в 1977–1988 гг. под руководством Б.Ю. Городецкого и автора данного доклада. Лингвистические эксперименты, включающие опрос информантов, сбор лексического материала и его анализ, помогли определить закономерности функционирования и количественные показатели редуцированных форм в дунганском языке.

В ходе обсуждения докладов, представленных на Круглом столе (научной конференции), состоялся плодотворный обмен мнениями по актуальным проблемам современной диалектологии. Докладчики и участники Круглого стола отметили, что изучение и описание диалектов русского языка и диалектов других языковых ареалов является неотъемлемой частью лингвистических исследований. Понимание значимости диалектов, участвующих в формировании современного языкового пространства, необходимо для сохранения уникальности этнокультурных реалий, запечатлённых в живой диалектной речи.

Tatiana Zevakhina, Tatiana Roshchektaeva

ROUND TABLE (SCIENTIFIC CONFERENCE) DIALECTS IN CONTEMPORARY LINGUISTIC SPACE

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

M.V. Lomonosov Moscow State University

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article presents the content of scientific reports which were made on the first Round table (scientific conference) Dialects in contemporary linguistic space. This Round table was organized on the Faculty of Philology of M.V. Lomonosov Moscow State University by Department of Russian language and Department of Theoretical and Applied Linguistics. On the Round table (scientific conference) were discussed the questions of theoretical and lexicographical description of dialects of Russian language, of Slavic languages, of Scandinavian languages, of Romance languages of Italy, of Ob-Ugric languages. In the reports of linguists were analyzed the parameters of dialectological speech and the aspects of the history of Russian dialectology and dialectology of Dungan language, of Hungarian language.

About the authors: *Tatiana Zevakhina* — PhD in Philology, Senior Researcher, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tzev@mail.ru); *Tatiana Roshchektaeva* — PhD in Philology, Department of Russian Language for Foreign Students of the Faculty of Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tatiana.univers@mail.ru).

ЮБИЛЕИ

М.В. Михайлова, Ю.В. Шевчук

ДУХОВНАЯ ЖАЖДА ЛИДИИ АНДРЕЕВНЫ КОЛОБАЕВОЙ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена юбилею Лидии Андреевны Колобаевой, чей творческий путь в филологии ознаменован многочисленными победами. Отмечены ее яркие литературоведческие труды, вклад в изучение русского символизма начала XX в., разработка особенностей поэзии И. Анненского, исследование философского фундамента русской литературы рубежа XIX–XX вв., освоение наследия И. Бродского. Охарактеризован ее научный облик и личностные качества ученого и преподавателя.

Ключевые слова: Л.А. Колобаева; русский символизм; философия и литература; И.Ф. Анненский; И.А. Бродский.

Поколение, пришедшее на филологический факультет в самом конце «оттепели», помнит эту молодую преподавательницу с прекрасной косой, уложенной вокруг головы, которая увлеченно, то что называется, «говоря сердцем», рассказывала студентам об удивительном лирическом дыхании Ольги Берггольц в «Дневных звездах», о молодежной прозе В. Аксенова и А. Гладилина. Как давно это было! Но самое поразительное, что пыл Лидии Андреевны Колобаевой, юбилей которой отмечается в этом году, не угас. Все так же молод и напорист ее голос, когда она отстаивает свою точку зрения, все так же весомы ее умозаключения по самым животрепещущим проблемам филологической науки, все так же горячо отстаивает она интересы своей любимой кафедры, на которой она начала работать в 1959 г., окончив филологический факультет в 1953 г.

Лидия Андреевна всегда выбирала нелегкие и не прямые пути в литературоведении. Уже отошла в прошлое пора «оттепели», а она

Михайлова Мария Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАЕН (e-mail: mary1701@mail.ru).

Шевчук Юлия Вадимовна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Отдел русской литературы конца XIX — начала XX вв. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (e-mail: julyshevchuk@yandex.ru).

упорно продолжала на лекциях рассказывать студентам о «Районных буднях» В. Овечкина и «Иду на грозу» Д. Гранина, откровениях «деревенской прозы» А. Яшина и С. Антонова. Серебряный век русской литературы еще приглашенным являл себя в лекциях других преподавателей филологического факультета с неременной апелляцией к фигуре М. Горького, а Лидия Андреевна уже делала модернизм его центральным пунктом, говоря, что это «сильнейший обновляющий фермент искусства и литературы в нашем столетии» [Колобаева, 2000: 5], что и послужило причиной ее «ссылки» в 1970-е годы на философский факультет. Однако последнее пошло только на пользу: там сформировался главный ракурс большинства ее исследований. Отныне философский фундамент литературного произведения становится основой ее изысканий и ракурсом рассмотрения художественной концепции личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв., чему и была посвящена ее докторская диссертация, защищенная в 1988 г., оформленная в виде монографии в 1990. И центральным пунктом ее концепции стал посыл: «В каком-то кругу, в каких-то отношениях (хотя бы в отношении к одному человеку на свете) каждый человек действительно главное, не подменимое никем и не восполнимое ничем лицо» ([Колобаева, 1990: 16]). Думается, что тем же самым она руководствуется и в отношениях с окружающими ее людьми, что во многом определяет и ее требовательность к ним.

Далее она продолжает рассматривать ситуацию в русской литературе конца XIX – начала XX в. под разными углами зрения, то сосредотачиваясь на такой крупной фигуре, как И.А. Бунин (итогом стала книга «Проза И.А. Бунина», 1998), то постигая проблему трагического в литературе этого времени, то раскрывая поэтику игры, трагической иронии и абсурда в поэзии XX в. на материале произведений И. Анненского, Г. Иванова, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, В. Высоцкого, И. Бродского и др. Сегодня без отсылок к ее фундаментальному труду «Русский символизм» (1-е изд. — 2000; 2-е — 2017) не обходится ни одно исследование об этом культурном феномене. А ее книги «Философия и литература: параллели, переключки и отзвуки (Русская литература XX века)» (2013), «И.А. Бродский: анализ поэтического текста (2014)» и «От А. Блока до И. Бродского (О русской литературе XX века)» (2015) подытожили размышления и ее творческие поиски за истекшие почти 20 лет XXI столетия. Для последней книги характерен большой «разброс» тем: в ней помещены, кроме статей о писателях Серебряного века, статьи о творчестве А.И. Солженицына, В.С. Гроссмана, В.Г. Распутина и др. художников новейшего времени. И это вполне объяснимо для ученого, улавливающего «временную связующую нить». Ведь писала же Лидия Андреевна, что «художественно»

ственное сознание конца XIX — начала XX века во многом близко тревогам нашего сегодняшнего времени», что именно тогда родилось «чувство приближающегося рокового часа человечества возмездия за его вековые заблуждения и вместе с тем надежды на обновление» [Колобаева, 1990: 332]. Важное место заняли и написанные ею главы о Бунине, Горьком, Мандельштаме, Анненском в подготовленном кафедрой учебнике по литературе Серебряного века (2017).

Каждая работа Лидии Андреевны отмечена вдумчивостью и подлинным новаторством. Но отработывает свои взгляды ученый в тесном сотрудничестве с ИМЛИ РАН им. М. Горького РАН, в трудах которого регулярно принимает участие, общаясь с аспирантами и докторантами. Под ее началом защищено 20 кандидатских и три докторских диссертации, причем в каждом из учеников Лидия Андреевна пробуждает интерес к философской аргументации анализа литературного материала.

При праздновании на кафедре своего прежнего юбилея Лидия Андреевна произнесла проникновенную речь, в которой призналась в том, что не мыслит себя вне коллектива кафедры, вне участия в ее жизни. А в этот юбилейный год все члены кафедры буквально хором готовы сказать: «Лидия Андреевна, мы счастливы, что Вы с нами. Не болейте и радуйте нас и дальше своими книгами, принципиальностью, преданностью литературе и избранной позиции».

Список литературы

1. Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000.
2. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. М., 1990.

Maria Mikhailova, Julia Shevchuk

SPIRITUAL THIRST OF LYDIA KOLOBAEVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the anniversary of Lydia Kolobaeva, whose professional career is marked by numerous victories. We celebrate her bright literary works, her invaluable contribution to the study of early 20th-century Russian symbolism, her profound analysis of I. Annensky's poetry, and the study of the philosophical foundations of Russian literature, including I. Brodsky. L. Kolobaeva's performance as a researcher and as an academic has much to commend it.

Key words: Lidiya Kolobaeva, Russian symbolism, literature and philosophy; I. Annensky; I. Brodsky.

About the authors: *Maria Mikhailova* — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Member of the Russian Academy of Natural Sciences (e-mail: mary1701@mail.ru); *Julia Shevchuk* — Prof. Dr., Leading Researcher; Gorky Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences), Department of late 19th-early 20th century Russian Literature (e-mail: julychevchuk@yandex.ru).

References

1. Kolobaeva L.A. *Russkii simvolizm* [Russian symbolism]. M., *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Publishers], 2000. 296 pp.
2. Kolobaeva L.A. *Kontsepsiia lichnosti v russkoi literature rubezha XIX–XX vv.* [The concept of personality in Russian literature of XIX–XX centuries.] M., *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Publishers], 1990. 335 pp.